

**Общество.
Коммуникация.
Образование**

Том 13, № 1, 2022

ОБЩЕСТВО. КОММУНИКАЦИЯ. ОБРАЗОВАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор — **Чернявская В.Е.**, д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия.

Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Алексеев А.П., д-р филос. наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия;

Аронина Л.И., д-р наук, профессор, Академический Колледж Ораним, Израиль;

Бернер Э., д-р филос. наук, профессор, Потсдамский университет, Германия;

Ван Цзясин, д-р филол. наук, профессор, Нанкинский университет, КНР;

Жаркынбекова Ш.К., д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Нур-Султан, Казахстан;

Зенош-Айата Дж., д-р филос. наук, профессор, Стамбульский университет, Турция;

Иссерс О.С., д-р филол. наук, профессор, Омский государственный университет, Россия;

Кулик С.В., д-р ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Куликова Л.В., д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия;

Куссе Х., д-р филол. наук, профессор, Технический университет Дрездена, Германия;

Мавродиева И.Т., д-р филос. наук, профессор, Софийский университет имени Св. Климента Охридского, Болгария;

Марков Б.В., д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия;

Микиртумов И.Б., д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия;

Миронов В.В., д-р филос. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия;

Пиотровская К.Р., д-р пед. наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия;

Свердлов М.Б., д-р ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия;

Серкова В.А., д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Тарева Е.Г., д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Россия;

Тульчинский Г.Л., д-р филос. наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия;

Халяпина Л.П., д-р пед. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Шпицмюллер Ю., д-р филол. наук, профессор, Венский университет, Австрия;

Яковлева А.Ф., канд. полит. наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года журнал выпускался в составе сериального периодического издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ» (ISSN 1994-2354). В 2019 году он был переименован в «Общество. Коммуникация. Образование», как сетевое издание. Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-77377 от 25 декабря 2019 г.

Тематические разделы издания соответствуют отраслям науки согласно Номенклатуре специальностей научных работников, по которым присуждаются ученые степени: 07.00.00 — Исторические науки и археология, 09.00.00 — Философские науки, 13.00.00 — Педагогические науки.

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibrary.ru>.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

Тел. редакции: (812) 552-62-16.

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Society.
Communication.
Education**

Vol. 13, No. 1, 2022

Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
2022

SOCIETY. COMMUNICATION. EDUCATION

EDITORIAL BOARD

Valeriya E. Chernyavskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation – editor-in-chief.

Nadezhda I. Almazova, Dr.Sc. (ped.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Aleksandr P. Alekseev, Dr.Sc. (philos.), prof., Lomonosov Moscow State University, Russian Federation;

Larissa Aronin, Associate Professor, Oranim Academic College of Education, Israel;

Elizabeth Berner, Dr.Sc. (philos.), prof., University of Potsdam, Germany;

Wang Jiaxing, Dr.Sc. (philol.), prof., Nanjing University, China;

Sholpan K. Zharkynbekova, Dr.Sc. (philol.), prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan;

Canan Şenöz-Ayata, Dr.Sc. (philos.), prof., Istanbul University, Turkey;

Oxana S. Issers, Dr.Sc. (philol.), prof., Omsk State University, Russian Federation;

Sergey V. Kulik, Dr.Sc. (history), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Lyudmila V. Kulikova, Dr.Sc. (philol.), prof., Siberian Federal University, Russian Federation;

Kuße Holger, Dr.Sc. (philol.), prof., Technical University of Dresden, Germany;

Ivanka T. Mavrodiava, Dr.Sc. (philos.), prof., Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Bulgaria;

Boris V. Markov, Dr.Sc. (philos.), prof., St. Petersburg State University, Russian Federation;

Ivan B. Mikirtumov, (philos.), prof., St. Petersburg State University, Russian Federation;

Vladimir V. Mironov, Dr.Sc. (philos.), prof., Lomonosov Moscow State University, Russian Federation;

Xenia R. Piotrowska, Dr.Sc. (ped.), prof., Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation;

Mikhail B. Sverdlov, Dr.Sc. (history), prof., St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, Russian Federation;

Vera A. Serkova, Dr.Sc. (philos.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Elena G. Tareva, Dr.Sc. (ped.), prof., Moscow Pedagogical University, Russian Federation;

Grigorii L. Tulchinskii, Dr.Sc. (philos.), prof., National Research University Higher School of Economics, Russian Federation;

Lyudmila P. Khalyapina, Dr.Sc. (ped.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Jürgen Spitzmüller, Dr.Sc. (philol.), prof., University of Vienna, Austria;

Aleksandra F. Yakovleva, Ph.D. (political), assoc. prof., Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

The journal is included in the List of Leading PeerReviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of Ph.D theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

This journal has been published as a part of the St. Petersburg State Polytechnic University Journal serial publication since 2010. It is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR) in 2012. Certificate ЭЛ № ФС77-77377 issued December 25, 2019.

The journal is divided into thematic sections that correspond to the fields of study in which postgraduates gain science degrees. The nomenclature of scientific specialties: 07.00.00 — historical sciences and archeology, 09.00.00 — Philosophical sciences, 13.00.00 — Pedagogical sciences.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base.

© Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>). No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia.

Содержание

Жаркынбекова Ш.К., Гювен Ф. <i>Формирование профессиональной идентичности лингвиста в цифровой образовательной среде Казахстана</i>	7
Имбер С.Ю. <i>Роль комментариев пользователей в формировании цифровой репутации СМИ (на примере немецкоязычного журнала SPIEGEL)</i>	18
Глотова Я.А. <i>Особенности антонимического русско-английского перевода имен прилагательных (на материале произведения А.П. Чехова «Дама с собачкой»)</i>	28
Колесникова Н.И. <i>Русский научный стиль vs академическое письмо</i>	36
Сүлейманова О.А., Водяницкая А.А. <i>Academic Recycling как новая реальность: проблема определения цифровой идентичности современного исследователя</i>	48
Кожевникова М.Н. <i>Рефлексия метода: на примере исследования образования человека</i>	57
Ли М., Бай Я., Цинь Б. <i>Плюсы и минусы стратегий слияния и развития университетов: на примере Цзилиньского университета в Китае</i>	70

Contents

Zharkynbekova Zh.K., Guven F. <i>Formation of Linguist professional identity in the digital educational environment in Kazakhstan</i>	7
Imber S.Yu. <i>The role of SPIEGEL readers' comments in shaping the reputation of news media</i>	18
Glotova Ya.A. <i>Idiosyncratic way of antonymic Russian-English translation in the sphere of adjectives (case study of «The Lady with the Dog» by Anton P. Chekhov)</i>	28
Kolesnikova N.I. <i>Russian scientific style vs academic writing</i>	36
Suleimanova O.A., Vodyanitskaya A.A. <i>Academic Recycling as a new reality: defining digital identity of a modern researcher</i>	48
Kozhevnikova M.N. <i>Reflection of the method: case study of a human education</i>	57
Li M., Bai Y., Qin B. <i>Pros and Cons of University Merger and Development Strategies: A Case Study of Jilin University in China</i>	70

Научная статья

УДК 81

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13101>

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИНГВИСТА В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ КАЗАХСТАНА

Ш.К. Жаркынбекова¹ , Ф. Гювен²

¹ Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Нур-Султан, Республика Казахстан;

² Назарбаев Университет,
г. Нур-Султан, Республика Казахстан

 zharkyn.sh.k@gmail.com

Аннотация. Осуществляемая сегодня цифровая трансформация, несомненно, ведет к определенным изменениям в устройстве образовательного процесса, его организационных форматов и применяемых педагогических технологий. Интенсивное распространение цифровых технологий, возможность быстрой передачи информации в любую точку планеты через сети интернет требует пересмотра серьезного подхода к разработке требований к квалификациям и компетенциям обучающегося. Данная проблема приобретает особую актуальность применительно к студенческому сообществу, поскольку их период становления идентичности (профессиональной, социальной) совпадает с интенсификацией цифровой среды. Целью исследования является оценка влияния цифровизации обучения на формирование профессиональной идентичности будущего специалиста (в данном случае лингвиста). Результаты опроса студентов одного из ведущих казахстанских вузов – Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева – позволили выявить отношение студентов к переходу на онлайн обучение, определить, насколько изменился характер их социальных взаимодействий, выяснить их предпочтения в формате образования, тем самым определить, как цифровая среда влияет на их профессиональное становление как будущих лингвистов.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, онлайн обучение, профессиональная идентичность, удовлетворенность студентов, оценка эффективности обучения.

Финансирование: исследование финансировалось Назарбаев Университетом в рамках проекта Funder (Reference# 280720FD1903).

Для цитирования: Жаркынбекова Ш.К., Гювен Ф. Формирование профессиональной идентичности лингвиста в цифровой образовательной среде Казахстана // Общество. Коммуникация. Образование. 2022. Т. 13. № 1. С. 7–17. DOI: 10.18721/JHSS.13101

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Scientific article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13101>

FORMATION OF LINGUIST PROFESSIONAL IDENTITY IN THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN KAZAKHSTAN

Zh.K. Zharkynbekova¹ , F. Guven²

¹ L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Nur-Sultan, Kazakhstan;

² Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

 zharkyn.sh.k@gmail.com

Abstract. The digital transformation underway today undoubtedly leads to certain changes in the structure of the educational process, its organizational formats and applied pedagogical technologies. The intensive spread of digital technologies and the possibility of rapid transfer of information to any part of the world via the Internet require a serious approach to the development of qualifications and competences requirements for students. This problem is of particular relevance for the student community, as their period of identity formation (professional, social) coincides with the intensification of the digital environment. The aim of the study is to assess the impact of digitalization of learning on the formation of professional identity of a future specialist (in this case, a philologist). The results of the survey of students of one of Kazakhstan's leading universities, L.N. Gumilyov Eurasian National University, made it possible to identify students' attitudes to the transition to online learning, determine how the nature of their social interactions has changed, find out their preferences in the format of education, thereby determine how the digital environment affects their professional formation as future philologists.

Keywords: digital learning environment, online learning, professional identity, student satisfaction, assessment of learning effectiveness.

Acknowledgements: The study was funded by Nazarbayev University as part of the Funder project (Reference# 280720FD1903)

Citation: Zh.K. Zharkynbekova, F. Guven, Formation of Linguist professional identity in the digital educational environment in Kazakhstan, *Society. Communication. Education*, 13 (1) (2022) 7–17. DOI: 10.18721/JHSS.13101

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

Проблема формирования профессиональной идентичности в процессе обучения привлекает в наши дни особое внимание специалистов в сфере профессионального образования. Об этом свидетельствует увеличение количества публикаций, посвященных личности профессионала, его особенностям и качественным характеристикам, важнейшей из которых является «степень осознания себя специалистом как субъекта предстоящей профессиональной деятельности» [1, с. 56].

При переходе на новый уровень образования, передачи знаний необходимо учитывать интерес к формированию профессиональной идентичности будущего специалиста, который связан с использованием современных информационных технологий и ресурсов цифровой инфраструктуры. «С одной стороны, образовательная организация – среда значимая в социально-культурном развитии человека, а, с другой, цифровизация образовательной среды расширяет границы возможностей, коммуникаций обучающихся, что изменяет социальную ситуацию, трансформирует мотивационноценностную сферу, влияет на личностное и профессиональное самоопределение обучающихся как цифрового поколения, погруженного в цифровую среду и цифровые коммуникации, носителя ценностей, формируемых под воздействием компьютеров, мобильных

устройств, Internet, социальных сетей [2, с. 425]. Способность постоянно адаптироваться к новому, овладение цифровыми академическими знаниями позволяют современному студенту быть активным участником глобальной цифровой трансформации, а значит развивать необходимые профессиональные знания, умения и навыки. Поэтому значимым сегодня является как теоретическое осмысление вопросов, связанных с процессом, динамикой формирования профессиональных особенностей языковой личности, так и экспериментальное выявление проблем, с которыми столкнулись преподаватели и студенты при переходе на дистанционные (онлайновые) форматы обучения. Изучение удовлетворенности учебным процессом в условиях онлайн-обучения позволяет определить степень ее влияния на формирование профессиональной идентичности студентов.

Исследование было проведено на основе анкетирования 59 студентов филологических специальностей Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Профессия филолога обладает большой общественной значимостью в социальной и культурной областях жизни общества, важна роль филологов в продвижении норм культуры речи и коммуникации в социуме, она была и есть одна из популярных и востребованных профессий. В Казахстане особый интерес к подготовке кадров в области языка и литературы продиктован также немаловажными факторами, связанными с сложившейся в стране языковой ситуацией многоязычия и поликультурности и внедрением полиязычия в систему образования. Концепция би(поли)лингвального образования стала своего рода действенным инструментом эффективного формирования речемыслительной культуры языковой личности на разных образовательных ступенях.

Полученные результаты вносят определенный вклад в эмпирическую базу проводимых исследований, способствуя объективному пониманию трансформационных процессов, которые происходят в условиях интенсификации цифрового обучения и сопровождаются определенными противоречиями.

Обзор исследований

Как дистанционное образование, так и онлайн-обучение не являются новыми подходами в педагогике, тем не менее, как показал анализ литературы по данной проблеме, психолого-педагогические основы онлайн обучения находятся на стадии формирования. Поэтому вопрос о влиянии онлайн обучения на развитие профессиональных навыков остается не только открытым, а нуждается в дальнейшей детальной разработке.

В последние два десятилетия заметен рост многочисленных исследований в области образовательных технологий, посвященных вопросу эффективности дистанционного (онлайн) обучения. Мнения разделились. К примеру, по данным исследования, посвященного использованию электронных технологий в обучении европейскими вузами, которое было проведено Европейской университетской ассоциацией, около половины опрошенных (в анкетировании приняло участие 38 образовательных организаций Европы, а это примерно 1/3 общего европейского вузовского образовательного пространства), считают, что e-learning не повышает качество образования или не уверены в этом¹. В публикациях на данную тему часто утверждается, что переход на дистанционное образование «негативно сказывается на процессе формирования профессиональной идентичности, вследствие чего остро стоит вопрос о разработке таких форм проведения занятий и организации коммуникации с представителями профессии, который бы мог компенсировать дефицит профессионального общения, контроля и профессиональной деятельности, не требуя при этом обязательного дополнительного технического оснащения как преподавателей, так и студентов [3, с. 46]. По мнению других исследователей, «при грамотной организации эффективность обучения в дистанционной форме абсолютно сопоставима с эффективностью в очной форме при

¹ Исследование: электронное обучение в вузах Европы // URL: <https://newtonew.com/tech/issledovanie-elektronnoe-obuchenie-v-vuzah-evropu> (дата обращения: 10.11.2021).

прочих равных условиях [4, с. 73]. Активно обсуждается использование онлайн курсов в системе смешанного обучения [5].

Несомненно, эффективность применения дистанционных технологий в образовательном процессе зависит от множества факторов. Наиболее значимыми среди них являются готовность самих участников образовательного процесса к использованию новых средств обучения, компетентностная направленность процесса обучения, психологическая адаптация, материально-техническая обеспеченность.

В целях более глубокого и объективного понимания степени влияния происходящих изменений на непосредственных участников обучения (студентов и преподавателей) проводятся различные социологические исследования, большая часть из которых посвящена изучению удовлетворенности студентов и преподавателей новым форматом обучения: широкомасштабные (с привлечением вузов нескольких стран) [6] и локальные (на уровне нескольких вузов одной страны или одного университета) [7–11].

По результатам проведенных исследований выявлены аналогичные для многих высших учебных заведений проблемы, связанные с: адаптацией студентов и преподавателей к работе в режиме он-лайн; несоответствием дистанционной формы обучения образовательным стандартам; низким уровнем удовлетворенности студентов; изменением роли преподавателя в учебном процессе; низким уровнем субъект-субъектных отношений преподавателей и студентов; отсутствием возможности для творческого самовыражения, совместной деятельности; низким уровнем профессионально ориентированной дистанционной онлайн-среды; невысоким уровнем цифровой грамотности преподавателей; демотивацией студентов к обучению; неудовлетворенностью ими выбранной специальностью и страхом перед будущим трудоустройством [12]. Все это является препятствующим фактором в стремлении соответствовать тем требованиям, которые предъявляются к студенту. В условиях сложившейся социально-экономической ситуации, роста конкуренции, стремительного развития технологий и других факторов студент представляется как творческая, конкурентоспособная, стрессоустойчивая, саморазвивающаяся, готовая к изменениям и вызовам современности личность [13]. Следовательно, современные требования к подготовке профессионалов в условиях интенсивно меняющейся информационно-коммуникационной среды требуют серьезного осмысления и разработки новых теоретико-методологических подходов к обучению и должны быть направлены в первую очередь на создание такой среды, которая будет способствовать становлению личности с определенной системой ценностных представлений, имеющих отношение к конкретной профессиональной общности, другими словами, формированию профессиональной идентичности.

Методология и методы исследования

В ходе исследования авторами статьи были применены анализ и обобщение научной литературы по теме исследования, обработка и интерпретация полученной информации и анкетирование.

Основным инструментарием исследования был анкетный онлайн-опрос студентов филологического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Репрезентативная выборка составила 59 человек: 18 студентов – 2-го курса, 17 студентов 3-го (45.85%) и 24 – 4-го курсов (44.10%).

Для качественного анализа данных были разработаны и предложены вопросы закрытого типа и открытого типа. Обработка результатов была осуществлена в программе Excel, которая представила их в виде процентного распределения данных. Полученные данные были также обработаны с помощью статистической программы Statistical Package for the Social Sciences/SPSS 20.0. Анкета была создана при помощи Microsoft forms, распространялась посредством корпоративной электронной почты, социальных сетей. Участие в опросе было добровольным, а ответы на вопросы носили анонимный характер.

Результаты исследования

В соответствии с задачами исследования мы обратились к такому важному аспекту онлайн образования, как отношение студентов как участников образовательного процесса к переходу обучения в дистанционный формат.

Первый блок вопросов, помимо данных, представленных в разделе «Методология и методы исследования», включал вопросы, направленные на выяснение технических возможностей имеющихся обучающих устройств, а также качества интернет-соединения. Отметим, что студенты чувствуют себя достаточно уверенно с технической точки зрения и не испытывают значительных неудобств. Доступ к Интернету имеет абсолютное большинство респондентов – 95.63%, а 82.095% вполне удовлетворены скоростью интернет связи. Для выполнения заданий, которые даются для самостоятельной проработки, студенты в основном пользуются смартфонами и ноутбуками (48.47% и 44.10% соответственно). 7.42% используют планшет и компьютер (рис. 1). У подавляющего большинства (92.13%) (211) имеются необходимые для использования в учебном процессе камера, микрофон и наушники, 87.32% респондентов не имеют проблем с загрузкой требуемого программного обеспечения, у 78.60% студентов технические устройства достаточно новые (от 1 до 3-х лет). Только 2.62% респондентов указали на отсутствие технических устройств. Однако, заметим, что каждый третий респондент (34.49%) делится своим устройством с другими. Вполне очевидно, что не каждая семья может обеспечить детей (и себя) несколькими ноутбуками или компьютерами.

Ответы респондентов относительно используемых для обучения технологических инструментов показали, что студенты в первую очередь высоко оценили образовательные возможности провайдеров Microsoft Teams (41.04%) и Zoom (32.75%), которые уже зарекомендовали себя как доступные и действенные образовательные технологии: они дают широкие возможности для представления лекционного и практического материала, позволяют вести диалог в условиях реального времени с включенной камерой, аудиосвязью, демонстрацией своего экрана (или отдельного окна, части экрана и т.п.), есть возможность контролировать подключение и отключение микрофонов слушателей, общаться в чате. Тем самым они обеспечивают эффективное взаимодействие преподавателей и студентов в виртуальных аудиториях. Остальные приложения распределены следующим образом: 11.35% – WhatsApp, 10.04% – Google Meets, 2.18% – Moodle, 2.18% – Youtube и Instagram, Skype – 0.87% (рис. 2).

Обращаясь к анализу психоэмоционального состояния студентов, надо прежде всего отметить, что абсолютное большинство студентов социально активны. 89.5% активно общаются со своими однокурсниками, 72.05% участников опроса чувствуют себя членами университетского сообщества, заводят новые знакомства (69.86%). Тем не менее 25.73% респондентов переживали

Рис. 1. Обеспеченность техническими устройствами

Fig. 1. Availability of technical devices

Используемые для обучения технологические инструменты

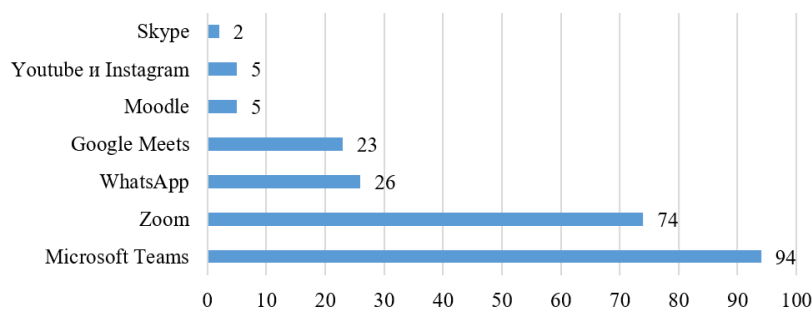

Рис. 2. Используемые для обучения технологические инструменты

Fig. 2. Technological tools used for training

определенные стрессовые ситуации дома, 9.13% отметили давление со стороны членов семьи, объяснив это несовпадением взглядов на жизнь, усталостью от домашних дел, постоянным контролем со стороны родных и проблемами внутреннего душевного дискомфорта.

Среди факторов, отвлекающих студентов от учебы, названы: домашние дела (приготовление еды, уборка, походы по магазинам, время еды), это отметили 46.46%; 13.33% отметили гостей, 9.89% шум детей, 9.25% указали на шум от телевизора, радио). Это свидетельствует о том, что домашняя обстановка не всегда способствует концентрации внимания на важных вопросах, связанных с получением важной информации, усвоением новых знаний и навыков.

Негативные эмоции связаны и с проблемами, возникающими в процессе онлайн занятий: 63.45% респондентов испытывали определенные переживания, вызванные техническими неполадками во время занятий, причинами которых были слабый интернет, недостаточная скорость, у некоторых не работали видео и микрофон, перегревался ноутбук из-за нагрузки. Отмечается и низкое качество звука на записанных лекциях – 3.73%. Практически каждый третий опрошенный (36.99%) нуждался в дополнительной технической помощи. При этом значительное большинство респондентов получают поддержку от семьи (родителей (31.51% и братьев/сестер (15.07%) и друзей (37.44%), а потом уже от IT-персонала (14.61%).

Эмоциональное состояние студентов может быть связано и с увеличением учебной нагрузки: 41.04% респондентов отметили рост недельной учебной, примерно столько же (40.61%) этого не ощутили, 18.35% затруднились ответить. Причем существенную нагрузку почувствовали 48.9% опрошенных: ее увеличение на 100% ощутили 11 студентов (6.04%), на 80% – 22 студента (12.09%), на 50% – 56 студентов (30.77%). Студенты в интервью отмечали увеличение объема заданий, что приводило к необходимости тратить больше времени и усилий на подготовку к семинарским занятиям и выполнение заданий для самостоятельной работы. Вполне очевидно, что вышеперечисленные эмоциональные проявления у студентов являются неблагоприятным фактором воздействия на способность их умственной деятельности и отражают неготовность обучающихся к восприятию и реализации активных форм и методов взаимодействия с преподавателем.

Блок вопросов, направленный на выявление оценки эффективности онлайн-обучения, показал следующие результаты.

Уровень удовлетворенности участников исследования онлайн обучением оказался довольно неоднозначным. Онлайн обучение, по мнению респондентов, имеет ряд очевидных преимуществ. Исследование показало, что, по мнению студентов режим онлайн обучения удобен (20.99%), гибок, поскольку позволяет заниматься ночью или рано утром (19.30%), экономичен (16.20%),

Преимущества онлайн обучения

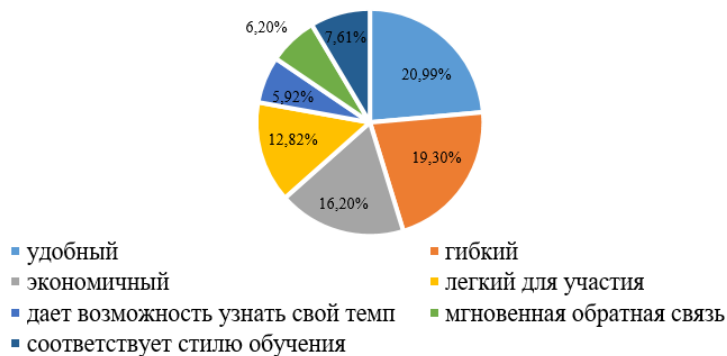

Рис. 3. Преимущества онлайн обучения

Fig. 3. Advantages of online learning

легок для участия (12.82%), дает возможность узнать свой темп (5.92%), возможность получения мгновенной обратной связи – 6.20%, соответствует стилю обучения (7.61%) (рис. 3).

Тем не менее, согласно полученным данным, каждый второй опрошенный (50.65%), считает, что онлайн-обучение менее информативно, чем офлайн. Примерно такое же количество респондентов (48.03%) придерживаются противоположного мнения (рис. 4).

При этом, значительная часть опрошенных (60.69%) отмечает, что продуктивность учебной деятельности не снизилась, более того 55.02% респондентов указали, что она повысилась.

На формировании профессиональной идентичности влияет и характер взаимодействий между участниками онлайн-обучения – преподавателями и студентами. К примеру, количество респондентов, общающихся с преподавателем во внеучебное время составило 43.39%, чуть больше половины опрошенных (56.61%) ответили на этот вопрос отрицательно. Причем, у трети респондентов (29.26%) возникают определенные трудности в общении с преподавателями во время онлайн-обучения, 7.45% респондентов не устраивает обратная связь. Безусловно, подобные ответы свидетельствуют о необходимости совершенствования процесса организации обратной связи с преподавателем, чтобы дать возможность студентам получить ответы на интересующие их вопросы.

Результаты распределения ответов о недостатках онлайн обучения показаны на рис. 5.

На первом месте проблемы технического характера (24.23%), на втором – нестабильная интернет связь и уменьшение социального взаимодействия (по 15.78%), на третьем – сложности с обратной связью (задать вопрос/получить ответ) – 10.51% и мотивацией (10.46%). 6.88% студентов отметили, что им трудно сосредоточиться на лекции, удержать информацию – 6.14%. Некоторых не удовлетворяют качество предоставляемого в электронной форме материала: большие по объему записанные лекции (4.85%), недоброкачественность записей (4.70%), им трудно не отвлекаться (4.56%). Кроме этого, (4.26%) непонятна информация на записанной лекции. На последнем месте ответы «отсутствие технических источников» (2.81%), «академическая нечестность» (2.37%), «отнимает много времени» (2.22%).

В целом, респонденты положительно относятся к онлайн обучению: на вопрос «Нравятся ли вам онлайн курсы?» большинство участников опроса (74.68%) ответили утвердительно, 25.32% дали отрицательный ответ. Однако позитивно оценивают эффективность такого обучения только 49.78% респондентов, более половины опрошенных (50.22%) противоположного мнения. Отсюда, как следствие, такое же примерно соотношение между теми, кто желает продолжить онлайн обучение в дальнейшем и теми, кто предпочитает традиционный формат обучения – 51.98% и 48.02%.

Информативность онлайн обучения

Рис. 4. Информативность онлайн обучения

Fig. 4. The informativeness of online learning

Недостатки онлайн обучения

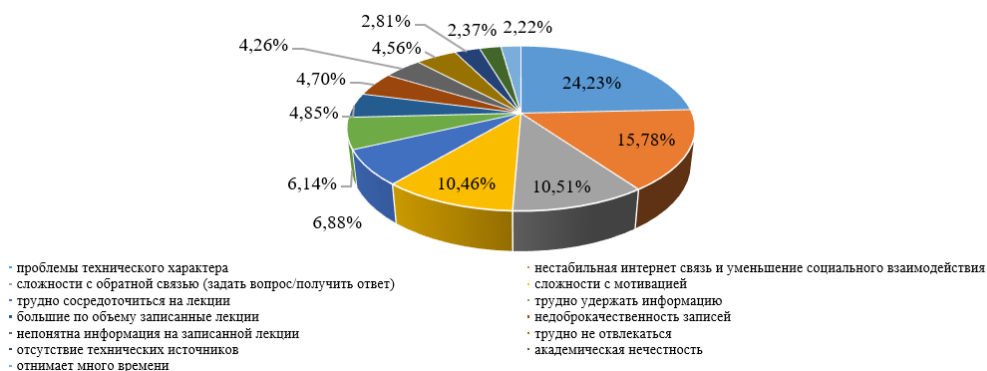

Рис. 5. Недостатки онлайн обучения

Fig. 5. Disadvantages of online learning

Как видим, позитивная и негативная оценка онлайн-занятий распределена практически в равных долях. Можно предположить, что несмотря на стремительно растущую популярность онлайн обучения по всему миру, не у всех студентов на момент проведения опроса был небольшой опыт такого обучения и с введением этой формы им пришлось адаптироваться к новым условиям получения знаний. Только чуть больше половины опрошенных (56.62%), заявили, что организовывали прежде онлайн-встречи семьи или друзей.

С вышеприведенными результатами согласуются и ответы на вопрос о предпочтениях между онлайн обучением и работой в аудитории: 51.97% выбрали онлайн. Вполне очевидно, что сюда относится категория студентов, имеющих бесперебойный доступ к Интернету, своевременно получавших задания от преподавателей, имевшие возможность онлайн-консультаций. Для другой половины опрошенных студентов (48.03%) более привычна и удобна аудиторная форма учебного процесса. В устных обсуждениях этих вопросов респонденты отмечали, что непосредственный контакт с преподавателем способствует созданию учебной атмосферы, в которой информация воспринимается лучше, а усвоение материала более продуктивно, возможность прямого обращения к преподавателю дает быструю обратную связь. Для студентов важно видеть реакцию преподавателя на их высказывания, ощущать его заинтересованность, живую энергетику, что возможно только на встречах «face to face». Ведь зачастую онлайн-формат включает в себя уже когда-то записанные вебинары и не предполагает ни связи, ни зрительного контакта между преподавателем и студентом. А живое общение влияет на уровень вовлеченности студента в образовательный

процесс и тем самым ведет к увеличению объема полученных знаний. С другой стороны, нельзя не принимать во внимание, что отрицательное отношение к таким переменам, может быть связано и с недостаточным уровнем методик, используемых преподавателями в онлайн обучении.

При этом, надо отметить, что в целом, студенты достаточно высоко оценили работу преподавательского состава в период онлайн обучения. 86.90% респондентов считают, что объем предлагаемого преподавателями материала достаточен для успешного усвоения предмета.

Заключение

В системе образования Казахстана произошли серьезные изменения, обусловленные интенсификацией образовательного цифрового пространства. Как выяснилось, онлайн обучение представляет собой серьезную альтернативу традиционному обучению. Онлайн обучение потребовало новых усилий, направленных на создание (усовершенствование) цифровых технологий, формирование новых навыков и компетенций как у студентов, так и преподавателей. Ясно, что результативность и успешность процесса обучения напрямую зависит от уровня удовлетворенности дистанционным обучением и статуса профессиональной идентичности.

Среди проблем, на которые указывали студенты, следует отметить низкую самоорганизацию, когда многое зависит от установок и личностного развития самого обучающегося. Еще один немаловажный фактор – это уровень подготовки самих преподавателей: в их владении цифровыми инструментами, в умении пользоваться инновационными методами обучения, четком понимании того, как формируются заявленные в курсах компетенции, в их стремлении к постоянному самосовершенствованию и многое другое. Для современного преподавателя важно не просто уметь пользоваться технологиями, а делать это творчески и методически осмысленно, осознавая их возможности и ограничения [14]. Сегодня многие университеты нуждаются в инновационных программах и методиках, разработка которых считается одной из приоритетных задач современной педагогики. Не секрет, что система казахстанского образования (как и многих стран постсоветского пространства), построенная в основном на принципе аудиторного обучения, недостаточно адаптирована для самостоятельных форм обучения.

Это, в свою очередь, определяет необходимость разработки специальных технологий поддержки становления профессиональной идентичности в цифровой образовательной среде, нацеленных на повышение продуктивности данного процесса [15, с. 988].

Нет сомнения в том, что рынок дистанционных образовательных услуг будет расширяться. Детально продуманное и методически обоснованное использование синхронных и асинхронных способов взаимодействия преподавателей со студентами, грамотно построенная запись преподавателями занятий, проведенных онлайн, создание электронного учебно-методического обеспечения курса, электронных материалов каждого занятия позволят обеспечить участие всех обучающихся в образовательном процессе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Полежаев П.Л.** Дистанционное обучение в формировании профессиональной идентичности социальных работников // Актуальные проблемы современного социального знания: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», 2020. С. 55–58.

2. **Томюк О.Н., Дьячкова М.А., Кириллова Н.Б., Дудчик А.Ю.** Цифровизация образовательной среды как фактор личностного и профессионального самоопределения обучающихся // Перспективы науки и образования. 2019. № 6 (42). С. 422–434. DOI: 10.32744/pse.2019.6.35

3. **Иванова А.С.** Формирование профессиональной идентичности в условиях дистанционного обучения // Эвристические формы применения информационно-коммуникационных технологий в преподавании социально-гуманитарных дисциплин. 2021. С. 44–46.
4. **Полат Е.С.** К проблеме определения эффективности дистанционной формы обучения // Открытое образование. 2005. № 3. С. 71–77.
5. **Иванова О.А.** Онлайн-курс в системе смешанного обучения и его лингводидактический потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2021. Т. 12. № 3. С. 93–104. DOI: 10.18721/JHSS.12308
6. World Bank (2020). The Impact of the COVID-19 Pandemic on Education Financing. Washington D.C., World Bank. URL: AppData/Local/Temp/Rar\$D Ia0.746/CovidandEd Financefinal
7. **Karadag E., Su A., Ergin-Kocaturk H.** Multi-level analyses of distance education capacity, faculty members' adaptation, and indicators of student satisfaction in higher education during COVID-19 pandemic // International Journal of Educational Technology in Higher Education, 2021. 18 (1), No. 57. DOI: 10.1186/s41239-021-00291-w
8. **Gil I.** National Survey on Educommunication in Spanish Universities During the COVID-19 Pandemic: Methodology and Results // Smart Innovation, Systems and Technologies, 259 SIST (2022) 314–324. DOI: 10.1007/978-981-16-5792-4_3
9. **Nikou S.A.** A (2022) Snapshot of University Students' Perceptions About Online Learning During the Covid-19 Pandemic // Smart Innovation, Systems and Technologies, 249 (2022) 123–134. DOI: 10.1007/978-981-16-3930-2_10
10. **Szopiński T., Bachnik K.** Student evaluation of online learning during the COVID-19 pandemic // Technological Forecasting and Social Change, 174 (2022). DOI: 10.1016/j.techfore.2021.121203 (accessed 17.10.2021)
11. **Danchikov E.A., Prodanova N.A., Kovalenko Y.N., Bondarenko T.G.** (2021) The potential of online learning in modern conditions and its use at different levels of education // Linguistics and Culture Review, 5, pp. 578–586. DOI: 10.37028/lingcure.v5nS1.1 442
12. **Грунт Е.В., Беляева Е.А., Лисситса С.** Дистанционное образование в условиях пандемии: новые вызовы российскому высшему образованию // Перспективы науки и образования. 2020. № 5 (47). С. 45–58. DOI: 10.32744/pse.2020.5.3
13. **Попова Е.Л.** Особенности мотивационной сферы студентов российских вузов // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 4. С. 51–60. DOI: 10.18721/JHSS.11405
14. **Назаренко А.Л., Дугарцыренова В.А.** Дистанционное обучение иностранным языкам: принципы, преимущества, проблемы // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. 1. С. 71–76.
15. **Пфетцер А.А.** Цифровая образовательная среда как новое пространство становления профессиональной идентичности // Вестник Кемеровского государственного университета 23. 4 (88) (2021): 985–994. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-4-985-994

REFERENCES

- [1] **P.L. Polezhayev**, Distantcionnoye obucheniye v formirovanii professionalnoy identichnosti sotsialnykh rabotnikov [Distance learning in the formation of professional identity of social workers], Actual problems of modern social knowledge: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Krasnoyarsk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev”, 2020. Pp. 55–58.
- [2] **O.N. Tomyuk, M.A. Dyachkova, N.B. Kirillova, A.Yu. Dudchik**, Digitalization of the educational environment as a factor of personal and professional self-determination of students. Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education, 42 (6) 422–434. DOI: 10.32744/pse.2019.6.35
- [3] **A.S. Ivanova**, Formirovaniye professionalnoy identichnosti v usloviyakh distantcionnogo obucheniya [Formation of professional identity in the conditions of distance learning], Evristicheskiye formy primeneniya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy v prepodavanii sotsialno-gumanitarnykh distsiplin [Heuristic forms of application of information and communication technologies in the teaching of social and humanitarian disciplines], 2021. Pp. 44–46.

- [4] **Ye.S. Polat**, K probleme opredeleniya effektivnosti distantsionnoy formy obucheniya [On the problem of determining the effectiveness of distance learning], *Otkrytoye obrazovaniye* [Open education], 3 (2005) 71–77.
- [5] **O.A. Ivanova**, Online-course within blended learning and its lingo-didactic potential, *Society. Communication. Education*, 12 (3) (2021) 93–104. DOI: 10.18721/JHSS.12308
- [6] World Bank (2020). The Impact of the COVID-19 Pandemic on Education Financing. Washington D.C., World Bank. Available at: [AppData/Local/Temp/Rar\\$D Ia0.746/CovidandEd Financefinal](#)
- [7] **E. Karadag, A. Su, H. Ergin-Kocaturk**, Multi-level analyses of distance education capacity, faculty members' adaptation, and indicators of student satisfaction in higher education during COVID-19 pandemic, *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, 18 (1) (57) (2021). DOI: 10.1186/s41239-021-00291-w
- [8] **I. Gil**, National Survey on Educommunication in Spanish Universities During the COVID-19 Pandemic: Methodology and Results, *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 259 SIST (2022) 314–324. DOI: 10.1007/978-981-16-5792-4_3
- [9] **S.A. Nikou**, A Snapshot of University Students' Perceptions About Online Learning During the Covid-19 Pandemic, *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 249 (2022) 123–134. DOI: 10.1007/978-981-16-3930-2_10
- [10] **T. Szopiński, K. Bachnik**, Student evaluation of online learning during the COVID-19 pandemic, *Technological Forecasting and Social Change*, 174 (2022) (accessed 17.10.2021). DOI: 10.1016/j.techfore.2021.121203
- [11] **E.A. Danchikov, N.A. Prodanova, Y.N. Kovalenko, T.G. Bondarenko**, The potential of online learning in modern conditions and its use at different levels of education, *Linguistics and Culture Review*, 5 (2021) 578–586. DOI: 10.37028/lingcure.v5nS1.1 442
- [12] **Ye.V. Grunt, Ye.A. Belyayeva, S. Lissitsa**, Distance education during the pandemic: new challenges to Russian higher education. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*, 5 (47) (2020) 45–58. DOI: 10.32744/pse.2020.5.3
- [13] **E.L. Popova**, Features of the motivational sphere of Russian university students, *Society. Communication. Education*, 11 (4) (2020) 51–60. DOI: 10.18721/JHSS.11405
- [14] **A.L. Nazarenko, V.A. Dugartsyrenova**, Distantsionnoye obucheniye inostrannym yazykam: printsiy, preimushchestva problem [Distance learning of foreign languages: principles, advantages of the problem], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication], 1 (2005) 71–76.
- [15] **A.A. Pfttser**, Digital Academic Environment and Professional Identity Development. *Bulletin of Kemerovo State University*, 23 (4) (2021) 985–994. (In Russ.). DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-4-985-994

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / THE AUTHOR

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна
Zharkynbekova Sholpan K.
E-mail: zharkyn.sh.k@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4160-6215>

Гювен Фонда
Güven Funda
E-mail: funda.guven@nu.edu.kz

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 17.03.2022; принята к публикации 23.03.2022.

The article was submitted 14.02.2022; approved after reviewing 17.03.2022; accepted for publication 23.03.2022.

Научная статья

УДК 81

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13102>

РОЛЬ КОММЕНТАРИЕВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЦИФРОВОЙ РЕПУТАЦИИ СМИ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ЖУРНАЛА SPIEGEL)

С.Ю. Имбер

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Российская Федерация

 yanaimber@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу комментариев пользователей к новостным публикациям немецкоязычного журнала SPIEGEL в социальных сетях. Автор считает, что высказывания читателей играют решающую роль в формировании положительной или отрицательной цифровой репутации любого онлайн-издания. Комментарии пользователей рассматриваются как «оценочные высказывания», элементы которых (субъект, объект, основание) анализируются в статье с точки зрения их семантики и структуры. Также автор подвергает рассмотрению средства и способы выражения общеоценочных предикатов (хорошо – плохо) в высказываниях пользователей. Кроме этого, автор концентрируется на формировании и выражении частнооценочных значений в комментариях, отмечая при этом некоторые трудности, связанные с выделением в них основания оценки. В статье обозначены темы новостей, вызвавшие ярко выраженную положительную или отрицательную оценку читателей, а также приводятся вероятные причины той или иной реакции. Публикации, рассказывающие о проблемах отдельного человека, семьи или группы людей, а также содержащие призывы к миру, единству и любви были восприняты пользователями позитивно. Однако, новостные сообщения, касающиеся коронавируса, при этом опирающиеся на статистические данные, получили негативный отклик аудитории.

Ключевые слова: социальная сеть, комментарии, новостные публикации, цифровая репутация, общая оценка, частная оценка.

Для цитирования: Имбер С.Ю. Роль комментариев пользователей в формировании цифровой репутации СМИ (на примере немецкоязычного журнала SPIEGEL) // Общество. Коммуникация. Образование. 2022. Т. 13. № 1. С. 18–27. DOI: 10.18721/JHSS.13102

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Scientific article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13102>

THE ROLE OF SPIEGEL READERS' COMMENTS IN SHAPING THE REPUTATION OF NEWS MEDIA

S.Yu. Imber

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russian Federation

 yanaimber@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the news post readers' comments on the social networking sites. The author admits that the users' comments have a significant role in establishing a good or bad digital reputation for online mass-media. The readers' comments are considered as "evaluative statements" with all their essential elements (subject, object, basis of evaluation), whose structure and semantics are being analyzed in this article. The author dwells on the media of general evaluation (good – bad) in readers' comments. Moreover, the author investigates the partial evaluation in readers' statements. Besides, the author emphasizes some difficulties, which are connected with the extraction of the basis of evaluation. The author points out the news' topics, which caused positive (e.g. the news about someone's tragedy/problems or posts about peace, unity or love) or negative (e.g. coronavirus' statistics) readers' reaction.

Keywords: social networking sites; comments; news posts; digital reputation; general evaluation; partial evaluation.

Citation: S.Yu. Imber, The role of SPIEGEL readers' comments in shaping the reputation of news media, *Society. Communication. Education*, 13 (1) (2022) 18–27. DOI: 10.18721/JHSS.13102

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение. Постановка проблемы

С каждым годом Интернет играет все большую роль в жизни людей, регулируя и выстраивая почти все сферы жизни человека: от развлекательной до профессиональной. Данный процесс неуклонно ведет к адаптации всего того, что было до появления Всемирной паутины, к новым требованиям века „digital“. Традиционные СМИ не являются исключением. Практически все печатные издания приспособились к изменившимся под влиянием Интернета условиям и взяли курс на «цифровой вектор продвижения» [5]. На сегодняшний день наличие собственного веб-сайта является не только само собой разумеющимся условием успешной работы газеты или журнала, но и одним из самых основополагающих. Газеты конкурируют между собой в показах на главной странице «Яндекса» и пристально фиксируют количество посетителей на своих веб-страницах. С целью увеличения собственной целевой аудитории печатные СМИ обратили свое внимание на социальные сети, главными пользователями которых является достаточно молодая возрастная категория. Теперь, помимо веб-сайта, многие газеты и журналы имеют и активно ведут аккаунты в социальных сетях, таких как «ВКонтакте» или «Facebook», «Instagram» (продукты компании Meta, признанной в России экстремистской организацией)¹ и других. Несомненным плюсом вышеуказанных сервисов является возможность получения мгновенной обратной связи от читателей в виде комментария, «репоста» или даже соответствующего «эмодзи» [2, 7]. Многие исследования отмечают важную роль комментариев пользователей под новостными сообщениями в социальных сетях, а также их высокий оценочный потенциал [8–10]. Подчеркнем, что количе-

¹ Согласно решению Тверского суда города Москвы от 21.03.2022. «Тверской суд признал компанию Meta экстремистской и запретил ее деятельность в России» <https://lenta.ru/news/2022/03/21/metaextr/> (дата обращения: 28.03.2022)

ство высказываний, в которых центральную позицию занимает не тема публикации, а качество, актуальность и достоверность представленной в СМИ информации, возрастает. Кроме того, сегодняшние читатели все чаще оценивают именно работу и политику журнала или газеты, что предъявляет более высокие требования к редакции, нежели ранее, в эпоху «до Интернета» [14]. Одна «неправильная» публикация может ухудшить репутацию издания и, соответственно, привести к потере аудитории, так как для отказа от получения новостей из источника пользователя отделяет только одна кнопка – «отписаться». Помимо этого, читатель может «заблокировать» не понравившийся ему канал, и его новости пользователь никогда больше не увидит. Стоит также отметить скорость распространения информации в Интернете, в социальных сетях, в частности. Друзья, родственники, коллеги «делятся» друг с другом не только интересными ссылками, но и тем, что вызвало их возмущение или даже гнев. Таким образом, в условиях Всемирной паутины от традиционных СМИ требуется крайняя осторожность и осмотрительность с целью сохранения и поддержания своего «добраго цифрового имени».

В данной статье мы проанализируем выражение оценочности в комментариях пользователей, а именно средства ее выражения и процесс формирования, также мы проследим влияние положительной или отрицательной оценки пользователей на цифровую репутацию немецкоязычного журнала SPIEGEL.

Тема и методология исследования

Статья посвящена анализу комментариев пользователей в социальных сетях, а также их роли в формировании цифровой репутации СМИ (на примере немецкоязычного журнала SPIEGEL). Как мы отмечали ранее, комментарии являются примером «оценочных высказываний» со всеми характерными для них элементами (субъект, объект, основание, характер оценки) [6, с. 116–120]. Данные компоненты нашли свое выражение в интерпретации ценностного аспекта значения языковых выражений по Е.М. Вольф: «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший/ плохой» [3, с. 5–6]. В приведенном семантическом определении оценки исследовательница отмечает общеоценочные значения «хорошо/плохо», которые свидетельствуют об универсальности оценки как категории, так как в любом языке существуют понятия «хорошо/плохо» [3, с. 9]. В данной работе мы сконцентрируемся не только на выражении общей оценки в комментариях, но и рассмотрим средства формирования и выражения в них частной оценки. В связи с этим, мы обратимся к классификации частнооценочных значений, предложенной Н.Д. Арутюновой [1, с. 198–199]. В данном контексте особый интерес для исследователя также представляют возможные мотивировки оценки, то есть критерии оценивания, которые, хотя и являются факультативным элементом оценочной структуры, часто аргументируют оценки предметов, лиц и событий [3, с. 117–118]. Н.Д. Арутюнова, говоря об экспликации оценок, также подчеркивала возникающую порой необходимость в содержательном комментарии для пояснения прилагательных общей оценки: «Понятие хорошей и плохой жизни вариативно, и ее оценка может исходить из разных критериев (благополучия, нравственности ...). Эксплицитность коммуникации требует сообщения мотивов оценки» [1, с. 204–205]. Предыдущие исследования показали, что часто субъект оценивания, в рамках нашего анализа – это пользователь, не только не выражает эксплицитно мотивировки своего оценочного высказывания, но и в большинстве случаев невольно скрывает их, побуждая исследователя строить предположения, относительно того, что в действительности лежит в основе комментария. [8, 10]. Мотивировки оценок и их последующая экспликация являются важным элементом формирования цифровой репутации СМИ, так как помогают исследователям, редакторам, журналистам или даже администраторам онлайн-сообщества понять, чем обусловлена позитивная или негативная оценка, выраженная в комментарии.

Далее мы обратимся к понятию репутации, которая подразумевает образ в сознании людей, который основывается на реальных или приписанных ему свойствах [12]. Соответственно, под «цифровой репутацией» СМИ следует понимать Интернет-образ издания, который, как мы упоминали выше, является достаточно хрупкой, но в то же время значительной структурой, вкладом в будущее, необходимым для приобретения серьезных долговременных результатов [4]. Исследователи в области маркетинга и менеджмента отмечают, что привлечение новых клиентов и удержание уже имеющихся представляется возможным для организации только при условии ее исключительно положительной репутации и оценки [11]. В контексте онлайн-СМИ, комментарии пользователей в социальных сетях являются своего рода лакмусовой бумажкой, определяющей и направляющей репутацию издания в Интернете.

Ход и результаты анализа

В данной статье нами были проведен анализ семантики и структуры оценки, содержащейся в комментариях пользователей. Мы изучили высказывания читателей из официальных сообществ SPIEGEL ONLINE в “Facebook” и “Instagram” (продукты компании Meta, признанной в России экстремистской организацией) к новостным публикациям, которые получили наибольшее количество комментариев за январь 2022 г. Подобная пользовательская активность может объясняться интересом аудитории к обсуждаемой теме, а также потенциально является следствием негативного отношения либо к сообщаемой в новостной публикации информации, либо непосредственно к ее источнику, в данном случае – журналу. Как правило, читатели особенно активно реагируют на новости, содержащие в себе некое отклонение от нормы в сторону «плохо». То, что соответствует усредненному значению (норме, стереотипу) или приближено к общей оценке «хорошо», часто воспринимается публикой как само собой разумеющееся и не требующее написания отдельного комментария [3, с. 19, 47, 60].

Как мы упоминали ранее, тема опубликованной новости может вызвать, как и положительную, так и отрицательную оценку аудитории. Аннотация статьи от Spiegel+ о болезни Альцгеймера получила достаточно высокое количество комментариев (117) и реакций (8867) (<https://www.instagram.com/p/CYhETIGKfVU/>) (продукт компании Meta, признанной в России экстремистской организацией). Пользователи делятся своим печальным опытом, касательно болезни, поддерживают не только друг друга, но автора данной новости, о чьей семье и идет речь. Также подписчики выражают благодарность журналу за вынесение на повестку дня столь тяжелой, серьезной темы, а также за честный взгляд на проблему. Обратим внимание на высокое количество прилагательных, содержащих оценочный предикат «хорошо» (*interessant, sensibel, gut, lieb*). Интересным примером является прилагательное „*ungeschont*“ (честный, откровенный, не щадящий), которое само по себе включает в себя оценку без детерминированного знака. Без контекста данному слову в большинстве случаев припишут знак «–», но в приведенном комментарии оценка определяется всем высказыванием в целом, «т.е. местом соответствующей ситуации в ценностной картине мира» [3, с. 19]. Комментирующий положительно оценивает такую откровенную, никого не щадящую статью про болезнь. Стоит также отметить достаточно высокое количество прилагательных с общеоценочным значением «плохо» (*schrecklich, trostlos, prämortale, schwarz, traurig, unsichtbar*), употребление которых обусловлено тематикой новости – болезнь Альцгеймера, но при этом не снижающих общую оценку, заложенную в комментарии. Мы можем сформулировать данное наблюдение следующим образом: «Тема новости – знак «–», подача/статья/ выбор темы знак «+»».

1. „Ein guter, ungeschonter Artikel ... Es ist schrecklich trostlos und ein schrecklich-gedehnter Schmerz, diese prämortale Trauer. Alles Gute für die Autorin ...“² «Хорошая, откровенная статья ... это совершенно безотраднo, и эта предсмертная печаль – такая ужасная боль...Желаю всего хорошего автору ...» (Перевод автора)

2. „ ... danke Spiegel, dass Sie das Thema ansprechen – ich fühle mich immer so unsichtbar...“ «... спасибо, Шпигель, что Вы затронули эту тему, я себя постоянно чувствую невидимой...» (Перевод автора)

3. „Sehr interessanter Artikel! Vielen lieben Dank lieber Spiegel, dass ihr so ein sensibles Thema ansprecht! Ich möchte nicht mit der Autorin tauschen.“ «Очень интересная статья! Большое спасибо, дорогой Шпигель, что Вы заговорили о таких деликатных вещах! Я бы не хотел поменяться местами с автором» (Перевод автора)

Похожие эмоции и комментарии пользователей были вызваны аннотацией статьи о смерти молодого мужчины от коронавируса (<https://www.instagram.com/p/CY11HT0Kgt4/>) (продукт компании Meta, признанной в России экстремистской организацией). Читатели выражают соболезнования семье заболевшего (2), а также благодарят журнал за освещение таких историй, что вносит вклад в борьбу с болезнью и ее предупреждением. Отметим, что в приведенных примерах гармонично сочетаются оценочные предикативы «хорошо» и «плохо», составляющие некую антонимию: „*Berichte gut*“ – „*ein sehr trauriger Bericht*“ (1), „*danke*“ – „*Beileid*“ (2), „*gut*“ – „*furchtbar*“ (3). В приведенных ниже высказываниях также наблюдается противопоставление субъектов оценивания – «индивидуальное мнение» и «общее мнение». Для примера рассмотрим комментарий 1, в самом начале которого автор эксплицитно, с помощью пропозициональной фразы („*ich finde*“) указывает на себя, как на субъекта оценивания, что позволяет нам «отнести оценку к его «концептуальному миру» [3, с. 70]. «Общее мнение» приведено далее и выражено неопределенно-личной конструкцией („*man denkt*“).

1. “Finde ebenfalls solche Berichte gut, denn man denkt doch immer wieder: mich wird es nicht treffen. ein sehr trauriger bericht.“ «Мне нравятся такие статьи, потому что каждый про себя думает: меня-то это никогда не коснется. очень грустный репортаж» (Перевод автора)

2. “Danke für den Bericht Beileid and die Angehörigen” «Спасибо за репортаж! Мои соболезнования всем, кого это коснулось» (Перевод автора)

3. „Gut, dass darüber berichtet wird. So furchtbar.“ «Хорошо, что об этом говорят. Так ужасно» (Перевод автора)

4. „Bericht, der nicht kalt lässt...“ «Репортаж, который никого не оставит равнодушным...» (Перевод автора)

Следующим ярким примером положительного оценивания работы журнала являются комментарии к фотопроекту (<https://www.instagram.com/p/CY3prOzKywm/>) (продукт компании Meta, признанной в России экстремистской организацией), посвященному арабо-израильскому конфликту. Пользователи отмечают не только мастерство фотографа, но и глубокую идею о мире и единстве, которую несут в себе изображения. О положительной оценке данной новости свидетельствует большое количество оценочных предикатов «хорошо», содержащихся в высказываниях пользователей (*super, schön, wunderbar*). Приведенные комментарии также характеризуются высокой степенью аффективности, реализующейся с помощью слов-интенсификаторов: „*super schönes Fotoprojekt*“ (интенсификатор – „*super*“), „*ehrlich bedrückend*“ (интенсификатор – „*ehrlich*“). Данное наблюдение демонстрирует степень заинтересованности субъекта оценивания к событию, о котором идет речь [3, с. 43] [13]. Отметим, что главная идея проекта не была заявлена эксплицитно в тексте, сопровождающем фотографии. Подразумевалось, что пользователи должны самостоятельно прийти к этой мысли, что и нашло отражение в их комментариях.

1. “Super schönes Fotoprojekt!” «Суперский фотопроект!» (Перевод автора)

2. “Symbolisch für den Traum vom Frieden, an so vielen Orten” «Символично для мечты о мире во многих уголках планеты» (Перевод автора)

3. “DANKEN, dass ihr das von dieser Perspektive aufzeigt!” «Спасибо, что показываете это с такой перспективы!» (Перевод автора)

4. “wunderbare Bilder. Die Menschen sind wie so oft unterschiedlich, aber dennoch gleich“ « Прекрасные кадры. Люди, как это часто бывает, разные, но всё-таки похожи» (Перевод автора)

5. “Ehrlich bedrückend, wenn man die Bilder mal auf sich wirken lässt.“ «Фотографии действительно угнетающие, если задуматься» (Перевод автора)

Приведенные примеры продемонстрировали нам, что некоторые публикации вызывают у читателей в основном положительный отклик и работа редакции оценивается достаточно высоко. Мы заметили, что подобную реакцию получают в большинстве случаев новостные “посты”, описывающие проблему/трагедию конкретного человека, семьи, группы людей, рассказывающие о чем-то личном, в некоторых случаях, интимном, трогательном. Публикации, содержащие в себе имплицитные призывы к миру, любви, единству также положительно оцениваются аудиторией. При анализе частнооценочных значений во всех вышеприведенных комментариях, мы заметили преобладание психологической частной оценки и ее разрядов – интеллектуальной и эмоциональной, согласно классификации Н.Д. Арутюновой [1]. Комментируя ситуацию с болезнью Альцгеймера, коронавирусом, конфликтом на Востоке, пользователи прибегали к описанию своих эмоций (*traurig, furchtbar, trostlos*), не забывая при этом оценивать и анализировать качество прочитанного материала с интеллектуальной точки зрения, а также понимали скрытые мысли автора (*interessant, gut, symbolisch*). Вышеприведенные комментарии и содержащиеся в них положительные оценки, формируют позитивный репутацию журнала в социальных сетях и побуждают пользователей и в будущем читать публикующиеся там новости.

Особенно тщательному анализу подлежат те публикации, которые вызвали негативный отклик у пользователей, а именно новости, касающиеся коронавируса. Следует отметить, что публикации на данную тему появляются в ленте новостей от SPIEGEL практически ежедневно, что, возможно, и является одним из главных факторов негативного отношения к ним читателей. Пользователи устают или же испытывают скуку от новостей по данной тематике, воспринимают их как своего рода пропаганду. Все эти факторы формируют неприязнь к обсуждаемой теме, которая как бы «перебрасывается» на редакцию и работников журнала, что в свою очередь приводит к ухудшению «цифровой репутации» издания.

Тема коронавируса и его штаммов, процентов прироста заболеваемости, мер предотвращения и т.д. вызвала ярко выраженную негативную оценку читателей. Для примера, нами были проанализированы комментарии пользователей, относящиеся к двум следующим новостям: „Sieben-Tage-Inzidenz steigt erstmals auf mehr als 630“ («Коэффициент распространения за неделю впервые увеличился до 630»), „Die Omikron-Lehren aus Südafrika, London und aus dem Rest der Welt“ («Сценарии «омикрона» в Южной Африке, Лондоне и во всем мире») (<https://www.facebook.com/derspiegel/posts/10160475166259869>, <https://www.facebook.com/derspiegel/posts/10160454592854869>) (продукт компании Meta, признанной в России экстремистской организацией). Как было упомянуто ранее, статьи по данной проблеме навевают на многих пользователей скуку (комментарии 1, 2). Журнал обвиняют во лжи (3), фальсификации данных (4), а также в провокации паники (3, 7, 8). В комментарии 6 пользователь предпринял попытку рационально оценить опубликованную информацию, о чем свидетельствует большое количество риторических вопросов, а также отсутствие эксплицитно выраженной экспрессивности и аффективности в суждениях. Мы предполагаем, что в основе данного высказывания лежит интеллектуальное частнооценочное значение. При этом в данном комментарии проявляются также признаки скрытой агрессии и недоверия к журналу („... diese Unklarheit der Daten für Spiegel praktisch nicht existiert?“). Однако, на нашем мнению в высказывании 6 рациональный фактор является доминирующим. Пользователь, являющийся субъектом оценивания, активно противопоставлял личное, «индивидуальное мнение» тому, что публикуется в статье. Комментарии 7 и 8 выделяются фразой, содержащей предикат мнения („Ich kann es ... nicht mehr hören“, „ich werde mich an nichts mehr halten“). Далее, комментирующие выразили критику относительно политики SPIEGEL, используя императивные обороты

(„macht“, „lasst doch mal“). Подчеркнем, что комментарий 7 «замаскирован» автором под совет или рекомендацию для редакции журнала, но при этом содержит обвинения в разжигании паники и фальсификации данных. Отдельного анализа заслуживает комментарий 5, содержащий оценки с разными знаками: «я люблю» («+») «его пустую болтовню/трёп» («-»). Оценка «хорошо» относится к субъекту, источником оценки «плохо» является социум с его стереотипами. Таким образом, в данном высказывании на первый взгляд произошло столкновение «индивидуального мнения» и норм, правил общества. Можно предположить, что пользователь действительно с удовольствием читает материал, публикуемый в журнале, признавая, однако, плохое качество информации, что и побудило его использовать существительное „Schwurbeleien“. Впрочем, синтаксическое оформление данного комментария, именно многоточие в конце, может предположительно свидетельствовать о совершенно противоположном смысле, сарказме. Как мы упоминали выше, часто основание оценки, а также некоторые не выраженные эксплицитно смыслы не поддаются последовательному анализу и остаются в рамках гипотез.

1. “Gähn“ «Зеваю» (Перевод автора)

2. “Bla Bla Bla blaaaa“ «Бла-бла-бла» (Перевод автора)

3. “ Ja hier wird mehr Panik und lügen verbreitet“ «Здесь больше распространяют только панику и ложь» (Перевод автора)

4. „Auf Deutschland läßt sich das überhaupt nicht übertragen, da hierzulande stets falsche Zahlen und verzerrte Statistiken an der Tagesordnung sind“ «Для Германии это всё вообще не применимо, так как у нас здесь постоянно приводят фальсифицированные цифры и переделанную статистику» (Перевод автора)

5. “Ich liebe den Spiegel und seine Schwurbeleien...“ «Люблю Шпигель и его трёп...» (Перевод автора)

6. „Wie belastbar sind diese Zahlen eigentlich? Laut Berlin direkt vom 9. Januar 2022 nicht all zu sehr. Eigentlich gar nicht. Ist es nicht erstaunlich, dass diese Unklarheit der Daten für den Spiegel praktisch nicht existiert?“ «А насколько достоверны вообще эти данные? По Берлину на 9 января 2022 года вообще все не соответствует. Разве это не удивительно, что такое расхождение в числах как будто не существует для Шпигеля?» (Перевод автора)

7. „Ich kann es echt nicht mehr hören... Lasst doch mal gut sein, und die dinge der Natur frein lauf, ist besser als ständig und jeden Tag über die Zahlen zu spekulieren und Horror Nachrichten zu lesen und zu verbreiten.“ «Я уже не могу это слышать...будьте адекватными и пусть все будет как будет, это лучше, чем каждый день строить догадки о числах и читать и распространять ужастики в новостях» (Перевод автора)

8. „Macht euren Irrsinn und eure Hysterie doch alleine weiter. Ich werde mich an nichts mehr halten“ «Истерите и ходите с ума дальше в одиночку. Я больше не буду к этому прислушиваться» (Перевод автора)

В процессе анализа новостных публикаций, нами замечена следующая тенденция: большинство статей, в которых приводятся данные статистики, опросов или же какие-либо еще числа, рассматриваются пользователями как сомнительные или даже ложные. Многие читатели считают, что фальсифицируя данные, журнал пытается запугать аудиторию и посеять панику среди масс. Отметим, что подобные настроения и мнения среди комментирующих снижают градус доверия к SPIEGEL и, соответственно, негативно отражаются на цифровой репутации издания.

Заключение

В заключении отметим, что комментарии пользователей социальных сетей, а также другие виды онлайн-активности (реакции, «репосты») играют важную роль в формировании цифровой репутации любого СМИ, даже такого именитого издания, как журнал SPIEGEL. Каждый читательский комментарий является не только примером «мгновенной обратной связи», характе-

ризирующей специфику работы современных интернет-СМИ, но и представляет собой оценочное высказывание со всеми его неотъемлемыми элементами (субъект, объект, характер, основание оценки). Пользователи, являющиеся оценивающими субъектами, часто опирались на «индивидуальное мнение», сравнивая или же противопоставляя его с «общей» точкой зрения (других читателей или журнала). Объектом оценивания в данной статье является либо информация, содержащаяся в «посте», либо работа журналиста, качество подачи материала, либо политика всего журнала. Отметим, что многие комментарии сочетали в себе несколько объектов оценки. Увлеченность читателей новостью находит свое выражение в аффективности их комментариев, реализующейся с помощью использования слов-интенсификаторов. Говоря о частнооценочных значениях в высказываниях пользователей, мы подчеркнем, что интеллектуальный и рациональный аспекты, часто сопровождающиеся эмоциональными элементами, являлись основаниями оценивания. Стоит также указать на трудности, возникшие в процессе выделения частной оценки в некоторых отдельных высказываниях. Мысли и доводы, побудившие пользователя написать комментарий, часто не выражены эксплицитно, что не дает исследователю возможности уверенно судить об основании и аспекте оценивания. Также нами были выделены темы новостных публикаций, вызвавшие положительный и отрицательный отклик аудитории. В комментариях к «постам», затрагивающим проблемы отдельно взятого человека или семьи, а также призывающим к миру, единству и любви, доминирующим являлось общеоценочное значение «хорошо». Тема коронавируса, а также связанных с ним данных статистики, получила ярко выраженную отрицательную оценку аудитории и была воспринята как нечто навязанное, ложное и пропагандистское. По нашему мнению, изучение и анализ пользовательских комментариев является обязательной частью работы любого интернет-издания, беспокоящегося о создании и сохранении позитивной «цифровой» репутации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Bergt S., Welker M. Online-Feedback als Teil redaktioneller Qualitätsprozesse von Tageszeitungen – eine Inhaltsanalyse von Leserkommentaren. In C. Fraas, S. Meier & C. Pentzold (Hrsg.), Online-Diskurse. Theorien und Methoden transmedialer Online-Diskursforschung. Köln: von Halem, 2013. Pp. 346–363.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020. 278 с.
4. Добролюбова В.И. Действенное изменение имиджа. М.: ИНФРА, 2015. 239 с.
5. Иванов А.В. Особенности коммуникаций в компании в период репутационного кризиса // Инновации и инвестиции. 2013. № 1. С. 235–238.
6. Ивин А.А. Логика оценок и нормы. Философские, методологические и прикладные аспекты: монография. М.: Проспект, 2016. 320 с.
7. Имбер С.Ю. Комментарии в социальных сетях как результат «конструирования мира» // Когнитивные исследования языка. Методы когнитивной лингвистики: гордость или преубеждение? 2021. Т. 4, № 47. С. 479–485.
8. Имбер С.Ю. Оценочность комментариев в социальной сети: на примере новостного сообщества Spiegel online на “Facebook” // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Т. 13, № 842. С. 48–56.
9. Имбер С.Ю. Оценочные высказывания в социальной сети на примере комментариев // Германистика 2020: nove et nova: Материалы Третьей международной научной конференции, Москва, 29 декабря 2020 года. М.: Московский государственный лингвистический университет. 2020. С. 95.
10. Имбер С.Ю. Частнооценочные значения в комментариях социальной сети Facebook: на примере новостного сообщества Spiegel online // Германистика 2021: nove et nova: Материалы IV

Международной научной конференции, Москва, 10–12 ноября 2021 года. М.: Московский государственный лингвистический университет. 2021. С. 218–222.

11. **Кравцова Е.Д.** Управление репутацией в интернете // Вестник науки и образования. 2019. № 12 (66). Часть 1. С. 61–63.

12. **Кузин А.В.** Проблемы и перспективы развития репутации предприятия // Экономист. 2018. № 1. С. 25–28.

13. **Milner J.C.** De la syntaxe à l'interprétation. Quantités, insultes, exclamations, P., 1978. 407 p.

14. **Neuberger C., Quandt T.** Internet-Journalismus: Vom traditionellen Gatekeeping zum partizipativen Journalismus? In W. Schweiger & K. Beck (Hrsg.), Handbuch Online-Kommunikation. Wiesbaden: VS. 2010. Pp. 59–79.

REFERENCES

[1] **N.D. Arutyunova**, Yazyk i mir cheloveka [Person's language and world], Yazyki russkoj kul'tury, Moscow, 1999.

[2] **S. Bergt, M. Welker**, Online-Feedback als Teil redaktioneller Qualitätsprozesse von Tageszeitungen – eine Inhaltsanalyse von Leserkommentaren. In C. Fraas, S. Meier & C. Pentzold (Hrsg.), Online-Diskurse. Theorien und Methoden transmedialer Online-Diskursforschung. Köln: von Halem, 2013. Pp. 346–363.

[3] **E.M. Vol'f**, Funktsionalnaya semantika otsenki [Functional semantics of evaluation], Knizhnyj dom LIBROKOM, Moscow, 2020.

[4] **V.I. Dobrolyubova**, Deystvennoye izmeneniye imidzha [Effective image change], INFRA, Moscow, 2015.

[5] **A.V. Ivanov**, Osobennosti kommunikatsiy v kompanii v period reputatsionnogo krizisa [Communication peculiarities in a company during a reputational crisis], Innovacii i Investicii, 2 (2013) 235–238.

[6] **A.A. Ivin**, Logika otsenok i normy. Filosofskiye, metodologicheskiye i prikladnyye aspekty: monografiya [Logic of Evaluation and Norm. Philosophical Methodological and Applied Aspects], Prospekt, Moscow, 2016.

[7] **S.Yu. Imber**, Kommentarii v sotsialnykh setyakh kak rezultat «konstruirovaniya mira» [Social networks' comments as the result of world construal], Kognitivnye issledovaniya yazyka. Metody kognitivnoj lingvistiki: gordost' ili predubezhdenie? 4 (47) (2021) 479–485.

[8] **S.Yu. Imber**, Web comments as evaluative statements: SPIEGEL ONLINE news group on Facebook, Vestnik of Moscow State Linguistic University. Gumanitarnye nauki, 13 (842) (2020) 48–56.

[9] **S.Yu. Imber**, Ocenochnye vyskazyvaniya v social'noj seti na primere kommentarijev [Evaluative statements in social networks: comments], Materialy tret'ej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, germanistika 2020: nove et nova [German Studies 2020: nove et nova: The 3rd international scientific conference], Moscow State Linguistic University, Moscow, 2020, pp. 95.

[10] **S.Yu. Imber**, Chastnoocenochnye znacheniya v kommentariyah social'noj seti Facebook: na primere novostnogo soobshchestva Spiegel online [Partial estimate in web comments: SPIEGEL ONLINE community on Facebook], Materialy chetvertoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, germanistika 2020: nove et nova [German Studies 2021: nove et nova: The 4th international scientific conference], Moscow State Linguistic University, Moscow, 2021, pp. 218–222.

[11] **E.D. Kravcova**, Online reputation management, Vestnik nauki i obrazovaniya. 12 (2019) 61–63.

[12] **A.V. Kuzin**, The issues of online reputation management, Economist. 1 (2018) 25–28.

[13] **J.C. Milner**, De la syntaxe à l'interprétation. Quantités, insultes, exclamations, P., 1978. 407 p.

[14] **C. Neuberger, T. Quandt**, Internet-Journalismus: Vom traditionellen Gatekeeping zum partizipativen Journalismus? In W. Schweiger & K. Beck (Hrsg.), Handbuch Online-Kommunikation. Wiesbaden: VS. 2010. Pp. 59–79.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / THE AUTHOR

Имбер Славяна Юрьевна

Imber Slaviana Yu.

E-mail: yanaimber@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7234-6516>

Статья поступила в редакцию 21.02.2022; одобрена после рецензирования 29.03.2022; принята к публикации 23.03.2022.

The article was submitted 21.02.2022; approved after reviewing 29.03.2022; accepted for publication 23.03.2022.

Научная статья
УДК 347.78.034
DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13103>

ОСОБЕННОСТИ АНТОНИМИЧЕСКОГО РУССКО-АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А.П. ЧЕХОВА «ДАМА С СОБАЧКОЙ»)

Я.А. Глотова

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

 yanaglotova13@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена изучению стратегии антонимического перевода в сфере имен прилагательных как основной переводческой трансформации и способам ее языковой реализации в рамках художественного дискурса. Цель исследования состоит в систематизации моделей антонимического перевода в сфере имен прилагательных в паре языков «русский-английский» на основе метонимического принципа. Материалом исследования послужил корпус примеров отрицания, полученных методом сплошной выборки из произведения А.П. Чехова «Дама с собачкой» и его двух официальных переводов на английский язык. Были проанализированы теоретические положения, связанные с описанием семантической категории антонимии в русском и английском языках, а также различные интерпретации понятия антонимический перевод. Выявлены особенности антонимического перевода как особого переводческого приема. Обозначены три основных стратегии антонимического перевода: стратегия негативации, стратегия позитивации и стратегия аннулирования. Результатом исследования стали выявленные стратегии антонимического перевода в сфере имен прилагательных, которые находят широкое применение в современной переводческой практике.

Ключевые слова: антонимия, переводческие трансформации, антонимический перевод, отрицание, двойное отрицание.

Для цитирования: Глотова Я.А. Особенности антонимического русско-английского перевода имен прилагательных (на материале произведения А.П. Чехова «Дама с собачкой») // Общество. Коммуникация. Образование. 2022. Т. 13. № 1. С. 28–35. DOI: 10.18721/JHSS.13103

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Scientific article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13103>

IDIOSYNCRATIC WAY OF ANTONYMIC RUSSIAN-ENGLISH TRANSLATION IN THE SPHERE OF ADJECTIVES (CASE STUDY OF “THE LADY WITH THE DOG” BY ANTON P. CHEKHOV)

Ya.A. Glotova

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation

 yanaglotova13@yandex.ru

Abstract. The paper studies the strategy of antonymic translation in the sphere of the adjective as the main translation transformation and the ways of its linguistic implementation within the framework of artistic discourse. The purpose of the study is to systematize the models of antonymic translation in the field of the adjective in the Russian and English languages based on the metonymic principle. The empirical base of the research includes examples of negation obtained by the method of continuous sampling from the work of Anton P. Chekhov “The Lady with the Dog” and its English translations. Theoretical provisions related to the description of the semantic category of antonymy in Russian and English, as well as various interpretations of the concept of antonymic translation were analyzed. The paper revealed the features of antonymic translation as a special translation technique and indicated three main strategies of antonymic translation, such as the negativity strategy, the positivity strategy and the cancellation strategy. The findings of the study identified antonymic translation strategies in the sphere of the adjective, which are widely employed in modern translation practice.

Keywords: antonymy, translation transformations, antonymic translation, negation, double negation.

Citation: Ya.A. Glotova, Idiosyncratic way of antonymic Russian-English translation in the sphere of adjectives (case study of „The Lady with the Dog” by Anton P. Chekhov), *Society. Communication. Education*, 13 (1) (2022) 28–35. DOI: 10.18721/JHSS.13103

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

Работа представляет собой исследование стратегии антонимического перевода в сфере имен прилагательных применительно к анализу художественного дискурса на материале произведения А.П. Чехова «Дама с собачкой» и его двух официальных переводов на английский язык (К. Гарнетт и А. Литвинов).

Объектом предпринятого исследования является стратегия антонимического перевода с русского на английский язык и способы ее языковой реализации (на материале художественного дискурса).

Предмет исследования – антонимический перевод как отдельный вид переводческих трансформаций.

Актуальность исследования определяется прежде всего наличием общего интереса к выявлению когнитивных оснований семантических противопоставлений и их вербализации в естественном языке, в том числе через регулярные антонимические обозначения [1], а также *антонимических оппозиций* и *антонимических блоков* в рамках одного языка [2, 3]. Так, широко исследуется антонимический перевод как особый переводческий прием [4, 5], а также его применение во фразеологическом отношении [6]. Однако стратегия антонимического перевода на материале художественного дискурса не являлась предметом специального исследования в области современной лингвистики, что определяет актуальность настоящего исследования.

Методология

Методологическую основу исследования составляют теоретические положения, представленные в работах отечественных и зарубежных ученых, которые анализировали различные аспекты когнитивной лингвистики, связанные с:

- представлениями об антонимии и синонимии, антонимических и синонимических отношениях между парами антонимов, а также антонимо-синонимических блоках [7, 5, 2, 8, 9];
- актуализацией и систематизацией антонимов [7–9];
- описанием категории *антонимия* в русском и английском языках [7, 5, 2, 8, 1];
- семантикой отрицания и двойного отрицания в понятийной и языковой картине мира [10, 11, 4];
- применением и осуществлением антонимического перевода в качестве переводческой трансформации [6, 12, 13, 14, 3, 4].

Материалом исследования послужил корпус примеров отрицания, полученных методом сплошной выборки из произведения А.П. Чехова «Дама с собачкой». Было найдено две официальные версии перевода на английский язык, выполненные разными переводчиками (Констанс Гарнетт и Айви Литвинов), с целью их дальнейшего сравнения.

Методика исследования. На первом этапе создавалась эмпирическая база исследования – методом сплошной выборки отбирались примеры использования переводчиками такой переводческой трансформации как антонимический перевод. На втором этапе проводился анализ отобранных примеров согласно последовательности следующих шагов:

1. вычленим языковую единицу с эксплицитно выраженным отрицательным компонентом;
2. производим поиск всех возможных дефиниций анализируемой единицы в Толковом словаре Д.Н. Ушакова с целью выявления ее семантики;
3. вбиваем в поисковую строку онлайн-словаря АBBYY Lingvo Live анализируемую единицу и находим возможные эквиваленты перевода;
4. сопоставляем выявленные эквиваленты перевода с вариантом, выбранным переводчиком;
5. проверяем в Oxford English Dictionary семантику выбранного переводчиком эквивалента и устанавливаем, насколько адекватен его переводческий выбор.

Результаты исследования

В результате проведенного анализа отобранных примеров использования антонимического перевода в сфере имен прилагательных были выявлены следующие стратегии:

1. **Имя прилагательное с эксплицитно выраженным отрицательным компонентом** → **имя прилагательное с имплицитно выраженным отрицательным компонентом** (*adj₋* → *adj₊*);

Данная стратегия предполагает, что прилагательное с эксплицитно выраженной отрицательной семой *не-*, *бес-*(*без-*) при переводе антонимически заменяется на прилагательное без формально выраженного отрицательного компонента. Рассмотрим несколько примеров использования данной стратегии.

Предложение *...а он втайне считал ее недалекой, узкой, неужящной...* включает два прилагательных с эксплицитно выраженной отрицательной семой *не-*. Рассмотрим подробнее каждое из них. В словарной статье Толкового словаря Д.Н. Ушакова представлены следующие дефиниции прилагательного *недалекий*: 1. находящийся на близком расстоянии откуда-нибудь; 2. близкий по времени; 3. глуповатый, ограниченный. В данном контексте речь идет о последнем значении [15]. В онлайн-словаре АBBYY Lingvo находим следующие эквиваленты перевода прилагательного *недалекий*: *dull(-witted)*, *stupid*, *not bright*, *inept* [16]. Первые два эквивалента (*dull(-witted)*, *stupid*) относятся к антонимическим, так как отрицательная семантика представлена имплицитно, в отличие от двух остальных, где присутствует отрицательная частица *not* (*not bright*), и отрицательный префикс *in-* (*inept*). Второе прилагательное *неужящный* имеет следующие эквиваленты перевода:

inelegant, ungraceful. Обе единицы содержат отрицательные семы *in-* и *un-*. Используя вышеназванную стратегию позитивации, А. Литвинов перевел выше проанализированные прилагательные как *shallow* и *dowdy*, соответственно, избегая при этом эксплицитно выраженного отрицательного компонента. (Следует отметить, что в онлайн-словаре АБВУ Lingvo выбранные им эквиваленты не закреплены в качестве вариантов перевода вышеперечисленных прилагательных [16].) Обратимся к словарю Oxford English Dictionary с целью выявления семантики предложенных переводчиком единиц. Прилагательное *shallow* имеет два значения: 1. not having much distance between the top or surface and the bottom; 2. (disapproving) (of a person, an idea, a comment, etc.) not showing serious thought, feelings, etc. about something [17]. В рассматриваемом контексте имеет место второе значение, то есть «поверхностный, пустой». Прилагательное *dowdy* также имеет два значения: 1. (of a woman) not attractive or fashionable; 2. (of a thing) boring and not attractive. В данном контексте находит отражение первое значение «непривлекательная, безвкусно одетая», так как в предложении речь идет о девушке.

В следующем примере *Эти слова оказались ему унижительными, нечистыми...* присутствует русское прилагательное с отрицательной семой *не-*. В словарной статье Толкового словаря Д.Н. Ушакова представлено семь дефиниций прилагательного *нечистый*: 1. загрязненный, запачканный; 2. с примесью чего-н., неоднородный; 3. неаккуратный, недостаточно правильный, неточный; 4. нецеломудренный, лишенный нравственной чистоты; 5. греховный (в силу религиозных обычаев; религ.); 6. нечестный, мошеннический, основанный на обмане или плутовстве; 7. (в значении сущ.) злой дух, черт (простореч.) [15]. Следует отметить, что ни одна из вышеперечисленных словарных дефиниций не отражает в полной мере семантику прилагательного *нечистый*. В данном контексте речь идет о «грубых, неприличных, возможно, непристойных словах, которые могут ранить человека». В АБВУ Lingvo были найдены следующие эквиваленты перевода прилагательного *нечистый*: 1. *unclean, dirty*; 2. *impure, adulterated*; 3. *careless, bad, inaccurate*; 5. *evil, vile, bad, foul*; 6. *dishonourable, dishonest*; 7. *devil* (нумерация соответствует выше представленным русским словарным дефинициям) [16]. Существенно также подчеркнуть, что в онлайн-словаре АБВУ Lingvo не отражены английские эквиваленты со значением «нецеломудренный, лишенный нравственной чистоты» [16]. В отличие от К. Гарнетт, которая использовала английский эквивалент *unclean* с отрицательной семой *un-*, А. Литвинов смог избежать эксплицитно выраженного отрицательного компонента, антонимически использовав английское прилагательное *gross*, которое не закреплено в качестве варианта перевода в онлайн-словаре АБВУ Lingvo [16]. Обратимся к словарю Oxford English Dictionary с целью выявления семантики предложенной переводчиком единицы. Английское прилагательное *gross* имеет пять значений: 1. being the total amount of something before anything is taken away; 2. (formal or law) (of a crime, etc.) very obvious and unacceptable; 3. (informal) very unpleasant; 4. very rude; 5. very fat and ugly [17]. Анализ приведенных дефиниций позволяет сделать вывод, что английское прилагательное *gross* вполне может выступать эквивалентом перевода русского прилагательного *нечистый*, исходя из третьего и четвертого значений – «неприятный» и «грубый», соответственно.

2. Имя прилагательное с эксплицитно выраженным отрицательным компонентом → имя существительное с имплицитно выраженным отрицательным компонентом (adj₋ → noun₋);

Следующая стратегия предполагает, что прилагательное с формально выраженной отрицательной семой *не-* при переводе антонимически заменяется на имя существительное, в состав которого не входит какой-либо отрицательный компонент. Рассмотрим несколько примеров использования данной стратегии.

В предложении *Простые люди говорят: нечистый попутал.* содержится прилагательное *нечистый*, которое уже было проанализировано ранее. В данном контексте имеет место седьмое просторечное значение «злой дух, черт». Исходя из семантики русского прилагательного, в онлайн-словаре АБВУ Lingvo был найден эквивалент перевода *devil* [16]. Исходя из этого,

А. Литвинов антонимически перевел русское прилагательное *нечистый* с помощью существительного *the devil*. Представляется важным отметить, что это единственный вариант с семантикой «злой дух, черт», предложенный в онлайн-словаре АБВУ Lingvo [16].

При переводе следующего примера *Он соображал: сегодня день **неприсутственный**, и муж, вероятно, дома*. оба переводчика сошлись в едином мнении. В словарной статье Толкового словаря Д.Н. Ушакова отмечается, что русское прилагательное *неприсутственный* относится к устаревшим словам и имеет семантику «такой, в к-рый закрыты государственные учреждения» [15]. В онлайн-словаре АБВУ Lingvo были найдены следующие эквиваленты перевода словосочетания *неприсутственный день*: *public holiday, bank holiday, day of absence, dies non* (лат.), *legal holiday* (юр.), *non-judicial day* (юр.) [16]. К. Гарнетт и А. Литвинов воспользовались вышеназванной стратегией перехода русского прилагательного *неприсутственный* в антонимическое существительное *a holiday* на основе причинно-следственной метонимии. Если «нет необходимости где-либо присутствовать», значит «этот день — *выходной*».

3. Имя прилагательное с эксплицитно выраженным отрицательным компонентом → словосочетание, в состав которого входят прилагательное с имплицитно выраженным отрицательным компонентом и имя существительное (adj₋ → adj₊ + noun);

Данная стратегия заключается в том, что прилагательное с формально выраженной отрицательной семой *не-* при переводе заменяется на словосочетание (прилагательное без формально выраженного отрицательного компонента и имя существительное). Рассмотрим следующие два примера: *Сидя в павильоне у Верне, он видел, как по набережной прошла молодая дама, **невысокого** роста блондинка, в берете*. и *Простые люди говорят: **нечистый** попутал*.

В первом случае, согласно монографии Л.А. Новикова "Антонимия в русском языке", присутствует контрарный тип противоположности, при котором антонимы отражают качественную противоположность и образуют градуальные оппозиции. Между ними может иметь место треть, среднее, понятие. В данном случае: *низкий* — *невысокий* — *высокий*. В онлайн-словаре АБВУ Lingvo были найдены следующие эквиваленты перевода прилагательного *невысокий*: *low, small, short, shortish, not tall, inferior, slight, moderate*, среди которых наблюдается лишь один вариант перевода с эксплицитно выраженной отрицательной частицей (*not tall*) [16]. При переводе на английский язык К. Гарнетт сохраняет градуальность, избегая какого-либо отрицательного компонента: *a lady of medium height* со значением «дама среднего роста». Следует отметить, что данный вариант перевода не закреплен в онлайн-словаре АБВУ Lingvo [16].

Второй пример содержит прилагательное *нечистый*. (См. анализ значений данного прилагательного выше). В данном контексте также имеет место седьмое просторечное значение «злой дух, черт». Исходя из семантики русского прилагательного, в онлайн-словаре АБВУ Lingvo был найден эквивалент перевода *devil* [16]. При переводе К. Гарнетт, применяя стратегию позитивации, трансформирует русское прилагательное с эксплицитно выраженным отрицательным компонентом в словосочетание *The Evil One*, что означает «дьявол, сатана». Следует подчеркнуть, что данный вариант перевода не закреплен в онлайн-словаре АБВУ Lingvo [16].

4. Имя прилагательное с эксплицитно выраженным отрицательным компонентом → причастие прошедшего времени с имплицитно выраженным отрицательным компонентом (adj₋ → part II₊);

Данная стратегия предполагает, что прилагательное с эксплицитно выраженной отрицательной семой *бес-* при переводе антонимически заменяется на причастие прошедшего времени. Рассмотрим следующий пример применения данной стратегии: *И в конце концов **остаётся** какая-то куца, **бескрылая** жизнь, **какая-то** чепуха*. В словарной статье Толкового словаря Д.Н. Ушакова представлена всего одна дефиниция прилагательного *бескрылый*: 1. не имеющий крыльев. В данном примере русское прилагательное представлено в переносном значении [15]. В онлайн-словаре АБВУ Lingvo представлены следующие эквиваленты перевода: *apterous, wingless* [16]. При переводе А. Литвинов применил стратегию перехода русского прилагательного с эксплицитно

выраженной отрицательной семой *бес-* в английское прилагательное *earthbound*, тогда как К. Гарнетт на основе причинно-следственной метонимии перевела русское прилагательное *бескрылая* с помощью английского причастия прошедшего времени *curtailed* в значении «урезанный, сокращенный». Если «нет крыльев», значит «их обрезали».

5. **Имя прилагательное с эксплицитно выраженным отрицательным компонентом → фразеологизм (adj → idiom).**

Данная стратегия предполагает, что прилагательное с эксплицитно выраженной отрицательной семой *не-* при переводе антонимически заменяется на фразеологизм, в состав которого входит предлог и имя существительное. Был найден всего один пример применения данной стратегии ...*это покаяние, такое неожиданное и неуместное*, в котором присутствует два прилагательных. Следует отметить, что при переводе первого прилагательного *неожиданное* А. Литвинов не применил стратегию антонимического перевода, сохранив исходный отрицательный компонент (*не- — in-*) и выбрав английский эквивалент *unexpected*, в отличие от второго прилагательного *неуместное*. В словарной статье Толкового словаря Д.Н. Ушакова данное прилагательное описывается как «не соответствующий обстановке, являющийся некстати, неподобающий» [15]. В онлайн-словаре АБВУ Lingvo были найдены следующие варианты перевода: *inappropriate, misplaced, out of place, irrelevant* [16]. А. Литвинов перевел русское прилагательное *неуместный* с помощью идиомы *out of place*, где отрицательная сема имплицитно отражена в предлоге *out of*. В словарной статье Oxford English Dictionary данная идиома имеет два значения: 1. not in the correct place; 2. not suitable for a particular situation [17]. В описываемом контексте речь идет о последнем значении.

Заключение

Таким образом, в сфере имен прилагательных было выявлено 5 стратегий антонимического перевода, которые впоследствии могут применяться в современной переводческой практике. Существенно отметить, что антонимический перевод является автономной переводческой трансформацией и служит одним из средств достижения эквивалентности при переводе художественных текстов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шхапацева М.Х., Пазова Л.М. Антонимы, антонимия, антонимическая парадигматика в русском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2015. № 3 (164). С. 88–94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antonimy-antonimiya-antonimicheskaya-paradigmatika-v-russkom-yazyke>
2. Романюк М.А. Антонимические блоки в английском сленге // Владивосток: Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. С. 93–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antonimicheskie-bloki-v-angliyskom-slenge>
3. Самарин Д.А. Антонимический перевод как особый переводческий приём // Тамбов: Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-1 (77). С. 158–161. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antonimicheskij-perevod-kak-osobyj-perevodcheskij-priem>
4. Палажченко П.Р. Отрицание английское и русское. Заметки переводчика // Журнал переводчиков Мосты. 2013. № 4. С. 297–304. URL: https://www.academia.edu/5174933/Отрицание_английское_и_русское
5. Моисеева Е.М. Принципы выделения антонимических оппозиций // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 1-2. С. 297–304. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiyu-vydeleniya-antonimicheskikh-oppozitsiy>
6. Каюмова А.Р. Антонимический перевод и его место в классификации способов передачи фразеологических единиц с английского языка на русский // Ученые записки Казанского уни-

верситета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 6. С. 78–84. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antonimicheskij-perevod-i-ego-mesto-v-klassifikatsii-sposobov-peredachi-frazeologicheskikh-edinit-s-anglijskogo-yazyka-na-russkij>

7. **Введенская Л.А.** Словарь антонимов русского языка / Л. А. Введенская. 3-е изд. Ростов-на-Дону: Издательский центр «МарТ». 2010. 320 с. ISBN: 978-5-241-00959-3. URL: http://elistratova-xenia.ru/slovari/vvedenskaja_l.a-slovar_antonimov.pdf

8. **Слаутина М.В.** Отображение антонимических отношений в словаре синонимов // Вопросы лексикографии. 2012. № 2. С. 97–103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otobrazhenie-antonimicheskikh-otnosheniy-v-slovar-sinonimov>

9. **Бархударов Л.С.** Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ. 2008. 235 с. ISBN: 978-5-382-00577-5. URL: <https://classes.ru/grammar/125.Barhudarov-yazik-i-perevod/html/1.html>

10. **Волошина Т.Г.** Семантика отрицания // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 23. С. 78–84. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-otritsaniya>

11. **Евсина М.В.** Конструкции с двойным отрицанием как реализация коммуникативной интенции говорящего // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 195–197. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruktsii-s-dvoynym-otritsaniem-kakrealizatsiya-kommunikativnoy-intentsii-govoryaschego>

12. **Сулейманова О.А.** Грамматические аспекты перевода перевода: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / О.А. Сулейманова, К.С. Карданова-Бирюкова, Н.Н. Беклемешева. М.: Издательский центр «Академия». 2012. 240 с. ISBN: 978-5-7695-8740-5.

13. **Сулейманова О.А.** Стилистические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / О.А. Сулейманова, К.С. Карданова-Бирюкова, Н.Н. Беклемешева. М.: Издательский центр «Академия». 2010. 176 с. ISBN: 978-5-7695-6504-5.

14. **Митрофанова З.И.** Как это сказать по-русски «Not unworthy»? // Вестник ЧГУ. 2017. № 2. С. 259–268. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-eto-skazat-po-russki-not-unworthy>

15. Толковый словарь Д.Н. Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru>

16. Онлайн-словарь АBBYY Lingvo Live. URL: <https://www.lingvolive.com>

17. Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>

REFERENCES

[1] **M.Kh. Shkhatseva, L.M. Pazova**, Antonimy, antonimiya, antonimicheskaya paradigmatica v russkom yazyke [Antonyms, antonymy, antonymic paradigmatics in Russian], Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye. 3 (164) (2015) 88–94. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/antonimy-antonimiya-antonimicheskaya-paradigmatika-v-russkom-yazyke>

[2] **M.A. Romanyuk**, Antonimicheskiye bloki v anglijskom slenge [Antonymic blocks in English slang], Vladivostok: Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki. 4 (2014) 93–97. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/antonimicheskie-bloki-v-anglijskom-slenge>

[3] **D.A. Samarin**, Antonimicheskij perevod kak osoby perevodcheskij priyem // Tambov: Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 11-1 (77) (2017) 158–161. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antonimicheskij-perevod-kak-osoby-perevodcheskij-priyom>

[4] **P.R. Palazhchenko**, Otritsaniye angliyskoye i russkoye. Zametki perevodchika [Negation English and Russian. Translator's Notes], Zhurnal perevodchikov Mosty. 4 (2013) 297–304. Available at: https://www.academia.edu/5174933/Otritsaniye_angliyskoye_i_russkoye

[5] **Ye.M. Moiseyeva**, Printsipy vydeleniya antonimicheskikh oppozitsiy [Principles of singling out antonymic oppositions], Sotsialno-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy. 1-2 (2011) 297–304. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-vydeleniya-antonimicheskikh-oppozitsiy>

[6] **A.R. Kayumova**, Antonimicheskij perevod i yego mesto v klassifikatsii sposobov peredachi frazeologicheskikh yedinit s angliyskogo yazyka na russkij [Antonymic translation and its place in the classification of ways of transferring phraseological units from English into Russian], Uchenyye zapiski Ka-

zanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. 6 (2010) 78–84. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/antonimicheskiy-perevod-i-ego-mesto-v-klassifikatsii-sposobov-peredachi-frazeologicheskikh-edinit-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy>

[7] **L.A. Vvedenskaya**, Slovar antonimov russkogo yazyka [Dictionary of antonyms of the Russian language], Rostov-na-Donu: Izdatelskiy tsentr «MarT». 2010. 320 p. Available at: http://elistratova-xenia.ru/slovari/vvedenskaja_1.a-slovar_antonimov.pdf

[8] **M.V. Slautina**, Otobrazheniye antonimicheskikh otnosheniy v slovare sinonimov [Mapping of antonymic relations in the dictionary of synonyms], Voprosy leksikografii. 2 (2012) 97–103. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otobrazhenie-antonimicheskikh-otnosheniy-v-slovare-sinonimov>

[9] **L.S. Barkhudarov**, Yazyk i perevod: voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda [Language and translation: issues of general and private theory of translation], M.: Izd-vo LKI. 2008. 235 p. Available at: <https://classes.ru/grammar/125.Barhudarov-yazik-i-perevod/html/1.html>

[10] **T.G. Voloshina**, Semantika otritsaniya [Semantics of negation], Prioritetnyye nauchnyye napravleniya: ot teorii k praktike. 23 (2016) 78–84. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-otritsaniya>

[11] **M.V. Yevsina**, Konstruktsii s dvoynym otritsaniyem kak realizatsiya kommunikativnoy intentsii govoryashchego [Constructions with double negation as a realization of the speaker's communicative intention], Izvestiya TulGU. Gumanitarnyye nauki. 3 (2014) 195–197. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruktsii-s-dvoynym-otritsaniem-kakrealizatsiya-kommunikativnoy-intentsii-govoryashchego>

[12] **O.A. Suleimanova, K.S. Kardanova-Biryukova, N.N. Beklemesheva**, Grammaticheskiye aspekty perevoda perevoda: ucheb. posobiye dlya stud. uchrezhdeniy vyssh. prof. obrazovaniya [Grammar aspects of translation translation: textbook. allowance for students. institutions of higher prof. education], M.: Izdatelskiy tsentr «Akademiya». 2012. 240 p.

[13] **O.A. Suleimanova, K.S. Kardanova-Biryukova, N.N. Beklemesheva**, Stilisticheskiye aspekty perevoda: ucheb. posobiye dlya stud. uchrezhdeniy vyssh. prof. obrazovaniya [Stylistic aspects of translation: textbook. allowance for students. institutions of higher prof. education], M.: Izdatelskiy tsentr «Akademiya». 2010. 176 p.

[14] **Z.I. Mitrofanova**, Kak eto skazat po-russki «Not unworthy»? [How do you say “Not unworthy” in Russian?], Vestnik ChGU. 2 (2017) 259–268. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-eto-skazat-po-russki-not-unworthy>

[15] Tolkovyy slovar D.N. Ushakova [Dictionary of D.N. Ushakov]. Available at: <https://ushakovdictionary.ru>

[16] Onlayn-slovar ABBYY Lingvo Live [ABBYY Lingvo Live Online Dictionary]. Available at: <https://www.lingvolive.com>

[17] Oxford English Dictionary. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / THE AUTHOR

Глотова Яна Александровна

Glotova Yana A.

E-mail: yanaglotova13@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0508-4464>

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 14.03.2022; принята к публикации 18.03.2022.

The article was submitted 31.01.2022; approved after reviewing 14.03.2022; accepted for publication 18.03.2022.

Научная статья

УДК 81

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13104>

РУССКИЙ НАУЧНЫЙ СТИЛЬ VS АКАДЕМИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Н.И. Колесникова

Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Российская Федерация

 n.kolesnikova@corp.nstu.ru

Аннотация. Данная статья написана в русле дискуссии о проблемах и перспективах преподавания в российских вузах академического письма на русском языке. Цель статьи – на основе анализа лингвистических и методических работ выявить в технологии академического письма то, что может являться новым для русского научного письма, способно обогатить его сложившуюся теорию и практику и приемлемо для русской культуры. Анализ работ показывает, что в формирующемся в России направлении «академическое письмо», востребованном и поддержанном только преподавателями английского языка, русскому языку отводится служебная, вспомогательная роль временной опоры для подготовки исследователей к написанию английских научных текстов. Автор полагает, что «академическое письмо» это всего лишь технология обучения культуре письменной английской научной речи, и ряд постулируемых ей новшеств и утверждений представляется или дискуссионным, или неприемлемым, разрушительным для русского научного стиля и русской науки. Особенно это касается филологического и гуманитарного знания, имеющего свою наработанную годами терминологию и решающего региональные проблемы. Автор считает важным событием заседания Круглых столов, организованных Комиссией ОП РФ по развитию высшего образования и науки и Государственным институтом русского языка имени А.С. Пушкина с целью сохранения русского языка для русской науки. В заключение автор приходит к выводу, что теоретические и методические основы академического письма четко не сформулированы, не зафиксированы в сопоставительном виде с русским научным письмом и призывы к их освоению носят преимущественно декларативный характер. Предлагается закрепить понятие «академическое письмо» как относящееся к подготовке текстов на английском языке.

Ключевые слова: академическое письмо, культура русской научной речи, технология обучения английскому языку, теоретико-методологические основы русского научного стиля, технология академического письма.

Для цитирования: Колесникова Н.И. Русский научный стиль vs академическое письмо // Общество. Коммуникация. Образование. 2022. Т. 13. № 1. С. 36–47. DOI: 10.18721/JHSS.13104

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Scientific article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13104>

RUSSIAN SCIENTIFIC STYLE VS ACADEMIC WRITING

N.I. Kolesnikova ✉

Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russian Federation

✉ n.kolesnikova@corp.nstu.ru

Abstract. The presented article is a discussion about the problems and prospects of teaching academic writing in Russian at the universities of the Russian Federation. The aim of the article is to identify, based on the analysis of linguistic and methodological literature, what is new for Russian scientific writing, what will enrich its theory and practice and what is acceptable to Russian culture. The literature review shows that “academic writing” as a writing technique now trending in Russia is in demand and use only for teachers of English. The Russian language in this case has to take an auxiliary and secondary role, a temporary “crutch” employed to teach researchers how to write English scientific texts. The author believes that the concept of “academic writing” is just a technology for teaching the culture of written scientific communication in English, and a number of innovations and assertions postulated by academic writing are either debatable or unacceptable, and even destructive to Russian scientific style and Russian science. This is especially true for social sciences, which have their own terminology that has been developed over the years and which solve regional problems. The author considers the Roundtable discussions organized by the Commission on development of higher education and science of the Public Chamber of the Russian Federation and Pushkin State Russian Language Institute to be of great importance for preserving the Russian language for Russian science. The author concludes that theoretical and methodological fundamentals of academic writing are not clearly formulated or recorded in comparison with Russian scientific writing, and the appeals to their mastering are mostly declarative in nature. The author proposes to attribute the concept of “academic writing” to writing texts in English.

Keywords: academic writing, culture of Russian scientific communication, English language teaching technology, theoretical and methodological fundamentals of Russian scientific style, technology of academic writing.

Citation: N.I. Kolesnikova, Russian scientific style vs academic writing, Society. Communication. Education, 13 (1) (2022) 36–47. DOI: 10.18721/JHSS.13104

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

Развитие умений и навыков научной речи российских студентов, магистрантов и аспирантов, их подготовка к письменной научной коммуникации представляет собой важную проблему, решением которой занимаются преподаватели русского языка, исторических, философских, юридических, правовых, социологических, психологических, экономических, технических и прочих дисциплин. Читаемые ими курсы имеют различные названия и цели в зависимости от этапа обучения (бакалавриат, магистратура, аспирантура). Отдельно эта проблема всегда стояла перед преподавателями иностранных языков, готовящих аспирантов к сдаче кандидатского минимума. С введением в вузах требований к публикационной активности преподавателей на русском и английском языке проблема затронула послевузовский этап обучения (курсы повышения квалификации). Требование публиковать результаты исследований на английском языке в зарубежных журналах, индексируемых в WoS и Scopus, привлекло десятилетие назад в методику преподавания английского языка технологию академического письма как технологию обучения культуре письменной английской научной речи. *Цель* предпринятого исследования – на основе анализа

теоретической и методической литературы выявить в технологии академического письма то, что может являться новым для русского научного письма, способно обогатить его сложившуюся теорию и практику и приемлемо для русской культуры.

Академическое письмо и английский язык

Анализ лингвистических и методических работ, опубликованных в последнее десятилетие, показывает, что в настоящее время академическим письмом занимаются активно внедряющие его отдельные авторы или небольшие коллективы преподавателей-практиков на кафедрах иностранных языков.

Содержание теоретических статей, имеющих преимущественно философско-публицистическую направленность, сводится к подчеркиванию риторической составляющей академического письма, к подробному пересказу истории его становления по материалам англоязычных источников, убеждению читателя в его институциональном признании.

К сожалению, не упоминается о его перспективах – новых тенденциях англоязычного научного дискурса [1], которые способно принести в русскую научную культуру академическое письмо.

Практических статей опубликовано несколько больше, нежели теоретических, круг авторов несколько шире, но в фокусе внимания методистов преимущественно находится только жанр статьи (эссе) и аннотации к ней. Однако самое показательное то, что академическое письмо рассматривается сегодня преимущественно в целях преподавания английского языка и в рубрике «Академическое письмо» в русскоязычных журналах Scopus уже публикуются статьи российских авторов на английском языке [2–4]. Общим местом во всех статьях, посвященных академическому письму, является обоснование их актуальности. Примерно такое: «именно английский язык занимает лидирующее положение в коммуникативной сфере и имеет прочные позиции в международном научном мире, уверенно вытесняя остальные языки», «без эффективной иноязычной коммуникации вывести свои изыскания на мировой уровень практически невозможно» [5, с. 115], англоязычные публикации – количественный и качественный показатель научных исследований [6, с. 110]. Естественно, что такие утверждения связывают представление российского академического сообщества об академическом письме «с английским языком, на котором и для которого оно первоначально развивалось, вследствие чего оно ассоциируется с практикой преподавания английского языка...» [7, с. 66]. Складывающаяся система академического письма в России абсолютно справедливо оценивается лишь как *одно из возможных технологических решений* «проблемы создания грамотного текста, предназначенного для англоязычной научной аудитории» [8, с. 73]. Академическое письмо трактуется как «часть языковой и коммуникативно-ориентированной подготовки специалиста, нацеленная на корректное написание исследовательской статьи, проекта на английском языке в соответствии с лексико-грамматическими правилами и нормами научного стиля в отличие от разговорно-бытового английского языка» [9, с. 12]. Именно при обучении академическому письму на английском языке появились термины *академический дискурс, академические умения, академические компетенции* и др. [10 с. 36].

На вузовских конференциях по академическому письму рабочим языком обычно является английский. Вероятно, из-за сведения академического письма к английскому языку к этой технологии потеряли интерес историки, философы, социологи и русисты – те, кто готовит к написанию исследовательских текстов на русском языке.

По этой причине в ряде работ И.Б. Короткиной отстаивается возможность переноса методик, приемов и принципов обучения академическому письму, разработанных для англоязычной аудитории, на преподавание русского академического письма, что иллюстрирует ее учебное пособие ¹.

¹ Короткина И.Б. Академическое письмо: процесс, продукт и практика»: учеб. пособие для вузов. – М.: Издательство Юрайт. 2015. – 295 с.

В монографиях В.Н. Базылева [12, 13] предпринята попытка описать эту дисциплину в теоретическом и практическом аспекте, однако они оценены как не имеющие «отношения к обучению академическому письму», остающиеся «полностью в рамках российских дисциплин дискурсивного анализа и культуры речи», как не содержащие «достаточных ссылок на литературу по методологии и философии науки». Но, пожалуй, главным поводом для негативной оценки является практически полное отсутствие в монографиях зарубежных источников по академическому письму, читать которые следует на языке оригинала [7, с. 66]. Поставленное автору данных книг условие невыполнимо для большинства преподавателей русского языка и гуманитарных дисциплин и закрывает для них дорогу с названием «Академическое письмо».

Однако возникает вопрос. Книги В.Н. Базылева не востребованы академическим письмом, так как обучение письму должно идти «не от готового текста, как в дискурсивном анализе, а от гипотезы автора через конструирование целого текста к его финальному написанию» [7, с. 71]. Почему при этом адаптация курса академического письма «в российском контексте должна опираться не на текстоцентричные и универсалистские методики, а на методы дискурс-анализа» и риторическое содержание курса «должно стать фундаментом для реализации дискурс-аналитического подхода в научной коммуникации» [14, с. 99]? Что понимается под дискурс-анализом? Известно, что в методике русского научного письма обучающимся более важно понимать «...то, из каких единиц складывается процесс, чем то, на какие элементы мы можем разложить продукт» [15, с. 32].

Таким образом, целенаправленная, интегрированная, межпредметная система обучения академическому письму сегодня отсутствует, не востребованы и не разработаны и её лингводидактические принципы [11, с. 84], проявляются разночтения в терминологии.

Второй, многократно обсуждавшейся причиной угасания интереса к этой технологии у русистов и гуманитариев, могло стать плохо приживающееся в русском языке сочетание понятия *академический*, относящееся к научно-теоретическому контексту, со словом *письмо* как продукт или вид речевой деятельности. Разделяя понятия *письмо* как вид речевой деятельности и *академическое письмо*, В.Н. Базылев определяет второе как «совокупность форм существования дискурсивных практик (устных и письменных), функционирующих в социальной среде профессионалов, носителей теоретического знания» [12, с. 16]. Такое определение является слишком условным и подтверждает, что название «академическое письмо» — это заимствованная норма, исторически сложившаяся за пределами России, противоречащая идее сохранения русской культурной традиции. Курс академического письма не должен включать целенаправленное обучение устным текстам. В отечественной практике элементы академического письма входят в дисциплины «Практические основы перевода», «Компьютерный перевод» и «Специализированный профессионально ориентированный перевод» [17, с. 78–79]. Академическое письмо и устная речь разделяются и в учебных пособиях². Сегодня, когда в языковых и речевых компетенциях ФГОС-3 (УК-4) объединены письменные и устные научные жанры, название «Академическое письмо» для курса, который в русском эквиваленте заглавия должен развивать оба вида речевой деятельности, представляется неприемлемым [16]. Такой курс в русской традиции называется «Научная речь», «Культура научной речи».

Место русского языка в обучении академическому письму

Уделяется ли в исследованиях по академическому письму место русскому языку? Родной язык упоминается в связи с низким уровнем подготовки магистрантов и аспирантов по русскому и иностранному языку [17, с. 77], что обуславливает необходимость в обучении академическому письму обращаться за помощью к русскому языку и культуре научной речи, с которыми в России традиционно связывают качество научных текстов [7, с. 67]. «В условиях низкого уровня

² Федорова М.А. От академического письма – к научному выступлению. Английский язык: учебное пособие / М.А. Федорова. 4-е изд., стер. Москва : ФЛИНТА, 2018. 168 с.

владения английским языком обучение должно быть двуязычным», развитие теории и методики русского академического письма «будет способствовать повышению качества отечественных публикаций» [18, с. 311–312]. В основном внимание авторов сфокусировано только на английском языке: билингвальное обучение на основе сопоставления стилистических различий между родным и английским языками и предпереводческая подготовка текста на русском языке может помочь приобщению обучающихся к англоязычной культуре [19, с. 38]. Национальный язык рассматривается неоднозначно: как доминирующий рабочий инструмент обучения, снимающий лексико-грамматические сложности перевода на неродной язык, однако из-за бессознательно-го применения характерных для родного языка конструкций и оборотов мешающий освоению таких клише и выражению собственных мыслей на чужом языке [5, с. 116]. То есть, не следует обольщаться и заблуждаться, что на пространстве академического письма проявлена общая забота о сохранении языка русской науки, его исследовании и развитии. По сути, русскому языку отводится временная служебная роль в обеспечении качества подготовки публикаций на иностранном языке до приобщения их авторов к англоязычной культуре, когда методику обучения русской научной речи заменят технологии академического письма.

Английское академическое письмо и русское научное письмо: поиск отличий в подходах к обучению

И здесь мы подходим к основному вопросу нашего рассмотрения: что принципиально нового несёт русскому научному стилю академическое письмо? Какой зарубежный опыт «в области теории и практики академического письма достоин всестороннего изучения и осмысления» для использования в российской педагогической науке и образовательной практике [7, с. 67]? В чём главное отличие академического письма на английском языке от научного изложения на русском языке? В сопоставительном виде такие отличия не сформулированы, так называемое «общее место» в научной литературе отсутствует, общие подходы к обучению академическому письму, приемлемые для всех жанров, не выделены. Большинство статей посвящены истории формирования академического письма, изложенной с разной степенью подробности, и есть отдельные статьи, преимущественно практической направленности, в которых мы можем выделить и рассмотреть ряд положений, утверждений, цитат об особенностях академического письма.

1. *Основной единицей содержания обучения любому языку остаётся текст и жанр, сведения о жанрах академических (научных) текстов должны дополняться социокультурным компонентом* [20, с. 47].

Это положение постулируется и в отечественной методике и соотносится с базовой социокультурной компетенцией в обучении любому языку, включая русский язык как родной и иностранный [21].

2. *«...Аннотация [статья – Н.К.] не только пишется до текста (а не наоборот), ... пишется долго и тщательно, пока не будет очищена от каждого лишнего слова, каждой запятой, пока в ней не будут точно и коротко сформулированы методы исследования и подробно (!) описаны все его результаты. На основе аннотации пишется и сам текст, только уже в соответствующих деталях»³.*

В научных жанрах термины первичные, ядерные и вторичные, периферийные (М.М. Бахтин, Е.С. Троянская, Р.С. Аликаев и др.) прочно закрепились в классификации по принципу: изложение первичных сведений – их аналитико-синтетическая переработка (статья – аннотация к статье).

Зарубежные журналы для предварительной оценки содержания статьи перед публикацией требуют представить её аннотацию, которая отдельно не публикуется и может быть только приближенным к статье жанром, требующим уточнения и доработки после написания статьи.

Проблема обучения аннотированию заключается и в различных требованиях к структуре аннотации на русском и английском языках. В американских учебниках термины *summary* и *abstract*

³ Беседа главного редактора с Короткиной И.Б. Научная периодика: проблемы и решения. 2020. Том 9. № 3–4. Режим доступа: <https://ppir.ru/category/htmlarticle/issue-3-4-2020>. Дата обращения: 10.01.2022.

в авторских пристатейных аннотациях иногда подаются как взаимозаменяемые: «...*summaries (abstracts) at the beginning of journal articles...*» [22, с. 183]. В российских и зарубежных журналах аннотация именуется синонимичными *abstract* или *summary*, однако в аннотацию вкладывается содержание реферата, в ней требуется изложить цели и задачи статьи, методы работы, краткое содержание, новизну исследования и его результаты. Поэтому при написании пристатейных аннотаций автору приходится следовать требованиям редакторов.

3. *При наличии аннотации-заготовки к статье и трёх чужих «слепых» рецензий «не имеет значения, на каком языке написан текст; он ничего не потеряет при переводе и будет читаться в равной степени ясно на английском и русском языках. ... Даже русский синтаксис не отличается от английского, если вы включаете логику...»⁴.*

Это мнение отдельного автора, активно продвигающего академическое письмо в русскую научную речь, не отражает общую точку зрения отечественных исследователей-лингвистов, так как существует достаточно большое количество трудов, посвященных языковой и лингвокультурной специфике научных работ на разных языках, из которых следует, что при переводе научного текста требуется переводческая адаптация. По мнению М.К. Петрова, «если принять как доказанное наличие серьёзных типологических структурных различий между языками, ... то восходившая к Аристотелю гипотеза отмеченности предложений смыслом как их неотъемлемым внутренним свойством и феномен перевода оказываются в отношении взаимоисключения» [23, с. 62]. М.Н. Милеева «возможные национальные разночтения и недопонимания опубликованной академической статьи» также объясняет с точки зрения типологии культур, так как для любого пишущего характерно неосознанное проявление своих национальных особенностей при изложении материала на иностранном языке и «научная статья, оказывается, имеет свою национальность» [5, с. 114–115]. Н.Н. Трошина, ссылаясь на статью Р. Моциката «Ценность многоязычия для естественных наук», утверждает, что не иностранный, а именно родной язык дает человеку когнитивный потенциал с «историко-культурными коннотациями и моделями аргументации», необходимый «для образно-наглядного представления сложных смыслов» [24, с. 74]. И по мнению зарубежных исследователей, «не существует двух языков настолько тождественных, чтобы их можно было считать выразителями одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, – отдельные миры, а не один мир, использующий разные ярлыки»⁵.

4. *Если автор прячет свое авторское «я» за «сформированными бюрократической традицией формулировками» типа «в статье будет сделана попытка обосновать...», он уходит от ответственности. И это в конечном итоге приводит к его «публичной несостоятельности»⁶.*

При сопоставлении традиции академического (научного) письма России и Запада, корректно было бы учесть специфику функционирования местоимений «я» и «мы» именно в англоязычных научных текстах.

Е.Н. Малюга, О.А. Крапивкина, Н.В. Соловьёва [1, 25, 26] ссылаются, в частности, на результаты сравнительного исследования, проведенного И. Вассилевой [27]. Корпусный анализ значительного объема данных свидетельствует об очевидно более выраженной тенденции к использованию местоимения «я» в англоязычных публикациях по сравнению с публикациями на немецком, французском, болгарском и русском языках:

– Местоимение «я»: в английском – 69%; в немецком – 47%; во французском – 40%; в болгарском – 6%; в русском – 0,5%.

– Местоимение «мы»: в английском – 31%; в немецком – 53%; во французском – 60%; в болгарском – 94%; в русском – 95,5% [27, с. 165].

⁴ Там же.

⁵ Сепир Э. Положение лингвистики как науки // История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Ч.2, М.: Учпедгиз, 1960, с. 177.

⁶ Короткина И.Б. Академическое письмо: процесс, продукт и практика: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2015. С. 249.

Несмотря на небольшое несоответствие (суммарно местоимения «я» и «мы» в отдельно взятых английском, немецком, французском, болгарском языках составляют 100%, а в русском 96%), результаты довольно убедительны.

В исследовании О.А. Крапивкиной местоимение *we* было обнаружено во всех англоязычных статьях и в 80% русскоязычных публикаций. Количество англоязычных статей, содержащих местоимение *I*, – всего лишь 30 % от общего числа работ, в то время как в русскоязычных статьях данное местоимение обнаружено не было. Это позволяет автору сделать вывод, что тенденция скрывать свое присутствие для придания дискурсу объективного характера присутствует и в англоязычном, и в русскоязычном академических сообществах [25, с. 121–122]. Основной причиной «авторского присутствия в тексте» посредством местоимения «мы» следует считать не «снятие ответственности», а «стремление автора к самоидентификации и диалогу с читателем» [26, с. 72].

5. *Сегодня обозначена проблема создания теоретических и методологических основ академического письма на русском языке* [7, с. 64].

Однако теоретико-методологические основы русского научного функционального стиля уже достаточно хорошо разработаны. Это теория языковой личности, теория речевой деятельности, психологии речи и психолингвистики, теория функциональной стилистики, проецируемая на лингводидактическое описание научного стиля. Это диалогическая теория, которую якобы открывает для нас академическое письмо. Это теория текста, теория дискурса, теория жанров и жанрового подхода к развитию речи, теория когнитивной лингвистики, теория коммуникативно-деятельностного, личностно-ориентированного и проблемного подходов в обучении, поэтапного формирования умственных действий; теоретические основы лингводидактики и методики преподавания русского языка как родного и как иностранного и др.

Каждому преподавателю русской научной речи, помимо трудов М.М. Бахтина, следует прочесть на русском языке – языке оригинала классику: монографии М.Н. Кожинной (1972, 1986), О.Д. Митрофановой (1973, 1985), А.Н. Васильевой (1976), Е.И. Мотиной (1988) и др.

Неоценимый вклад в разработку теории научного функционального стиля, научного текста и дискурса внесли преподаватели Пермской научной школы под руководством М.Н. Кожинной (М.П. Котюрова, Е.А. Баженова, Н.В. Данилевская, Т.Б. Трошева, В.А. Салимовский и мн. др.). Для преподавателей языка это кладезь теоретических знаний, только изучив которые, можно оценивать на предмет новизны, адаптивности, социальной и культурной ценности и приемлемости теоретические разработки по английскому академическому письму.

6. *«Исследования последних 10–15 лет выявили [?]... согласие ученых с необходимостью использования английского языка как единого языка научных исследований»* [18, с. 311].

На это высказывание, которое косвенно инициировало написание данной статьи, ответим, что далеко не все ученые согласны с тем, чтобы Россия попала в число таких стран как Нидерланды и Швеция, которые утратили свой научный язык и пишут научные труды только по-английски. Действительно, преимущественное использование английского языка в различных областях знания обедняет языковую базу современной науки, ведет к потере значительной части важных научных изысканий, к вытеснению из этой сферы огромного пласта накопленного знания, вербализованного на других языках, и стиля научного мышления, отражающего научную культуру других стран [1, с. 56; 24, с. 70].

27 мая 2021 года состоялся Круглый стол «Как предотвратить уход русского языка из мировой науки?», организованный Комиссией ОП РФ по развитию высшего образования и науки и Государственным институтом русского языка имени А.С. Пушкина в рамках I Международного Костомаровского форума⁷.

⁷ 28 октября 2021 года состоялось второе заседание Круглого стола ОП РФ «Публикационная активность вузов: обеспечение национальных интересов в условиях глобализации».

Приведем цитату из вступительного слова М.А. Кронгауза: «Если мы перестанем по-русски говорить и писать о разных науках, то через несколько лет мы этого уже и не сможем сделать, даже если захотим. <...> Ведь если мы перестаем писать по-русски, то русский язык исчезает и как объект исследования. Он тоже таким образом вытесняется из науки»⁸.

По данным М.А. Осадчего, проректора по науке Института Пушкина, соотношение статей, опубликованных на английском и на русском языке, — 6266815 и 37559, то есть количество статей на русском языке меньше в 120 раз и преимущественно они публикуются в журналах технического профиля.

Английский язык, несомненно, удобен для передачи технической информации, содержащей к тому же много формул, графиков, чертежей, диаграмм, которые облегчают восприятие и понимание текста, но «тесен» для творческого гуманитарного и филологического мышления, которому претит и прокрустово ложе структуры статьи по техническим наукам. Научить среднестатистического автора-гуманитария полноценно писать статьи по общественным наукам на английском языке на уровне носителя, чтобы не получить отказ из журнала, по мнению А.В. Кузнецова⁹, директора ИНИОН РАН, — пустая трата времени и ресурсов. Потому что есть ряд направлений, тематика и терминология которых не интересна зарубежным журналам, и в публикации с большой вероятностью будет отказано. Действительно, зачем российскому учёному писать, например, об истории языка сибирских летописей XVII века на английском языке, если такие региональные исследования интересуют только его соотечественников? Зарубежных специалистов, способных дать адекватную научную оценку такому тексту, единицы. Здесь уместно бы написать, что им помогут англоязычные информативные аннотации, сопровождающие статьи. Однако процитируем мнение И.А. Стернина о том, что своими английскими аннотациями мы наносим «огромный вред отечественной гуманитарной науке. Большое количество наших оригинальных идей и терминов не может быть адекватно переведено на английский (например, в отечественной лингвистике за долгие годы сложился свой самобытный понятийный аппарат и многие наши филологические термины на английский язык просто не переводятся...», при этом «вымученный приблизительный перевод создаёт у англоязычного читателя ложное представление о содержании наших работ»¹⁰.

О том, что наиболее уязвимыми в таких условиях становятся гуманитарное научное знание и гуманитарные тексты, которые находятся в неравном положении с естественнонаучными публикациями, пишет и В.Е. Чернявская. Учёного-гуманитария вынуждают ориентироваться в большей степени на технику и технологию, а не на текст «как генератор смыслов, как содержательно-смысловое сцепление структур и форм» [9, с. 124].

Самый веский довод среди докладов участников форума содержит сообщение Д.В. Фомина-Нилова, ректора ГАУГН. В 2020 году мировым лидером скачиваний зарубежными учёными по блоку социально-гуманитарных дисциплин стал русскоязычный журнал «Военная мысль» (4824 скачивания). С отрывом в 9 раз на втором месте (580 скачиваний) также идёт российский журнал, издаваемый на английском языке¹¹. То есть имеет значение не язык публикации, а актуальность, важность и востребованность научной информации.

В Резолюции форума обращено внимание на «негативные последствия внедрения системы оценки работы научных организаций, включающей такой параметр, как число публикаций в изданиях, индексируемых международными наукометрическими базами», выработаны «предложения, содействующие укреплению позиций русского языка как языка науки»¹².

⁸ Круглый стол с Максимом Кронгаузом «Как предотвратить уход русского языка из мировой науки?» Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=eJ7ZtDckRyE> Дата обращения 10.01.2022.

⁹ Там же.

¹⁰ Стернин И.А. Как уважать себя заставить? Ученый-филолог размышляет о наболевшем // Понск. 2017. № 8. Режим доступа: <https://poisknews.ru/magazine/22732/> Дата обращения 10.01.2022.

¹¹ Круглый стол с Максимом Кронгаузом «Как предотвратить уход русского языка из мировой науки?» Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=eJ7ZtDckRyE> Дата обращения 10.01.2022.

¹² Резолюция I Международного Костомаровского форума. Режим доступа: <https://kostomarovforum.ru/d/resolution.pdf>. Дата обращения 10.01.2022.

Заключение

В заключение следует сказать, что поиск принципиальных отличий и достоинств английского академического письма, способных обогатить солидную теоретическую и методическую базу русского научного стиля, внести вклад в отечественную научную культуру, не дал желаемых результатов. До настоящего времени научно обоснованные теоретические и методические аргументы для использования академического письма в отечественной методике обучения научному письму четко не сформулированы и не зафиксированы в сопоставительном виде. То, что нам предлагается сегодня, не имеет методологической основы и сводит к уровню деклараций все призывы «выйти из плена» собственной письменной традиции и осваивать английское академическое письмо.

В качестве заимствования опыта следует сказать, что русский научный стиль нуждается в такой же рекламе и пропаганде, какую ведут сторонники академического письма. Главная стратегическая задача современных учёных состоит в сохранении и развитии русского научного функционального стиля. Русский научный стиль, как известно, начал создаваться в 1-й четверти 18 века для того, чтобы на нём появилась русская научная литература. В частности благодаря этому, русский язык входит в число шести мировых языков наравне с английским. 200 лет потребовалось русскому научному стилю, чтобы отмежеваться от латыни, немецкого, французского языков и художественного изложения, и формирование его еще не завершено. Если мы будем создавать тексты только на английском языке без публикации первоначальных русскоязычных версий, не будет русского научного стиля, русской научной литературы, русской науки. Думается, нам следует переставить акценты и искать актуальность проблемы не в том, как много статей опубликовано на английском языке [6, с. 110], а в том, почему русский язык отстаёт от других языков по объёму публикуемой на нём научной информации и как сохранить русский язык для русской науки? В первую очередь, необходимо в рейтинговых показателях вузов сбалансировать такой показатель, как число публикаций в изданиях, индексируемых международными наукометрическими базами. Не должен коэффициент англоязычной статьи WoS Q1 превышать в 360 раз показатель статьи ВАК и в 7 с лишним раз показатель монографии на русском языке.

И, очевидно, правильно будет признать, что название «академическое письмо» имеет отношение только к подготовке по иностранному (английскому) языку.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Малюга Е.Н.** Новые тенденции англоязычного научного дискурса: вопросы актуальности исследования и языковой идентичности // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. № 58. 2019. С. 52–70. DOI: 10.17223/19986645/58/4
2. **Dudnik L.V., Putilovskaya T.S.** (2020). Educational Paradigm of Academic Writing. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 29, no. 1, pp. 88–97. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-1-88-97>
3. **Chernysheva M.A., Kozlova A.O., Donova E.V.** (2019). Teaching Academic English to Russian-speaking Academic Staff: The Case of the Office of Academic Writing. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 28, no. 10, pp. 50–57. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-10-50-57>
4. **Chuikova E.S.** Specifying Learners' Professional Needs in Academic Writing // *Высшее образование в России*. 2021. Т. 30. № 12. С. 102–109. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-12-102-109
5. **Милеева М.Н.** Интернациональное и национальное в академической статье // *Высшее образование в России*. 2018. Т. 27. № 5. С. 114–120.
6. **Аленькина Т.Б.** Особенности развития англоязычного академического письма в России: жанровый подход // *Высшее образование в России*. 2018. Т. 27. № 5. С. 110–113.

7. **Короткина И.Б.** Академическое письмо: необходимость междисциплинарных исследований // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 10. С. 64–74. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-10-64-74>
8. **Роботова А.С.** Комментарии скептика: на какие вопросы не отвечает дисциплина «Академическое письмо» // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 11. С. 71–84. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-11-71-84>
9. **Чернявская В.Е.** Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: УРСС, 2017. 144 с.
10. **Демидова О.М.** «Академический» – уточнение концепта в методическом аспекте // Профессиональное образование в России и за рубежом. 1 (25) 2017. С. 35–39.
11. **Путиловская Т.С.** Компетентностно-деятельностная модель академического письма // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 10. С. 84–94. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-10-84-94>
12. **Базылев В.Н.** Академическое "письмо". Теоретические и прикладные аспекты: в 2 ч. Ч. 1. – 2-е изд., перер. М.: ФЛИНТА, 2016. 160 с.
13. **Базылев В.Н.** Академическое "письмо". Теоретические и прикладные аспекты: в 2 ч. Ч. 2. – 2-е изд., перер. М.: ФЛИНТА, 2016. 276 с.
14. **Шейпак С.А.** Академическое письмо: критика традиционного подхода // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 2. С. 92–103. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-2-92-103>
15. **Леонтьев А.А.** Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. Изд. стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2020. 312 с.
16. **Колесникова Н.И., Малинина М.Г., Ридная Ю.В.** Научные жанры и федеральный государственный образовательный стандарт: на пути к компромиссу // Научный диалог. 2017. № 4. С. 233–245. DOI: [10.24224/2227-1295-2017-4-233-245](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-4-233-245)
17. **Валеева Э.Э.** Развитие навыков академического письма на занятиях по иностранному языку // Высшее образование в России. 2016. № 12 (207). С. 76–81.
18. **Korotkina I.V.** Russian Scholarly Publications in Anglophone Academic Discourse: The Clash of Tyrannosaurs. Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education. 2018. Vol. 22 (2). Pp. 31–323. DOI: [10.15507/1991-9468.091.022.201802.311-323](https://doi.org/10.15507/1991-9468.091.022.201802.311-323)
19. **Добрынина О.Л.** Академическое письмо для публикационных целей: стилистические погрешности // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 10. С. 38–49. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-10-38-49>
20. **Чуйкова Э.С.** Академическое письмо: какое содержание актуально для России? // Высшее образование в России. 2016. № 12 (207). С. 59–67.
21. **Колесникова Н.И., Ридная Ю.В.** Формирование жанровой компетенции иностранных учащихся в научной сфере общения // Язык и культура. 2018. № 44. С. 198–217. DOI: [10.17223/1999619544/13](https://doi.org/10.17223/1999619544/13)
22. **Johnson V.E.** Stirring up Thinking / V. E. Johnson. Boston New York: Houghton Mifflin Company, 1998. 491p.
23. **Петров М.К.** Язык, знак, культура. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 328 с.
24. **Трошина Н.Н.** Интернационализация науки и проблема научной культуры в эпоху глобализации // Общество. Коммуникация. Образование. 2021. Т. 12. № 3. С. 70–80. DOI: [10.18721/JHSS.12306](https://doi.org/10.18721/JHSS.12306)
25. **Крапивкина О.А.** Вербализация субъекта в академическом дискурсе // Вектор науки ТГУ. 2015. № 4 (34). С. 121–124. DOI: [10.18323/2073-5073-2015-4-121-124](https://doi.org/10.18323/2073-5073-2015-4-121-124)
26. **Соловьева Н.В.** Употребление личных местоимений в научных статьях: "яканье или мыкание" Филология в XXI веке. 2021. № 1 (7). С. 66–74.
27. **Vassileva I.** Who am I / who are we in academic writing? A contrastive analysis of authorial presence in English, German, French, Russian and Bulgarian // International Journal of Applied Linguistics. 1998. № 8 (2). Pp. 163–190.

REFERENCES

- [1] **E.N. Malyuga**, Emergent Trends in English Scientific Discourse: Issues of Research Relevance and Linguistic Identity, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 58 (2019) 52–70. DOI: 10.17223/19986645/58/4
- [2] **L.V. Dudnik, T.S. Putilovskaya**, Educational Paradigm of Academic Writing. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 1 (29) (2020) 88–97. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-1-88-97
- [3] **M.A. Chernysheva, A.O. Kozlova, E.V. Donova**, Teaching Academic English to Russian-speaking Academic Staff: The Case of the Office of Academic Writing. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 10 (28) (2019) 50–57. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-10-50-57
- [4] **E.S. Chuikova**, Specifying Learners' Professional Needs in Academic Writing. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 12 (30) (2021) 102–109. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-12-102-109
- [5] **M.M. Mileyeva**, International and National in Academic Paper. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 5 (27) (2018) 114–120.
- [6] **T.B. Alenkina**, Academic Writing and Its Development in Russia: Genre Approach. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 5 (27) (2018) 110–113.
- [7] **I.B. Korotkina**, Academic Writing in Russia: The Urge for Interdisciplinary Studies, *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 10 (27) (2018) 64–74. DOI: 10.31992/0869-3617-2018-27-10-64-74
- [8] **A.S. Robotova**, Skeptic's Comment: What Questions 'Academic Writing' Does Not Answer. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 11 (27) (2018) 71–84. DOI: 10.31992/0869-3617-2018-27-11-71-84
- [9] **V.E. Chernyavskaya**, *Nauchnyi diskurs: vydvizheniye rezul'tata kak kommunikativnaya i yazykovaya problema* [Scientific discourse: the presentation of the result as a communicative and linguistic problem], URSS, Moscow, 2017.
- [10] **O.M. Demidova**, «Akademicheskij» – utochnenie koncepta v metodicheskom aspekte [“Academic” – clarification of the concept in the methodological aspect]. *Professional Education in Russia and Abroad*. 1 (25) (2017) 35–39.
- [11] **T.S. Putilovskaya**, Competency-and-activity-based Model of Academic Writing. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 10 (27) (2018) 84–94. DOI: 10.31992/0869-3617-2018-27-10-84-94
- [12] **V.N. Bazylev**, *Akademicheskoe "pis'mo". Teoreticheskie i prikladnye aspekty: v 2 ch. CH. 1.* [Theoretical and applied aspects: in 2 parts. part 1], FLINTA, Moscow, 2016.
- [13] **V.N. Bazylev**, *Akademicheskoe "pis'mo". Teoreticheskie i prikladnye aspekty: v 2 ch. CH. 2.* [Theoretical and applied aspects: in 2 parts. part 2], FLINTA, Moscow, 2016.
- [14] **S.A. Sheypak**, Academic Writing: Critics of the Traditional EAP Approach. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2 (29) (2020) 92–103. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-2-92-103
- [15] **A.A. Leontyev**, *Psiholingvisticheskie edinicy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya.* [Psycholinguistic entity and the generation of verbal statements.], Stereotip, URSS, Moscow, 2020.
- [16] **N.I. Kolesnikova, M.G. Malinina, Yu.V. Ridnaya**, Academic Genres and Federal State Educational Standard: on Course to Compromise. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*. 4 (2017) 233–245. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-4-233-245
- [17] **E.E. Valeeva**, Developing Academic Writing Skills in Foreign Language Courses. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 12 (207) (2016) 76–81.
- [18] **I.B. Korotkina**, Russian Scholarly Publications in Anglophone Academic Discourse: The Clash of Tyrannosaurs. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education*. 2 (22) (2018) 311–323. DOI: 10.15507/1991-9468.091.022.201802.311-323
- [19] **O.L. Dobrynina**, Academic Writing for Publication Purposes: The Infelicities of Style. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 10 (28) (2019) 38–49. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-10-38-49
- [20] **E.S. Chuikova**, Academic Writing: Relevant Content for Russia, *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 12 (207) (2016) 59–67.

[21] **N.I. Kolesnikova, Yu.V. Ridnaya**, Forming foreign students' genre competence in scientific sphere of communication. *Yazyk I Kul'tura = Language and Culture*, 44 (2018) 198–217. DOI: 10.17223/19996195/44/13

[22] **B.E. Johnson**, *Stirring up Thinking*, Boston New York: Houghton Mifflin Company, 1998.

[23] **M.K. Petrov**, *Yazyk, znak, kul'tura [Language, sign, culture]*, Nauka, Moscow, Main Editorial Board of Oriental Literature, 1991.

[24] **N.N. Troshina**, Internationalization of science and the problem of scientific culture in the epoch of globalization, *Society. Communication. Education*, 12 (3) (2021) 70–80. DOI: 10.18721/JHSS.12306

[25] **O.A. Krapivkina**, Verbalizatsiya sub`ekta v akademicheskom diskurse [Subject verbalization in academic discourse], *Vektor nauki TGU*, 4 (34) (2015) 121–124. DOI: 10.18323/2073-5073-2015-4-121-124

[26] **N.V. Solovyova**, Upotreblenie lichnyh mestoimnij v nauchnyh stat'yah: "yakan'e ili mykan'e" [The use of personal in scientific articles: "I" or "We"], *Filologiya v XXI veke*, 1 (7) (2021) 66–74.

[27] **I. Vassileva**, Who am I / who are we in academic writing? A contrastive analysis of authorial presence in English, German, French, Russian and Bulgarian, *International Journal of Applied Linguistics*, 8 (2) (1998) 163–190, DOI: 10.1111/j.1473-4192.1998.tb00128

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / THE AUTHOR

Колесникова Наталия Ивановна

Kolesnikova Nataliya I.

E-mail: n.kolesnikova@corp.nstu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6598-7588>

Статья поступила в редакцию 19.01.2022; одобрена после рецензирования 18.03.2022; принята к публикации 23.03.2022.

The article was submitted 19.01.2022; approved after reviewing 18.03.2022; accepted for publication 23.03.2022.

Научная статья

УДК 81'23

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13105>

ACADEMIC RECYCLING КАК НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

О.А. Сулейманова, А.А. Водяницкая ✉

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

✉ avodyanickaya@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет обзор сложившихся в академическом пространстве практик и анализ их проекции на формирование цифровой идентичности современного исследователя, определяемой совокупностью направлений: создание своего профиля, цифровое обеспечение поисковой и исследовательской деятельности и далее своей публикационной активности. Вхождение в глобальное информационное пространство породило ряд задач, связанных с определением статуса исследователя, причем как непосредственно формирующих его сетевую идентичность, т.н. visibility, так и характеристиках, косвенно определяющих эту идентичность на основании операций логического вывода, инференции. К числу первых можно отнести содержащиеся в профиле автора данные о публикационной активности, аффилиации и под. В число вторых входят параметры, требующие особого внимания, особенно в долгосрочной перспективе (например, участие в качестве соавтора с коллегами при публикации работ в хищнических и сомнительных изданиях, в платных публикациях при посредстве «фабрик статей» автора в составе собранных ad hoc авторских коллективов и др.), что наносит значительный вред репутации ученого; повторные публикации в ряде изданий или переведенные повторные публикации. Все это требует внимания современного исследователя и наличия «фильтров», например, можно использовать различные функции системы антиплагиата. В основе методики исследования лежит анализ составляющих цифровой идентичности современного исследователя: выявлены требования которым должен соответствовать профиль исследователя, его позиционирование в глобальном академическом пространстве. Особое внимание уделяется сложившимся практикам повторных публикаций, определяются причины их появления. В результате анализа выстроена структура сетевой личности современного исследователя, включающая как объективную информацию, так и логически выводимую на основании ряда косвенных данных и инференции, причем значительная часть информации «контролируется» академической этикой (плагиат, автоплагиат и переведенный плагиат). Рассмотрены нереконструируемые практики публикационной деятельности.

Ключевые слова: сетевая идентичность, профиль автора, антиплагиат, повторная публикация, академический дискурс.

Для цитирования: Сулейманова О.А., Водяницкая А.А. Academic Recycling как новая реальность: проблема определения цифровой идентичности современного исследователя // Общество. Коммуникация. Образование. 2022. Т. 13. № 1. С. 48–56. DOI: 10.18721/JHSS.13105

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Scientific article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13105>

ACADEMIC RECYCLING AS A NEW REALITY: DEFINING DIGITAL IDENTITY OF A MODERN RESEARCHER

O.A. Suleimanova, A.A. Vodyanitskaya

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation

 avodyanickaya@yandex.ru

Abstract. Publications make an integral part of the research trajectory as they make the researchers and their findings visible in the global academic world; they construe, directly and indirectly, researchers' digital identity. Academic recycling is an emerging tendency in the academic world that should be challenged. The paper focuses on the current academic practices and on how they affect the researchers' digital identity formed by a variety of parameters as follows: generation of one's academic profile, digital web engines search and research, and one's publication practices. Living in the global information environment gave rise to the challenges related to defining the researchers' status referring to those directly defining the authors' identity: the so-called visibility, as well as some characteristics that indirectly define the identity though inference. The first cluster involves the authors' profiles on publications, affiliation and other metadata. The second cluster covers the parameters that call for special attention, especially in the long-term perspective. The methods used to pursue the objectives involve analyzing the digital identity of a modern researcher: deduce the requirements the authors' profile is to meet, his/her stance and reputation in the global academic environment. The ways to challenge such predator practices as recycling publishing, as well as their triggering factors are analyzed relying on the still underestimated antiplagiarism resource as an efficient filter. The research proposes a structure of a modern scientists' digital profile as a combination of objective data and information related to academic ethical practice (plagiarism, different types of self-plagiarism, such as academic recycling, translation plagiarism). The conclusion is that the visibility requirements involve relying on objective criteria as well as on the ethical spectrum related to academic publications and academic recycling to the utmost degree.

Keywords: web identity, author's profile, plagiarism, academic recycling, academic discourse.

Citation: O.A. Suleimanova, A.A. Vodyanitskaya, Academic Recycling as a new reality: defining digital identity of a modern researcher, Society. Communication. Education, 13 (1) (2022) 48–56. DOI: 10.18721/JHSS.13105

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

Вопрос цифровой проекции сетевой личности возник относительно недавно и его появление по всей видимости объективно обусловлено. Цифровая (сетевая) идентичность современного исследователя и формирование целостного представления о нем как о сетевой личности находится в настоящее время в стадии становления и потому требует анализа. Мы полагаем, что в сфере интересов ученых в первую очередь находятся вопросы методологических преимуществ современных сетевых ресурсов как в поисковой [1], так и в исследовательской перспективе [2, 3]; а также вопросы, относящиеся к обеспечению публикационной деятельности современного ученого и связанными с ней проблемами [4, 5]. Например, одним из аспектов публикационного формата безусловно можно считать проблему, обозначаемую в англоязычном дискурсе как *academic recycling*, часто квалифицируемую также как *self-plagiarism*. Данный термин на настоящий момент не получил эквивалента в русском языке, см. его машинный перевод как **академическая переработка отходов*. Слово *recycling*, понимаемое как *повторное использование*, ре-

циркуляция, позволяет определить внутреннюю форму терминологического рассматриваемого словосочетания и предложить не вполне точный однако вариант его перевода на русский язык как *повторная публикация*. Ср. т.ж. имеющие хождение в зарубежном языкознании связанные термины *text recycling* и *duplicated publications*, в рамках последних авторы выделяют фактически два типа вариантов: публикация, идентичная ранее опубликованной или в высокой степени повторяющая работу, опубликованную в другом издании (со ссылкой на нее или нет); при полном или частичном сохранении авторства. Обычно авторы при этом изменяют название, аннотацию и ключевые слова. Как отмечается в [6], такая практика наблюдалась уже в 1970-е гг. Второй тип таких публикаций (*redundant publication*) – дублирующий, когда автор берет за основу (практически без изменений) предшествующий вариант и дополняет его текстом и новым эмпирическим материалом.

Анализ сетевой личности требует рассмотрения следующего спектра проблем: цифровое обеспечение поисковой и исследовательской деятельности; анализ практик повторных публикаций – **причин** возникновения такого положения дел и **тенденций** его развития, выявления разновидностей повторных публикаций и **путей его преодоления**, а также проблема **авторства** и этических аспектов в публикационной деятельности.

Анализ потенциала цифровых ресурсов

Цифровое обеспечение поисковой и исследовательской деятельности

Методологические преимущества корпусных цифровых форматов не вызывают сомнений, корпусные ресурсы позволяют решать разнообразные поисковые и исследовательские задачи. Прежде всего заслуживают разработки поисковые методики (*search engines*), в частности, методики создания эмпирической базы исследований: даже лексикоориентированные работы требуют специально разработанных критериев поиска (выделения основы для однокоренных форм и т.д.), не говоря о проблеме выделения синтаксических моделей в корпусах текстов и в сетевых платформах типа Google или Yandex [1].

К числу поисковых задач также относится поиск релевантных для исследования работ, в целом сложились практики поиска, например, по ключевым словам в системах Elibrary, Science Direct и ряде других.

Не представляется до конца выявленным исследовательский потенциал данных платформ (*research engines*), несмотря на то, что они активно используются в различных форматах для решения разнообразных задач. Так, изучаются возможности совмещения корпусных методов с когнитивно-дискурсивным подходом к исследованию языка [3]; их верификационный при проведении семантических экспериментальных исследований [7, 8]; проводятся эксперименты с привлечением больших данных при изучении лингвокультурных и когнитивных закономерностей функционирования языковых единиц в русском и английском языках [9].

Еще одним направлением исследований в этой области является изучение потенциала цифровых технологий (как *search*, так и *research engines*) при обучении современных студентов-миллениалов [10, 11].

Опора на современные сетевые поисковые и исследовательские ресурсы формирует сетевую личность современного исследователя в том смысле, что позволяет эффективно использовать их потенциал и обеспечивать взаимодействие ученого с научным сообществом через анализ публикаций коллег в глобальном пространстве, а также опираться на массивы данных, позволяющих генерировать объективную эмпирическую базу исследования и проводить на этой базе верификацию гипотез.

Анализ практик повторных публикаций Academic Recycling

Рассмотрим проблему Academic Recycling (AR) – публикаций в значительной степени совпадающих результатов и выводов исследования в нескольких изданиях. Следует отметить, что в

до-сетевую эпоху повторные публикации в ряде случаев действительно имели место – результаты исследований могли, пусть и с некоторыми вариациями, публиковаться в различных источниках: в локальных изданиях, например, и далее в авторитетных научных изданиях. Это объяснялось в ряде случаев слабой доступностью публикаций для широкого круга лиц, в связи с чем авторы предпринимали попытки повторных публикаций при первой возможности. В таком случае сложно говорить о повторных публикациях как о порочной практике. Мы не говорим здесь о известных публикациях, прежде всего англоязычных, и в силу этого широко доступных, что позволяло авторам не тиражировать многократно свои результаты. Широко известные работы таких авторов как Дж. Лакофф или Р. Лангакер не тиражировались авторами, однако оказали при этом ни с чем не сравнимое влияние на развитие когнитивной лингвистики. В истории отечественной лингвистики также есть такие примеры – например, работы О.Н. Селиверстовой, не повторявшиеся в ее публикациях, Н.Д. Арутюновой, В.Н. Ярцевой и многих других лингвистов нашего «золотого века» лингвистики, пришедшегося на вторую половину XX в.

В условиях глобализации и повсеместной цифровизации ситуация меняется коренным образом, а именно: появление первой публикации ученого сопровождается созданием его профиля и присвоением ему индекса *ogcid*, который отныне будет сопровождать его в течение всей академической карьеры и делает доступными его труды в глобальном масштабе. Даже работы, доступ к которым ограничен, представлены в сети по крайней мере развернутыми англоязычными аннотациями (в этой связи вполне оправданы высокие требования к их написанию, поскольку именно они и способствуют продвижению цифровой идентичности автора). Иными словами, нет необходимости – в надежде получить отклик на работу от академического сообщества – тиражировать полученные результаты. Действительно, хорошо разработанная система поиска через ключевые слова делает вашу работу видимой. (При этом важно не формально относиться к выбору ключевых слов – от более релевантных для исследований к менее релевантным, следовательно, порядок следования ключевых слов играет важную роль в *visibility* автора; важно также «простое» требование не включать в данный список имена собственные и аббревиатуры.)

Критерий *visibility*, или заметности, который позиционируется как один из ключевых параметров в сетевой среде (см., например, работу [3]) заставляет академическое сообщество сосредоточить значительное количество усилий на технологии позиционирования своей работы и своей цифровой идентичности: внимательно, например, и неформально относиться к вышеобозначенной проблеме выбора ключевых слов и определения порядка их следования, написанию аннотаций согласно заданным параметрам, выбору названия статьи и др. Соблюдение данных требований делает ваше исследование заметным в глобальном сетевом пространстве, одновременно повышая степень ответственности за предъявляемые результаты.

Вторая разновидность AR формата представлена достаточно распространенной практикой переводной повторной публикации. В основе такой практики лежит сходное стремление авторов сделать доступным свое исследование зарубежным коллегам через публикацию материалов на современном академическом *лингва франка* – английском языке, поскольку широкое академическое сообщество в противном случае не имеет доступа к работам на, например, русском языке. Это означает, что ваш вклад остается не замеченным и как бы не существующим для науки, что в свою очередь лишает ученого статуса первооткрывателя, на который он имеет полное право претендовать. Такая повторная публикация на иностранном (обычно английском) языке тем не менее квалифицируется именно как AR (ресурс Антиплагиат фиксирует переводной вариант как плагиат), что безусловно препятствует публикационной активности авторов.

Антиплагиат и этический аспект академических публикаций

Этические аспекты практик *self-plagiarism* и *academic recycling* освещаются практически в каждом исследовании, посвященном данной проблематике (см., например, в этой связи [12, 13, 14]). В частности, исследователи отмечают, что основополагающим требованием при подготовке

научной статьи к печати является соблюдение этических принципов [13]; ввиду отсутствия четко прописанных требований, касающихся *academic recycling* и *self-plagiarism*, наблюдается тенденция к свободной интерпретации данного этического требования, ввиду чего авторы, публикующие статьи в одном журнале, допускают различную степень вариативности в области самоцитирования, самоплагиата и т.д. [14]. Кроме этого, признавая за авторами право «ограниченного числа самоцитирований в противовес вопиющим заимствованиям у самого себя», ученые признают, что решение вопроса о степени авторской свободы при самоцитировании зависит от решения проблемы плагиата как такового – проблемы, которая появилась вследствие дефиниционной, этической и теоретической неоднозначности данной проблематики [12: 1].

Как отмечают исследователи, этические аспекты плагиата и самоплагиата в академических публикациях требуют внимания и при подготовке специалистов. В частности, научный руководитель / научный консультант закладывает этические нормы академической коммуникации в процессе осуществления руководства научно-исследовательской работой студента [16].

Онтологические свойства самоплагиата еще не до конца изучены, о чем свидетельствует, например, следующее противоречие в *MLA Style Manual and Guide to Scholarly Publishing* (1998), отмечаемое в работе [12]: «профессионалы обычно не приемлют повторное издание опубликованной ранее работы, публикуемой дословно или в частично измененном виде, под другим названием или измененной иным способом, за счет которого создается впечатление новой работы. Это не этично, однако это не то же самое, что плагиат чужого исследования» (*MLA Style Manual... 1998, 152* – цит. по: 12 – перевод здесь и далее наш – О.С., А.В.). Как отмечают исследователи, «подобные характеристики – неприемлемость самоплагиата, его отличие от плагиата чужой работы – безусловно важны, однако из-за них возникает еще больше вопросов» [12].

Актуальный формат академического существования исключает этически спорную практику *academic recycling*, в том или ином виде. Это поддерживается также и тем, что система Антиплагиат, как отмечалось выше, способна распознать не только внутриязыковой, но и межъязыковой плагиат и плагиат-парафраз [6], что создает определенный фильтр для публикаций.

Рассмотрим данную систему в связи с анализом авторства, она позволяет оптимизировать экспертизу публикаций не только в плане проверки на антиплагиат, чем успешно пользуются практически все современные исследователи, а именно: в фундаментальном исследовании авторов-сотрудников в системе Антиплагиат [6] проведен анализ 3.8 млн публикаций на русском языке (не рассматривались переводные кросс-корреляции, сравнивались только прямые текстовые совпадения, хотя система Антиплагиат на настоящий момент вполне позволяет установить такую корреляцию) российских журналов, представленных в Elibrary. Из общего числа около 70 тыс. публикаций дублировали содержание в публикациях от 2 до 73 (!) раз (хотя и в единичных случаях), причем максимальное число повторов зарегистрировано за период 2014–2017 гг. Авторы исследования опытным путем установили порог сходства (a similarity threshold), на основании которого принималось решение о повторной публикации.

Вместе с тем, складывающаяся практика признания результатов проверки на антиплагиат, например, квалификационных работ вызывает ряд вопросов, непосредственно связанных с AR практиками. Не вполне ясны принципы фиксации показателя антиплагиата – входит ли в показатель библиографический список (его включение в текст для проверки на антиплагиат в значительной степени снижает показатель и служит определенным антистимулом для репрезентативности обзора), а также самоцитирование, что способно существенно снизить этот показатель.

Действительно, работа исследователя над выбранной темой с необходимостью предполагает некое воспроизведенное из предыдущих работ содержание.

Особое внимание в аналитических работах уделяется этическим аспектам публикационной активности, связанным с практиками платных публикаций, в частности, через посреднические компании, т.н. *paper mills*, или фабрики статей [4], которые организуют ложное (*forged*) авторство.

Автор анализирует 975 статей, опубликованных в 2019–2021 гг. через посредничество одной из компаний “International publisher” LLC, установив на основании разработанных критериев, что по крайней мере 303 статьи (31 %) по всей видимости публиковались через фабрику статей. Например, на 18 декабря 2021 г. было продано 5618 слотов, или мест для авторов в продаваемых публикациях.

Ряд научных организаций инициирует изъятие (retraction) таких публикаций – например, согласно информационному ресурсу Retraction Watch database, на декабрь 2021 г. выявлено 3450 таких мошеннических публикаций в области химии. Еще пример: комиссия РАН выявила 2528 статей, содержащих высокий уровень плагиата и сомнительное авторство в 541 научном журнале, и журналы отозвали 800 статей по результатам работы комиссии. РАН также отметил переориентацию с диссертационного плагиата на теневой рынок продажи академических публикаций: предлагается тема статьи, и можно купить позицию в ряду авторов (чем ближе к номеру первому месту, тем выше стоимость публикации для автора). Как отмечает А. Абалкина, многие области активно используют такие возможности (за исключением лингвистики), когда «продается» показатель квартиля журнала, срок публикации и база данных, где будет размещена статья и др.

Таким образом, появление аналитических работ, исследующих этически неприемлемые практики, служит фильтром для таких практик и по всей видимости позволит оптимизировать публикационную деятельность авторов.

Дискуссия

Глобализация академического пространства привела к значимой трансформации форматов академического взаимодействия, последствия которой еще предстоит изучить и эффективно использовать в профессиональной коммуникации в широком смысле.

Безусловным положительным потенциалом обладает наличие больших баз данных, в формате работы с носителями позволяющих оптимизировать поисковую деятельность, а также исследовательские практики. Вместе с тем, данные базы на настоящий момент не реализуют свой максимальный потенциал главным образом в силу того, что до конца осознаны его возможности и не разработаны методики опоры на данные системы.

Так, например, использование баз данных в качестве дополнения / замены семантического эксперимента в формате работы с носителями языка-информантами как «коллективного» информанта [9] позволяет оптимизировать экспериментальные методики. Однако это возможно далеко не во всех случаях. Действительно, при анализе, например, атрибутивных словосочетаний или исследовании дистрибуции языковой единицы репрезентативный материал можно было получить, задавая поиск смоделированных в соответствии с гипотезой словосочетаний в Google или Yandex (в формате неразбавленного вхождения, причем лингвисты приходят к данному, например, ограничению путем проб и ошибок, и так с каждым шагом по пути продвижения к оптимизации процедур) и фиксируя параметр частотности, который безусловно показателен и с точки зрения семантики исследуемых единиц. Например, фиксируя приоритет (=более высокую частотность) в английском языковом сознании словосочетания *a fat old lady* по сравнению с *an old fat lady* можно заключить, что для англосаксонского менталитета релевантность параметра возраста выше, чем параметр корпулентности (см. подробнее логику аргументации и принципы выбора порядка следования определений в [9]).

В формате поисковых процедур также есть свои сложности – так, возникает проблема создания эмпирической базы для анализа синтаксических структур: как именно задаются параметры поиска? Лексически? Или задается некоторая структура? Параметры поиска в каждом случае выработываются исследователем, причем с неизбежными ошибками на каждом этапе.

Иными словами, лингвистика только начала разработку алгоритмов взаимодействия с большими базами данных.

На данном этапе развития по пути глобализации цифровые системы позволяют оптимизировать этические принципы академического сообщества, функционируя как своеобразные фильтры, прежде всего через систему Антиплагиат. Однако и здесь возникают проблемы, например, связанные с интерпретацией анализа статей на антиплагиат.

Далее, работа в глобальном пространстве позволяет в настоящее время, с одной стороны, публиковать результаты исследований на родном языке, с другой — сопровождение материала к публикации развернутой аннотацией на английском языке обеспечивает авторское право, а коллеги, работающие над сходной тематикой, имеют право заказать — за скромную плату или безвозмездно — заинтересовавший их материал, не говоря уже о реальной возможности напрямую связаться с автором данной статьи, рабочие координаты которого присутствуют в его профиле.

Таким образом, практика *academic recycling* оказывается прагматически не вполне оправданной в современном академическом пространстве и вполне справедливо подвергается все более активной критике со стороны представителей исследовательского пула.

Еще одним значимым следствием в контексте глобальной представленности (*visibility*) является необходимость более строгого отношения к данным своего профиля, к своей сетевой идентичности, а именно: отслеживать транслитерации своих личных данных, данных об аффилиации исследователя, а также обращать внимание на раздел *для цитирования*, в котором предлагается перевод названия статьи и который позволяет вашей работе не затеряться из-за того, что цитирующие вас авторы по причине отсутствия перевода сделают (не всегда удачную) попытку самим перевести название вашего труда.

Таким образом, вхождение в глобальное пространство сопряжено с рядом не всегда пока осознаваемых в отечественном академическом социуме проблем, решение которых требует существенного изменения в подготовке научной публикации для того, чтобы она была востребована в мировом академическом сообществе и достигла поставленной автором цели.

Выводы

Спектр проблем и задач в сфере формирования цифровой (сетевой) идентичности исследователя предполагает аккумуляцию ряда направлений развития: в области совершенствования языка поисковых запросов и исследовательских цифровых процедур, стратегия которых определяется поставленными задачами; в области профилирования в целом своей академической, а также публикационной деятельности.

Поиск в этом направлении ставит автора в том числе перед серьезными этическими вопросами, которые в известной степени объективно обусловлены, однако нуждаются в повсеместном учете с тем, чтобы способствовать формированию многосторонней сетевой личности, в образе которой отражены ее включенность в глобальное академическое пространство — через свои публикации и свои корректно представленные метаданные, через взаимодействие с работами коллег в выбранной области исследования (корректное цитирование), опору на сетевые ресурсы как в поисковом, так и в исследовательском формате, что позволяет оптимизировать не только поисковую, но и исследовательскую деятельность.

Все обозначенные области действия требуют прежде всего аналитического подхода со стороны самого автора, и в целом оптимизации и дальнейшей разработки всех заинтересованных сторон.

Благодарность

Выражаем глубокую благодарность доктору филологических наук, доценту, профессору кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета Ирине Владимировне Тивьяевой за обсуждение содержания статьи, в ходе которого формировались аргументы в пользу предлагаемой концепции исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Никитина В.В.** Возможности и верификационный потенциал поисковых систем (Big Data) при проведении семантического исследования // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 854–860.
2. **Чернявская В.Е.** Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37.
3. **Чернявская В.Е.** Корпусно-ориентированный анализ идентичности российского университета 3.0. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 58. С. 97–114. DOI: 10.17223/19986645/58/7
4. **Abalkina A.** Publication and collaboration anomalies in academic papers originating from a paper mill: evidence from Russia. URL: arxiv.org. 2021.
5. **Christopher J.** The raw truth about paper mills. FEBS Letters. 2021. 595 (13/ 1751–1757. <http://doi.org/10.1002/1873-3468.14143>
6. **Chekhovich Yu.V., Khazov A.V.** Analysis of duplicated publications in Russian journals // Journal of Informetrics. 16 (2022). <http://dx.doi.org/10.17632/dy2smpf277.2>
7. **Nikitina V.V.** Verification Potential of Educational Search Technologies (Big Data) in Semantic Research // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Conference proceedings. London, 2020. Pp. 665–672.
8. **Сулейманова О.А., Фомина М.А.** Верификационный потенциал семантического эксперимента // Научный журнал Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2017. № 2 (34). С. 15–28.
9. **Suleimanova O.A., Petrova I.M.** Using Big Data Experiments in Cognitive and Linguo-Cultural Research in English and Russian // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13. No. 3. Pp. 385–393.
10. **Сулейманова О.А., Воляницкая А.А.** Сетевые технологии в системе обучения learning by doing // Общество. Коммуникация. Образование. Т. 11, № 1. С. 90–99. DOI: 10.18721/JHSS.11107
11. **Suleimanova O.A.** Active Learning in a Wider Perspective / O.A. Suleimanova, M.A. Fomina, A.A. Vodyanitskaya, V.I. Yaremenko // INTED2020 Proceedings. 2020. Pp. 908–913.
12. **Scanlon P.M.** Song from myself: An anatomy of self-plagiarism // Plagiary. No. 2. Pp. 1–10.
13. **Rosing C.K., Cury A.A.D.** Self-plagiarism in scientific journals: An emerging discussion [editorial material] // Brazilian Oral Research. 2013. 27 (6). Pp. 451–452.
14. **Lyn W.C.** Self-plagiarism in academic journal articles: from the perspectives of international editors-in-chief in editorial and COPE case // Scientometrics 123:1. 2020. Pp. 299–319.
15. **Berquist T.H.** Self-Plagiarism: A Growing Problem in Biomedical Publication! // American Journal of Roentgenology: 200. 2013. Pp. 237–238.
16. **Воляницкая А.А.** Анализ оценочности отзыва научного руководителя как жанра академического дискурса // Научный журнал Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2020. № 4 (48). С. 42–53.

REFERENCES

- [1] **V.V. Nikitina**, Features and verification potential of search engines (Big Data) in semantic research, *Cognitive Studies of Language*, 2 (41) (2020) 854–860.
- [2] **V.E. Chernyavskaya**, Discourse analysis and corpus approaches: a missing evidence-based link? Towards qualitative and quantitative approaches in language studies. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2 (2018) 31–37. (In Russ)
- [3] **V.E. Chernyavskaya**, Corpus-Assisted Discourse Analysis of Russian University 3.0 Identity, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2019. № 58 (2019) 97–114. DOI: 10.17223/19-986645/58/7
- [4] **A. Abalkina**, Publication and collaboration anomalies in academic papers originating from a paper mill: evidence from Russia. Available at: arxiv.org. 2021.

- [5] **J. Christopher**, The raw truth about paper mills. FEBS Letters. 2021. 595 (13/ 1751–1757. <http://doi.org/10.1002/1873-3468.14143>
- [6] **Yu.V. Chekhovich, A.V. Khazov**, Analysis of duplicated publications in Russian journals, Journal of Informetrics. 16 (2022). <http://dx.doi.org/10.17632/dy2smpf277.2>
- [7] **V.V. Nikitina**, Verification Potential of Educational Search Technologies (Big Data) in Semantic Research, European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Conference proceedings. London, 2020. Pp. 665–672.
- [8] **O.A. Sulejmanova, M.A. Fomina**, The potential of the semantic experiment for testing hypotheses, Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches. 2 (34) (2017) 15–28.
- [9] **O.A. Suleimanova, I.M. Petrova**, Using Big Data Experiments in Cognitive and Linguo-Cultural Research in English and Russian, Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 13 (3) (2020) 385–393.
- [10] **O.A. Suleimanova, A.A. Vodyanitskaya**, Digital Engines in learning-by-doing Education Format, Society. Communication. Education, 11 (1) (2020) 90–99. DOI: 10.18721/JHSS.11107
- [11] **O.A. Suleimanova, M.A. Fomina, A.A. Vodyanitskaya, V.I. Yaremenko**, Active Learning in a Wider Perspective, INTED2020 Proceedings. 2020. Pp. 908–913.
- [12] **P.M. Scanlon**, Song from myself: An anatomy of self-plagiarism, Plagiary. No. 2. Pp. 1–10.
- [13] **C.K. Rosing, A.A.D. Cury**, Self-plagiarism in scientific journals: An emerging discussion [editorial material], Brazilian Oral Research. 27 (6) (2013) 451–452.
- [14] **W.C. Lyn**, Self-plagiarism in academic journal articles: from the perspectives of international editors-in-chief in editorial and COPE case, Scientometrics. 123 (1) (2020) 299–319.
- [15] **T.H. Berquist**, Self-Plagiarism: A Growing Problem in Biomedical Publication!, American Journal of Roentgenology: 200. 2013. Pp. 237–238.
- [16] **A.A. Vodyanickaya**, Academic advisor’s review on students’ research paper as a genre of academic discourse, Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches. 4 (48) (2020) 42–53.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Сулейманова Ольга Аркадьевна

Suleimanova Olga A.

E-mail: olgasoul@rambler.ru

Водяницкая Альбина Александровна

Vodyanitskaya Albina A.

E-mail: avodyanickaya@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0449-1188>

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 18.03.2022.

The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 18.03.2022.

Научная статья
УДК 37.012.1; 37.035
DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13106>

РЕФЛЕКСИЯ МЕТОДА: НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

М.Н. Кожевникова ✉

Российский государственный университет им. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ mkozhevnikova1@gmail.com

Аннотация. В статье предпринят анализ метода, понимаемого автором как «феноменологический подход», требуемый для научного исследования, в частности, философско-антропологического исследования образования, что затрагивает проблему исследовательского метода, в целом, и имеет не только теоретическое, но и практическое значение, в особенности, для переосмысления «известного» (как в случае образования перед лицом дегуманизирующих цивилизационных трендов). Представленное исследование основывается на общефилософской методологии, прежде всего, феноменологическом и диалектическом подходах и исходит из материалов философско-антропологического исследования образования. Приведены результаты исследования, состоящие в том, что «феноменологический подход» проблематизируется и уточняется в соответствии со структурой исследовательского процесса: это предварительная фаза; собственно феноменологическая фаза; и постфеноменологическая фаза исследования. В рамках первой фазы выделяется проблема рефлексии тематизации феномена и на примере исследования образования в такой рефлексии обосновывается философско-антропологический характер исследования и тематизируется такой феномен, как «сущностная образованность». В рамках второй фазы вводится концепт «естественной феноменологии» и проясняется суть «феноменологического подхода», получившая свои формулировки еще у Гегеля и Гуссерля. На примере философско-антропологического исследования демонстрируется в этой фазе обнаружение слоев опыта человека, с их ключевыми феноменами (прафеномен «порядка», базовый феномен «субъектности» и пр.), что позволяет понять феномен образования как рост субъектности. В анализе постфеноменологической фазы поднята проблема невозможности феноменологического пуризма, в связи с чем в качестве ее решения предложено использование научной концептуальности как современной системы интерпретативных релевантностей для формирования требуемого языка и понятийного ряда.

Ключевые слова: метод, феноменологический подход, философско-антропологическое исследование, научные концепты, образование, сущностная образованность, субъектность.

Для цитирования: Кожевникова М.Н. Рефлексия метода: на примере исследования образования человека // Общество. Коммуникация. Образование. 2022. Т. 13. № 1. С. 57–69. DOI: 10.18721/JHSS.13106

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Scientific article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13106>

REFLECTION OF THE METHOD: CASE STUDY OF HUMAN EDUCATION

M.N. Kozhevnikova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation

 mkozhevnikova1@gmail.com

Abstract. The article analyzes the method, understood by the author as a “phenomenological approach”, required for research, in particular, the philosophical and anthropological research of education. This is the problem of the research method in general, which has theoretical and also practical significance, to rethink the “known” (as in the case of education in the face of dehumanizing civilizational trends). The study is based on philosophical methodology, primarily phenomenological and dialectical approaches, and proceeds from the materials of the philosophical and anthropological research of education. The results presented are that the “phenomenological approach” is problematized and refined in accordance with the structure of the research process: this is a preliminary phase, proper phenomenological phase, and the post-phenomenological phase of the study. Within the framework of the first phase, the problem of reflection on the thematization of the phenomenon is singled out and, using the example of education, the philosophical and anthropological nature of the study is substantiated and such a phenomenon as “essential education” is thematized. Within the second phase, the concept of “natural phenomenology” is introduced and the essence of the “phenomenological approach” is clarified, which received its formulations from Hegel and Husserl. Using the example of philosophical and anthropological research, this phase demonstrates the discovery of layers of human experience, with their key phenomena (the primordial phenomenon of “order”, the basic phenomenon of “agency”, etc.), which makes it possible to understand the phenomenon of education as the growth of agency. In the analysis of the post-phenomenological phase, the problem of the impossibility of phenomenological purism was raised, and therefore, as its solution, the use of scientific conceptuality as a modern system of interpretive relevancies for the formation of the required language and conceptual series was proposed.

Keywords: method, phenomenological approach, philosophical anthropological research, scientific concepts, education, essential erudition, agency.

Citation: M.N. Kozhevnikova, Reflection of the method: case study of a human education, Society. Communication. Education, 13 (1) (2022) 57–69. DOI: 10.18721/JHSS.13106

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение. Проблема метода

«Образование», составляющее сегодня одну из наиболее актуальных тем в мире, обсуждается как известное, данное. Но в тех же рамках «известного» коренятся и проблемы, которые образование испытывает относительно встающих вызовов и которые само порождает, при видении его не как образования человека, но под влиянием дегуманизирующих трендов. Требуется переосмысление образования, то есть необходимо подойти к образованию как неизвестному, усматривая и осмысляя его феномены, и это подразумевает феноменологический подход. В связи тем, оказывается важным прояснить, что такое «феноменологический подход», требуемый в исследовании.

В целом, проблема метода всегда занимала значимое место в феноменологических работах, начиная от классиков феноменологии и до сегодняшнего дня (об этом можно судить по зарубежным обзорным публикациям [1, 2] и по публикациям российских авторов (прежде всего, А.Г. Чернякова, В.И. Молчанова, А.В. Ямпольской, а также Е.В. Борисова, В.А. Куренного, М. Маяцкого,

А.В. Михайлова, Н.В. Мотрошиловой, Л.Ю. Соколовой и др.) Отмечались такие особенности феноменологического метода, в общем, как саморепрезентативные подходы от первого лица; «расщепление субъекта исследования на феноменологического наблюдателя и конституирующее сознание», «интенциональность», «эффективность», «среда феноменализации» [3] и т.д.

Тем не менее, остается вопрос о возможности и необходимости применения феноменологического метода в исследованиях за рамками собственно феноменологии и его уместных границах («феноменологическом подходе»), в особенности, относительно образования человека.

Предпринимая исследование «феноменологического подхода», необходимого для философского антропологического исследования образования, уточню, что в трактовке феноменологии, в целом, я исхожу из Гегеля [4], определившего «измерение» феноменологии как таковое. Сам метод данного исследования я также понимаю как феноменологический.

Определяю круг задач в своем исследовании. Итак, сам метод предпринимаемого исследования следует взять за предмет осмысления, если он подразумевает не технику, складывающуюся из известных процедур, а путь обнаружения неизвестного в известном. Я задумываюсь, *как* проводить исследование, но оно всегда оказывается застигнутым в не-начальной стадии таким «начальным» вопросом о нем: оно уже состоится, и вопрошающему уму остается свидетельствовать о нем, а не задавать ему норму и правило. Признавая это, для прояснения метода я беру *то, что застигаю*. Я обнаруживаю, «что есть» (свой опыт) и также «что я хочу» — волевое начало (в его значении осмысленное авторами философии волюнтаризма). «Метод» же составляет то, что соединяет первое и второе: это путь, ведущий от имеющегося в наличности к желаемому — цели. И поскольку наличное (застигнутый опыт мышления и исследования) и желаемое составляют мое переживаемое, я уже в этом условно начальном моменте обладаю возможностью прояснения метода, исходя из своих очевидностей.

То, «чего я хочу», — это понимание предмета, то есть, в общем, определенность предмета для меня: ведь движение мышления к пониманию происходит как построение объяснительных схем, выстраивающих порядок из неупорядоченного сочетания данных. «Объяснительные схемы» — то, что мы производим в повседневности ежечасно ради определенности для ориентации в своих действиях. Эта трактовка цели мышления солидаризируется с философией прагматизма (Джеймса, Дьюи и др.), однако под «действиями» я буду подразумевать и внутренние психические действия, переходящие в действия в мире. А *философское мышление*, как я вижу, отличается тем, что я берусь осуществлять само мышление (построение объяснительных схем) как *вполне свое*, что означает, что я нуждаюсь и в собственных основаниях самого построения, почему мне требуется их перепроверять (сверяя с *другим*/ Другим) или устанавливать внове. Поскольку в предстоянии *другого* и «перед лицом Другого» (или возможного — внутреннего — Другого) я обосновываю собственное понимание, проясняется, что философское мышление должно иметь природу всеобщего.

Также нужда в *собственных* основаниях выявляет неудовлетворительность опоры на эмпирическое (предмет многих дискуссий [5]), то есть то сущее, которое не перешло в собственное мышление, равно как и неудовлетворительность опоры на само мышление, взятое наивно, без проблематизации и выявления его оснований. Это объясняет и характеристику философского мышления как поднятого до уровня «наиболее общих категорий и законов», и предъявляемое им к себе требование аподиктичности. Такие позиции философского мышления определяют его иное существование, отличное от существования других видов мышления (повседневного; научного; религиозного; поэтического; того, которое трактуется как «письмо» (Деррида), «разговор» — «вид перекрестного разговора, который может продолжаться бесконечно» [6], «дискурс» — парресиастический¹ рациональный дискурс [7, с. 217] и т.д.), и его особые отношения с существующим знанием: как знанием естественного сознания, так и знанием науки.

¹ Парресья — «искреннее высказывание истины», по Фуко.

Теперь, «собственная рефлексия содержания», которая должна характеризовать, в целом, метод «философской науки» [8, с. 4], подразумевает вместо наивного принятия содержания, как это делает естественное сознание, использование феноменологического подхода.

С таким подходом я рефлексирую о «застигнутом» мышлении, рассматривая его в текущей последовательности, с составляющими ее фазами, в особенностях и возможностях этих составляющих, — и так проясняю метод исследования.

Анализ. Структура исследования

Структура исследования. Предварительная фаза

Я вижу, что, подступаясь к новому предмету, каждый раз в первом шаге — тематизации (взятии предмета за свою тему размышления, исследования), я обнаруживаю себя в предварительной фазе еще-не-моего размышления и еще-не-моих словесных выражений, погруженной в понятия общего жизненного мира.

Чаще при подступе к исследованию этот шаг бывает неотрефлексирован: тогда я как бы сразу имею дело с тематизированным предметом, не обратив внимания на то, что уже в своей направленности на него воспользовалась тем или иным представлением или концепцией для принятия определенной позиции наблюдения, угла зрения, сферы рассмотрения. Здесь в анализе метода я выделяю эту фазу тематизации как предварительную.

Например, если это тематизация «образования», то она зависит от содержания понятия, сложившегося в культуре — в философских концепциях, в педагогической мысли: мы используем «доставшееся нам» понятие, понимаем его так или иначе, исходя из текстов разных авторов, интерпретирующих образование. Так, всякое исследование начинается со «знакомства с литературой по предмету». То есть в предварительной фазе я обретаю свой предмет по имеющимся о нем свидетельствам жизненного мира, и, в частности, «свидетельствам» соответствующей научной области. Анализируя и сравнивая их, я могу уточнить свой предмет для более строгой его тематизации в дальнейшем. Таким мы и знаем ход любого научного исследования. Результатом этой предварительной фазы в исследовании всегда должна стать своя выработанная ориентация в тематизации феномена. Верно и то, что, уже анализируя и сравнивая, я в активной позиции деятеля вношу свой личностный угол зрения.

В существующих определениях понятия образования для меня обнаруживаются фактологический, описательный подход, при котором обсуждается *образование*, и нормативный, аксиологический подход, трактующий *Образование*, исходящий из понимания должного. И, судя по многим примерам в истории образовательной мысли, образовательно-философская система, даже если начинает разворачивание своих позиций с определения *образования*, заканчивает определением *Образования*. Проделав анализ различных определений и интерпретаций «образования», я замечаю сформировавшиеся вокруг них основные концептуальные поля, которые обозначаю по их ключевым концептам.

Таковы концептуальные поля: «Познание» (которое в разных аспектах знания, истины, понимания, мышления утверждали Сократ, Платон, Цицерон, Блж. Августин, Я. Коменский, Р. Декарт, авторы аналитической философии, Р. Питерс, П. Хёрст, др.); «Добродетель» (в разных аспектах блага, нравственности, морального закона в собственной воле, автономии и т.д. утверждали Аристотель, древнеримская традиция, Дж. Локк, И. Кант, И. Фихте, И.Ф. Герbart, др.); «Жизнь» (в разных аспектах утверждали Сенека, Монтень, Ж.-Ж. Руссо, Г. Спенсер, П.Ф. Каптерев, Дж. Дьюи, др.); «Человек» (в разных аспектах человеческого формирования; «выделявания»; саморазвития; становления тем, чем должен быть; «совокупного человеческого бытия»; актуализации; развития природы во внутреннем духовном росте утверждали Эразм Роттердамский, И.Г. Песталотци, Г.В. Ф. Гегель, В. Гумбольдт, Ф.М. Достоевский, М. Шелер, К. Роджерс, А. Маслоу; Г. Хорн, др.); «Социальность» (в разных аспектах обобществления опыта; адаптации;

коммуникации; «вразумления» посредством диалога утверждали Дж. Дьюи, Ж. Пиаже, М. Бубер, П. Фрейд, Н. Бурбулис, Г. Биста; Р. Рорти, др.), «Культура» (в разных аспектах трансляции культуры; «просвещения как выработки культурного самосознания; сохранения «связи и сути человеческого существования» утверждали С.И. Гессен, Г.П. Щедровицкий, В.М. Межуев, А.П. Огурцов, В.Д. Шадриков, американская школа консерватизма др.), «Свобода» (в разных аспектах, внешних и внутренних, утверждали Аллен, Ж. Маритен, П. Фрейд, Г. Жиро, П. Макларен, Белл Хукс, др.).

Так в предварительной фазе исследования я обнаруживаю, что в концептуальных полях, акцентирующих разные аспекты образования, и в их соотношениях следует увидеть конфигурацию, присущую самому феномену образования. Осмысляя эти соотношения, я прихожу к выводу, что центр конфигурации составляет концепт «Человек» как связующее звено всех концептов: другие концептуальные поля представляют особые интерпретации, раскрывающие, *как* (в каких руслах, направлениях, в какой логике) происходит «о-человечивание» в образовании.

В результате предварительной фазы — на подступе к феномену образования исследование определяется как философско-антропологическое, направленное на понимание образования как феноменов человеческого существования.

Предварительная фаза — одна из нескольких фаз, складывающих обсуждаемую структуру исследования, и в каждой из них исследующий обращен к одному и тому же предмету, что объясняется «круговой структурой понимания», формирующей метод в герменевтическом аспекте².

Собственно феноменологическая фаза. «Естественная феноменология»

Однако не «образование»-концепт составляет волнующий меня предмет, но *само* образование. Феноменологическая фаза, разворачивающаяся дальше, состоит в усмотрении предмета мышления, при целенаправленном воздержании от имевшегося известного взгляда на него и от новой активной работы мышления над ним. И эта фаза неизбежна, — она неотъемлема от исследования, хотя бы она и не осознавалась. По существу, это значит существование «естественной феноменологии» — присутствующей в естественном мышлении, обращающемся к теоретическому исследованию: феноменологической фазы, которая бывает краткой или чрезвычайно краткой и не отождествляется естественным сознанием (в ретроспекции я могу распознать ее присутствие). В философской, научной феноменологии эта фаза культивируется.

Обоснование ее обязательности в том, что даже при освоении концептуального я всегда соотношу осваиваемое с *чем-то*. Само естественное сознание, которое различает «концепции» предмета и его «очевидность» («сам предмет»), поднимает вопрос о необходимости феноменологической фазы. И что происходит при сравнении концепций в предварительной фазе? Я соотношу собственные представления и представления Других с тем, что я «имею/ знаю в опыте» как очевидное. *Феноменологическая* фаза обращения к «собственному опыту» предмета и служит дверью, открывающей мне мир «собственного понимания»: и в философских, и в научных исследованиях, и в процессах естественного сознания. В исследовании эта фаза — территория «собственно-моего опыта», который должен переходить в «мой собственный дискурс».

Так я в исследовании обращаюсь к феноменам. Например, я беру темой феномен «образованности» как содержащийся в естественном сознании и обнаруживаю его проявления в контексте общения в неконцептуализированных представлениях. (Их ярко демонстрирует ситуация, сводимая к восклицанию: «А еще человек образованный!») Анализируя эти представления и ожидания, я распознаю интуитивно признаваемый феномен «сущностной образованности». Что касается феномена образования, который предварительно тематизирован как «образование человека» и

² О «круге понимания» Хайдеггер писал: «Всякое толкование, призванное доставить понятность, должно уже иметь толкуемое понятным. ... Научное доказательство не вправе иметь уже предпосылкой то, обосновать что его задача. ... однако толкование должно всякий раз уже двигаться в понятном (...) Видеть в этом круге порочный и высискывать пути его избежания, да даже просто «ощущать» его как неизбежное несовершенство, значит в принципе не понимать понимание» [9]. Гадамер же формулировал так: «Тот, кто хочет понять ..., постоянно осуществляет набрасывание смысла. (...) Пересмотр предварительного наброска может привести к новому набрасыванию смысла... именно это постоянно набрасывание-заново» [10, с. 318–319].

который требуется усмотреть феноменологически, его прояснение делается возможным после первоначального усмотрения феномена человека.

Теперь, в чем сущность феноменологической фазы? В обычных («естественных») процессах эта фаза не бывает замечена как таковая, поскольку не бывает замечено, что сознание обнаруживает феномены как свое содержание. Заметить, признать это — первая задача, которая была осмыслена, с распознаванием ее трудности, в феноменологии. Словами Гегеля: «Работа состоит теперь не столько в том, чтобы извлечь индивида из непосредственного чувственного способа и возвести его в мысленную и мыслящую субстанцию, сколько... в противоположном: путем снятия установившихся определенных мыслей. (...) Мысли становятся текучими, когда чистое мышление, эта внутренняя непосредственность, познает себя как момент, или когда чистая достоверность его самого абстрагируется от себя, — не отбрасывает себя, не устраняет себя, а отказывается от фиксированности своего самополагания» [8, с. 25].

Значение феноменологической фазы в том, что она открывает непосредственный опыт (хотя последний относится уже не как обычно, к чувственному) — *очевидность*. «Очевидное» естественного для сознания смыкается в значении с «объективным» — тем, что существует вне зависимости от того или иного сознания. Но очевидное не существует «где-то» в пространстве между обсуждающими, оно существует *для* меня (или для других Я), — это ближайшее ко мне установление: *то*, что я «не-посредственным» образом устанавливаю; что не требует больших оснований, чем есть, дабы для меня существовать. И эта непосредственность феноменологической фазы делается возможной для мышления только при позиции «воздержания», заставляющей его «освободиться от собственного вмешательства в имманентный ритм понятий, не вторгаться в него по произволу и с прежде приобретенной мудростью» [8, с. 36].

Для Гегеля феноменологический метод обнаруживает путь саморазвертывания понятия, диалектический по существу, движущийся через отрицания и переход к новой форме понятия, посредством чего естественно возникает «поступательное движение через полный ряд форм (Gestalten)» [4]. Таким образом это путь формообразований человеческого сознания, или души, познающего на опыте, *что* оно есть. Но, вместе с тем, рассматриваемая «суть дела» — это постижение предметов (в понятиях). В формулировках Гегеля уже выявлены и отрефлексированы смыслы, особенности феноменологического метода, со всеми его стадиями (хотя и не формализованными в терминах феноменологической, эйдетической и трансцендентальной редукции), и главные принципы: очевидность — основа научного метода; «являющееся знание» — источник становящегося постижения; единство понятия и его предмета (получившее у Гуссерля формулировку «сознания-о»). Благодаря этому методу у Гегеля произведено и систематическое установление форм сознания: чувственной достоверности, достоверности себя самого, Другого, и дальше — на уровнях разума и духа — вплоть до общественных, этических, религиозных, эстетических, научно-понятийных форм сознания.

Впрочем, и авторы постгуссерлианской феноменологии, начиная с Хайдеггера и до второго поколения французской феноменологии (по свидетельству Ямпольской), в своих преобразованиях гуссерлианского метода, переопределяли его границы и переосмыслили эйдетическую и трансцендентальную редукции и редукцию, в целом [3]. В целом же, как признают исследователи феноменологического движения, феноменологическая традиция состоит из многих подходов, имеющих некоторое родовое сходство, обнаруживаемое не во всех случаях, например, устремленность исследовать те условия, которые заставляют вещи являться таковыми [какими, мы полагаем, они являются] [11].

Сформулирую еще раз феноменологический подход, как я принимаю его в границах использования в феноменологической фазе исследования, — это заявленная Гегелем и разработанная у Гуссерля и других позиция исследования как базированного на обнаруживаемых в являющихся в сознании данных опыта, последовательно отличаемых от «естественных представлений»

(«естественной установки»), с дальнейшим вопрошанием об этих данных. На этом «пути сомнения», в результате, «естественное сознание... теряет свою истину» и оказывается «нереальным знанием» [4].

Данные, поднимаемые из очевидности феноменологическим методом (формализованным или неформализованным, или даже не распознанным как таковой — в фазе обращения исследующих к «собственному опыту») захватывают содержание разных областей и модусов опыта, позволяя в свете этого метода прояснить рассматриваемый опыт. У Гегеля это сфера развертывания понятий; у Гуссерля трансцендентальная конституция предметности сущего; у М. Мерло-Понти сфера дорефлексивного «*наивного контакта с миром*», телесность; у других может быть сфера представлений («верований», в терминах Пирса, Джемса); общий жизненный мир — как само естественное сознание, воплощенное в языке, как структуры интересубъективности и т.д.; сфера чувств и желаний (в исследованиях Кьеркегора, Фрейда, Лакана). И в данном исследовании опыт человека усматривается и проясняется не с точки зрения знания или бытия, как у Гегеля или Хайдеггера, но с точки зрения направленности (в рамках теории субъектности).

Феномен человека дан мне в очевидности в собственном опыте, но в силу его сложности, я начинаю с того, чтобы отождествить наиболее простой, первый слой в морфологии опыта: сам опыт «быть». Этой тематизации должен соответствовать предельно простой опыт, который требуется вычленивать как то досодержательное основание, которое делает все содержание возможным. Но во всех случаях опыта, включая версии «простейшего содержания», феномены обладают определенной степенью сложности.

«Простейшее» в феномене и понятии должно стать основанием для остального. Однако, более сложно или более просто устроен мой опыт, всегда есть его устройство. Много или мало элементов складывают феномен, есть то, что *складывается*. Само строение, конфигурация некоторых составляющих, сопряженных друг с другом, порядок обнаруживается во всем и всегда. В этом смысле это — простейшее, это — основание, предшествующее особенностям строения всех феноменов: «прафеномен».

Дальше при рассмотрении опыта проявляется как его базовый феномен движение, иначе направленность, составляя очевидность опыта «быть живым». Так я усматриваю феномен «субъектности»: неотъемлемое свойство живого «быть субъектом», проявляющееся как задание собственного направления, составляющего вектор изменения, движения, исходящий из самого субъекта как неисчерпаемого и принципиально неопределимого истока разворачивания.

Именно феномен субъектности, начиная от элементарного уровня, равно характерного для всего живого, достигает масштабов феномена человека, во всей его полноте, поэтому в опыте человека производится уточнение слоев опыта как уровней субъектности, с их ключевыми феноменами, с диалектическим отслеживанием их переходов, представляющих субъектность в ее развитии.

Развитие субъектности, распознанное как достижение человеческой зрелости, позволяет понять феномен образования как рост субъектности, иначе — как достижение состояния «человека взрослого».

Постфеноменологическая фаза исследования. Между «опытом» и «языком»

Эта фаза как траектория пролегает между «опытом» и «языком», связывая их. Здесь феноменологически усмотренное в «собственно-моем мышлении» должно обрести «собственно-мое выражение» в концептуализации. Именно здесь неминуемо происходит расхождение феноменологических направлений и школ: если и полагать, что захватываемый в феноменологической фазе «опыт» может быть «чистым» — свободным от субъективности, то в постфеноменологической фазе то, что было добыто как чистые «данные», «факты» сознания (если взять за аналогию проблематику логических позитивистов), подвергается субъективированию: интерпретации, объяснению, начиная с самого используемого языка.

Гегель из усмотрения возвращался в общий язык мышления — общефилософских понятий, дабы переоткрыть их в их становлении. Гуссерль, сосредоточенный на рефлексии метода, для ее выражения разрабатывал специализированный язык феноменологии, сопровождая каждый вводимый термин «переводом» его на общий язык, естественный или философский. Хайдеггер, выявляя в опыте бытие, обращался для его выражения к общему языку повседневности, выявляя глубинно запечатанные в нем общие содержания человеческого бытия. И, в целом, понятно, что эти особенности фазы выражения всегда вели и ведут к проработке (если словарь не меняется) или разработке, творению языка в философии как прямому следствию состоявшихся усмотрений феноменологической фазы.

Так, если поразмыслить, прояснится, что, при всей строгости феноменологического метода, феноменологический пуризм ни в какой версии не будет возможен. Выражение означает язык, а язык, будучи общим с Другими, имея концептуальную нагруженность, всегда несет и следы опыта, дополнительного к тому, который мы в данный момент тематизируем. Этот дополнительный опыт приходится учитывать в стадии выражения в интерпретационной составляющей и, значит, для очищения снова переуснаживать (сначала феноменально усматривать, а потом — опять-таки, выражать!), *ad infinitum*.

Признавая это, я формулирую тезис о значении в данном случае языка научной концептуальности, отражающего присутствующую в фоновом знании в естественном сознании систему интерпретативных релевантностей [12, с. 260]. Объясню, что я имею в виду.

«То, что видится». «То, что видится» (феномены, содержание сознания) нам сегодня в общем жизненном мире — это расширенная и все расширяющаяся за счет растущих научно-технических и информационных возможностей сфера. От «наблюдаемого» в общем смысле, как оно могло пониматься раньше, мы далеко продвинулись в направлении «наблюдаемого» в его научном смысле, охватывающем то, что, в принципе, может быть наблюдаемо, пусть при помощи инструментов³: во многом, теперь *это* — «наше наблюдаемое», что расширяет для нас не только эмпирические границы сущего, но и эпистемологические границы (как мы понимаем источники познания). Также мы принимаем и определенные научные концепции «в нагрузку» к новым интерпретативным релеванностям, приходящим, благодаря научно-техническим и информационным возможностям. И когда в выражении (или, точнее, в распознавании) увиденного требуется язык, это также оказывается не только естественный язык, но и язык научной концептуальности.

Горизонты научного знания. Разные сферы научного знания определяют наши пресуппозиции: говоря в целом, это «современная картина мира», формирующая горизонты общего жизненного мира, — та «реальность», которая имплицитно содержится и в актуальном переживании, и в языке.

И наши горизонты сформированы не только предметным содержанием научных сфер, но и их парадигмальными основаниями, которые сегодня достигают общности, выражающейся в транснаучных концепциях: в теории систем; кибернетике; синергетике, за которой многие признают роль научной парадигмы [13, 14]; теории игр. Это заметил еще Н. Гартман, заявивший: «После всех успехов науки старой онтологии больше быть не может. (...) Новая онтология (...) усматривает «строение» (то, что обычно называют объектами) и «процессы» не отдельно, а вместе. Все реально сущее находится в становлении (...); первичные динамичные образования от атомов вплоть до спирального тумана являются настолько же процессными, как и членными (*Gliedgefüge*) и оформленными (*Gestaltgefüge*) образованиями. В еще большей степени это имеет место относительно органических образований... действует иной способ сохранения, чем субстанциальность: сохранение через внутреннее равновесие, регулирование, самодеятельное воссоздание или даже самодеятельное превращение...» [15, с. 321]. По формулировке В.С. Стёпина, происходит

³ Само это различие наблюдаемого с точки зрения его онтологического статуса было замечено [17] и проблематизировано [18–22].

соединение «идей системного и эволюционного подходов», которые имеют статус «инвариантов в многообразии различных дисциплинарных онтологий» [16].

В соответствии с занятой позицией относительно концептуального языка выражения, когда в усмотрении я обнаруживаю конфигурацию составляющих, сопряженных друг с другом определенными связями, проникнутую отношениями различия и единства, я беру как выражающий усмотренный концепт «системы» и дальше рассматриваю этот слой опыта «быть человеком» как «уровень системы».

А в связи с усмотренным феноменом субъектности, видящимся как комплекс свойств: подвижности; задания собственного направления; изменения, исходящего из собственного истока разворачивания, должен быть использован концепт «организм».

Однако встают вопросы о соотношении философского исследования и научного исследования и о принципиальной возможности для философа обращаться за понятиями к концептуальной сфере науки.

Наука и философское исследование. Роль философии относительно науки традиционно понималась как фундамирующая научные понятия, благодаря своему вниманию к мышлению. По выражению Н. Гудмана, ученые могут «приходить к своим результатам, используя конструкцию платоновских классов или комплексные числа или... любые другие способы, но то, что они производят, становится сырьем для философской работы, задача которой состоит в том, чтобы разобраться во всем этом: прояснить, упростить, объяснить, истолковать в понятных терминах» [5].

С позиций современной психологии (а за ней и нейрофизиологии), эта роль философии была подвергнута сомнениям и потеснена, на фоне высокого престижа доказательной силы естественно-научных исследований, в целом, и, в частности, способности психологии устанавливать психологический «реальный процесс мышления» (в терминах Райхенбаха, противопоставлявшего этот процесс его «рациональной реконструкции»⁴, производимой философией и имеющей как описательный, так и нормативный характер [5, с. 299]). Куайн критиковал философию за малый прогресс в установлении достоверности утверждений относительно природного окружения и настаивал на том, что, если эпистемологические попытки рациональных реконструкций (в частности, Карнапа) не приносят преимуществ в установлении истины, — тогда почему бы «просто не посмотреть, как идет построение в реальности? Почему бы не согласиться на психологию», которая способна отслеживать стимуляцию сенсорных рецепторов, ведущую человека к построению картины мира [5], — ведь «лучше узнать, как на самом деле происходит развитие и исследование в науке, чем измышлять фиктивную структуру со схожим эффектом» [5].

Х. Сигэл, отвечая на это, подобно Райхенбаху, выявляет различие психологии и эпистемологии как относящееся к области оценки знаний, или «интерсубъективных утверждений, претендующих на знание», в которой эпистемолог определяет доказательную силу (научных) суждений, раскрывая те общие черты, которые формируют (научное) суждение должным образом [5, с. 319–320]. То есть, согласно этому (широко и многообразно представленному в философии науки) пониманию отношений философии и науки, последняя представляет скорее «сырье» или же частные случаи концептуализации, на основе которых философия вырабатывает общие принципы мышления, обретающие (как общие) нормативный статус.

Много шире трактовка научной концептуальности Селларса, заявлявшего, что «в аспекте описания и объяснения мира наука — это мера существования всего существующего и несуществования всего несуществующего» [23, §41]. В этой трактовке, наука («научные образы», научная концептуальность) не следует за наблюдаемой эмпирической реальностью («данными», или «манифестируемыми образами»), но предшествует ей и в пределах рамок общей языковой деятельности вносит «описания и объяснения», производящие картину эмпирической реальности

⁴ В определении Райхенбаха, это «построение мыслительных процессов так, как они должны происходить, если они должны быть расположены в последовательной системе; или обоснованных наборов операций» [5].

и ограничивающие для естественного сознания ее структуру (ту причинную связь, в которой мы живем) [24]. По Селларсу, поскольку язык не является фиксированной сущностью, работа науки состоит в методичном пересмотре и концептуальной переработке ресурсов, доступных для описания и объяснения, и требуется говорить, в целом, о «синоптическом видении», объединяющем картину эмпирической реальности, порожденную наукой, с «языком сообщества и индивидуальными интенциями» [25].

Разделяя позицию Селларса в трактовке научных концептов как языка и также исходя из проблематики, поднятой Райхенбахом, Куайном, Х. Сигэллом, изложу свое понимание. С точки зрения феноменологического подхода, необходимо учитывать значение тех внефилософских дискурсов и тематизаций, из которых питалась и питается по настоящее время в создании своего понятийного аппарата философия. И среди этих дискурсов особо плодотворными были научные области: лингвистика, история, право, математика, естественные науки. Выявление в качестве важнейшей части процесса научных исследований *феноменологической фазы*, которая связана с сомнением относительно известного и со способностью ума опереться на самого себя в продвижении к пониманию – этими известными атрибутами философствования, помогает увидеть, что «философская составляющая» («философская фаза») научных исследований и приносит в итоге те результаты, которые потом становятся предметом интереса философии к науке и которые трактуются как «сырье» или «образец» или равноправный «пример» научной концептуальности для философии. Но, в свете феноменологического понимания, можно сказать, что философия, черпая из науки, «возвращает свое».

Таким образом, с целью выражения беря в постфеноменологической фазе в качестве языка научные концепты (система, организм и пр.), я, хотя и вношу дополнительное содержание, предлагаемое наукой естественному языку в результате ее работы «описания и объяснения», беру концепты, состоявшиеся также вследствие усмотрения в феноменологической фазе исследований («естественной феноменологии»), и развиваю их как понятия.

В последовательности метода как реалистичный я вижу ход, образующий «петли»: от концептуализации в фазе предваряющей тематизации – к феноменологическому усмотрению, и от него – к выходу в постфеноменологическую фазу дискурса; с возвращением снова к перечисленным стадиям на следующем шаге, в связи с общим ходом исследования, требующим расширения зоны усматриваемого и ее уточнения, то есть углубления уровня усматриваемого; но, в особенности, в связи с неизбежной потребностью обеспечивать понятийную базу феноменологическим содержанием, ради чего требуется новая тематизация, выходящая на усмотрение.

Заключение

Итак, в результате проделанного анализа был проблематизирован метод философского исследования, рассмотренного в связи с проблемой исследовательского метода, в целом. Был обоснован и уточнен феноменологический подход как необходимая основа любого исследования, было определено его место в ряду стадий исследовательского процесса, в связи с чем был предложен концепт «естественная феноменология». В рамках постфеноменологической фазы как возможный ход в решении проблемы выражения обосновано обращение к научным концептам как порожденным в результате «естественной феноменологии».

Так, в приложении обоснованного и проясненного исследовательского метода к исследованию образования производится уточнение тематизации образования, вследствие чего исследование уточняется как философско-антропологическое. В феноменологической фазе оказывается возможным использовать неформализованный феноменологический метод для усмотрения феномена человека, начиная с феноменологического дескриптивного акта, который «приносит материал» для дальнейшей аналитики. При отождествлении первого слоя в морфологии опыта («простейшего содержания») я прихожу к определению «прафеномена», предшествующего всем

особенным по своему строению феноменам, как «системы», пользуясь в постфеноменологической фазе обращением к научному концепту. Следующим проявляется как базовый в опыте феномен «субъектности», и с ним связывается концепт «организма». Исходя из этих оснований, делается понятным феномен образования как рост субъектности и как достижение состояния «человека взрослого».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Smith D.W.** Phenomenology // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2018 Edition / Ed. E.N. Zalta URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/phenomenology/> (дата обращения: 23.06.2021).
2. The Oxford Handbook on Contemporary Phenomenology / Ed. D. Zahavi. Oxford and New York: Oxford University Press, 2021.
3. **Ямпольская А.В.** Феноменологический метод и его границы: от немецкой к французской феноменологии: автореф. дисс. доктора философских наук. 495 с. М.: РГГУ, 2013. 47 с.
4. **Гегель Г.В.Ф.** Феноменология духа. М.: Наука, 2000.
5. **Siegel H.** Justification, Discovery and the Naturalizing of Epistemology // Philosophy of Science. 1980. No. 47 (2). Pp. 297–321. DOI: 10.1086/288934
6. **Rorty R.** Philosophy as a Kind of Writing: An Essay on Derrida in New Literary History // Literary Hermeneutics. 1978. No. 10 (1). Pp. 141–160.
7. **Фуко М.** Дискурс и истина // Логос. 2008. № 65. С. 159–262.
8. **Гегель Г.В.Ф.** Наука логики. М.: Соцэкгиз, 1937. 714 с.
9. **Хайдеггер М.** Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Haid_BtVr/08.php (Дата обращения: 26.09.2020)
10. **Гадамер Х.-Г.** Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 700 с.
11. **Ihde D.** If Phenomenology is an Albatross, Is Post-phenomenology possible? // Chasing Technoscience: Matrix for Materiality / Eds. Don Ihde and Evan Selinger. Indianapolis: Indiana University Press, 2003. Pp. 15–26.
12. **Sachs C.B.** Intentionality and the Myths of the Given. London: Pickering and Chatto, 2014.
13. **Лавриненко В.Н.** Концепции современного естествознания: Учеб. для студентов вузов / Под ред. проф. В.Н. Лавриненко, проф. В.П. Ратникова. М.: Культура и спорт ЮНИТИ, 1997. 271 с.
14. Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов / Отв. ред. В.И. Аршинов и др. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 536 с.
15. **Гартман Н.** Старая и новая онтология // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1988. С. 320–324
16. **Стёпин В.С.** Философия науки. Общие проблемы. М., 2006. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5321> (Дата обращения: 26.09.2020)
17. **Shapere D.** The Concept of Observation in Science and Philosophy // Philosophy of Science. 1982. №49 (4). Pp. 485–525. DOI: 10.1086/289075
18. **Churchland P.M.** The Ontological Status of Observables: In Praise of the Superempirical Virtues // Images of Science / Eds. P. M. Churchland, C. A. Hooker. Chicago: University of Chicago Press, 1985. Pp. 35–47.
19. **Dicken P., Lipton P.** What can Bas Believe? Musgrave and van Fraassen on Observability // Analysis. 2006. Vol. 66 (291). Pp. 226–233. DOI: 10.1111/j.1467-8284.2006.00619.x
20. **Maxwell G.** On the Ontological Status of Theoretical Entities // Scientific Explanation, Space, and Time / Eds. H. Feigl, G. Maxwell. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962. Pp. 3–26.
21. **Muller F.A.** The Deep Black Sea: Observability and Modality Afloat // British Journal for the Philosophy of Science. 2005. No. 56 (1). Pp. 61–99. DOI: 10.1093/phisci/axi103
22. **Muller F.A.** Can a Constructive Empiricist Adopt the Concept of Observability? // Philosophy of Science. 2004. №71 (4). Pp. 637–654. DOI: 10.1086/426556
23. **Sellars W.** Empiricism and the Philosophy of Mind. London: Routledge & Kegan Paul Ltd, 1963.

24. **Triplett T.** Sellars's Misconstrual of the Defenders of the Given // *History of Philosophy Quarterly*. 2014. No. 31. Pp. 79–99.

25. **Shapiro L.** Sellars on the Function of Semantic Vocabulary // *British Journal for the History of Philosophy*. 2014. No. 22 (4). Pp. 792–811. DOI: 10.1080/09608788.2014.961404

REFERENCES

[1] **D.W. Smith**, Phenomenology, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2018 Edition, Ed. E.N. Zalta. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/phenomenology/> (accessed: 23.06.2021).

[2] *The Oxford Handbook on Contemporary Phenomenology*, Ed. D. Zahavi. Oxford and New York: Oxford University Press, 2021.

[3] **A.V. Yampolskaya**, Fenomenologicheskii metod i yego granitsy: ot nemetskoy k frantsuzskoy fenomenologii [Phenomenological method and its boundaries: from German to French phenomenology]: avtoref. diss. doktora filosofskikh nauk, Moscow: RGGU, 2013.

[4] **G.W.F. Hegel**, Fenomenologiya duha [The phenomenology of the spirit]. Moscow: Nauka. 2000.

[5] **H. Siegel**, Justification, Discovery and the Naturalizing of Epistemology, *Philosophy of Science*. 47 (2) (1980) 297–321. DOI: 10.1086/288934

[6] **R. Rorty**, Philosophy as a Kind of Writing: An Essay on Derrida in New Literary History, *Literary Hermeneutics*. 10 (1) (1978) 141–160.

[7] **M. Foucault**, Diskurs i istina [Discourse and Truth], *Logos*. 65 (2008) 159–262.

[8] **G.W.F. Hegel**, Nauka logiki [Science of Logic]. Moscow: Sotsekgiz. 1937.

[9] **M. Heidegger**, Being and time [Bytie i vremia]. Moscow: Ad Marginem. 1997. Available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Haid_BtVr/08.php, (accessed: 7.02.2020).

[10] **H.-G. Gadamer**, Istina i metod. Osnovy filosofskoy germeneytiki [Truth and Method. Foundations of philosophical hermeneutics]. Moscow: Progress, 1988.

[11] **D. Ihde**, If Phenomenology is an Albatross, Is Post-phenomenology possible? Chasing Technoscience: Matrix for Materiality, Eds. Don Ihde and Evan Selinger. Indianapolis: Indiana University Press, 2003. Pp. 15–26.

[12] **C.B. Sachs**, Intentionality and the Myths of the Given. London: Pickering and Chatto, 2014.

[13] **V.N. Lavrinenko**, Kontseptsii sovremennogo yestestvoznaniya: Ucheb. dlya studentov vuzov [Concepts of modern natural science: Textbook. for university students], Ed. prof. V.N. Lavrinenko, prof. V.P. Ratnikova. Moscow: Kul'tura i sport YUNITI, 1997.

[14] Sinergeticheskaya paradigma: mnogoobraziye poiskov i podkhodov [Synergetic paradigm: diversity of searches and approaches], Otv. ed. Arshinov et al. Moscow: Progress-Tradition. 2000.

[15] **N. Hartman**, Staraya i novaya ontologiya [Old and New Ontology], *Istoriko-filosofskiy yezhegodnik* [Historical and Philosophical Yearbook]. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 320–324.

[16] **V.S. Stepin**, Filosofiya nauki [Philosophy of Science]. Moscow: 2006. Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5321>, (accessed: 7.02.2020).

[17] **D. Shapere**, The Concept of Observation in Science and Philosophy, *Philosophy of Science*. 49 (4) (1982) 485–525. DOI: 10.1086/289075

[18] **P.M. Churchland**, The Ontological Status of Observables: In Praise of the Superempirical Virtues, *Images of Science*, Eds. P.M. Churchland, C.A. Hooker. Chicago: University of Chicago Press, 1985. Pp. 35–47.

[19] **P. Dicken, P. Lipton**, What can Bas Believe? Musgrave and van Fraassen on Observability, *Analysis*. 66 (291) (2006) 226–233. DOI: 10.1111/j.1467-8284.2006.00619.x

[20] **G. Maxwell**, On the Ontological Status of Theoretical Entities, *Scientific Explanation, Space, and Time*, Eds. H. Feigl, G. Maxwell. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962. Pp. 3–26.

[21] **F.A. Muller**, The Deep Black Sea: Observability and Modality Afloat, *British Journal for the Philosophy of Science*, 56 (1) 2005) 61–99. DOI: 10.1093/phisci/axi103

[22] **F.A. Muller**, Can a Constructive Empiricist Adopt the Concept of Observability? *Philosophy of Science*. 71 (4) (2004) 637–654. DOI: 10.1086/426556

[23] **W. Sellars**, *Empiricism and the Philosophy of Mind*. London: Routledge & Kegan Paul Ltd, 1963.

[24] **T. Triplett**, Sellars's Misconstrual of the Defenders of the Given, *History of Philosophy Quarterly*, 31 (2014) 79–99.

[25] **L. Shapiro**, Sellars on the Function of Semantic Vocabulary, *British Journal for the History of Philosophy*, 22 (4) (2014) 792–811. DOI: 10.1080/09608788.2014.961404

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / THE AUTHOR

Кожевникова Маргарита Николаевна

Kozhevnikova Margarita N.

E-mail: mkozhevnikova1@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9093-4936>

Статья поступила в редакцию 18.02.2022; одобрена после рецензирования 22.03.2022; принята к публикации 23.03.2022.

The article was submitted 18.02.2022; approved after reviewing 22.03.2022; accepted for publication 23.03.2022.

Scientific article

UDC 378

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13107>

PROS AND CONS OF UNIVERSITY MERGER AND DEVELOPMENT STRATEGIES: A CASE STUDY OF JILIN UNIVERSITY IN CHINA

M. Li , Y. Bai, B. Qin

Jilin University, Changchun, China

 244591055@qq.com

Abstract. In 1993, the CPC Central Committee and the State Council made a decision to gradually promote the reform of the higher education system, put forward the eight character policy slogan of “readjustment, restructuring, consolidation, and improvement”, and successively merged 637 colleges and universities into 70 multidisciplinary and comprehensive colleges and universities. Jilin University was formed on June 12, 2000 by the merger of the former Jilin University, Jilin University of Technology, Norman Bethune Medical University, Changchun University of Science and Technology and Changchun Institute of Posts and Telecommunications. On August 29, 2004, the former Quartermaster University of the Chinese People’s Liberation Army was transferred to Jilin University. Jilin University is a typical case of university merger. It has been more than 30 years since the “wave of university merger” in the 1990s. Timely summarizing the relevant experience and lessons is conducive to providing reference experience for university decision-making in the future. Firstly, this paper analyzes the reasons for the merger of colleges and universities, analyzes the necessity of the merger of colleges and universities from three aspects: the lack of educational resources, the discipline structure not meeting the requirements of the time, and the reform of government institutions. The authors take Jilin University as an example to summarize the benefits of the merger of colleges and universities from both theoretical and empirical aspects. As a mode of university development, merger also has its problems in the choice of merger policy and the process of merger. Finally, in view of these existing problems, this paper summarizes the relevant solutions of Jilin University, and puts forward supplementary measures from the perspective of the government, universities and teachers and students, hoping to provide experience for the practice of university merger.

Keywords: Colleges and universities, Merger of colleges and universities, Jilin University, Cultural inheritance, Reform in education, Higher education in China.

Citation: M. Li, Y. Bai, B. Qin, Pros and Cons of University Merger and Development Strategies: A Case Study of Jilin University in China, Society. Communication. Education, 13 (1) (2022) 70–83. DOI: 10.18721/JHSS.13107

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Научная статья

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13107>

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ СТРАТЕГИЙ СЛИЯНИЯ И РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ: НА ПРИМЕРЕ ЦЗИЛИНЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В КИТАЕ

М. Ли ✉, Я. Бай, Б. Цинь

Цзилиньский университет, Чанчунг, Китай

✉ 244591055@qq.com

Аннотация. В 1993 году ЦК КПК и Государственный совет приняли решение постепенно продвигать реформу системы высшего образования, выдвинули восьмизначную политику «совместного строительства, корректировки, сотрудничества и слияния» и последовательно объединили 637 колледжей и университеты в 70 многопрофильных и общеобразовательных колледжей и университетов. Цзилиньский университет был образован 12 июня 2000 года в результате слияния бывшего Цзилиньского университета, Цзилиньского технологического университета, Медицинского университета Нормана Бетьюна, Чанчуньского университета науки и технологий и Чанчуньского института почты и телекоммуникаций. 29 августа 2004 г. бывший квартирмейстерский университет Народно-освободительной армии Китая был переведен в Цзилиньский университет. Университет Цзилинь – типичный случай объединения университетов. Прошло более 30 лет с момента «волны слияния университетов» в 1990-х годах. Своевременное обобщение соответствующего опыта и уроков способствует предоставлению справочного опыта для принятия университетских решений в будущем. Во-первых, в данной статье анализируются причины слияния колледжей и университетов, анализируется необходимость слияния колледжей и университетов с трех сторон: нехватка образовательных ресурсов, структура дисциплин, не отвечающая требованиям времени, и реформа системы образования государственных учреждений. На примере Университета Цзилинь суммируются преимущества слияния колледжей и университетов как с теоретических, так и с эмпирических аспектов. Как способ развития университета, слияние также имеет свои проблемы в выборе Политики слияния и процесса слияния. Наконец, с учетом этих существующих проблем, в этом документе суммируются соответствующие решения Университета Цзилинь и предлагаются дополнительные меры с точки зрения правительства, университетов, преподавателей и студентов, надеясь предоставить опыт для практики слияния университетов.

Ключевые слова: Колледжи и университеты, Слияние колледжей и университетов, Цзилиньский университет, Культурное наследие, Реформа в образовании, Высшее образование в Китае.

Для цитирования: Ли М., Бай Я., Цинь Б. Плюсы и минусы стратегий слияния и развития университетов: на примере Цзилиньского университета в Китае // Общество. Коммуникация. Образование. 2022. Т. 13. № 1. С. 70–83. DOI: 10.18721/JHSS.13107

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Introduction

After the founding of the People's Republic of China, China's colleges and universities have experienced two large-scale mergers and adjustments. In the autumn of 1952, the Ministry of Education carried out the adjustment of the departments of colleges and universities nationwide in accordance with the principle of "focusing on the cultivation of industrial construction talents and teachers, developing specialized colleges, Beijing's" eight colleges "and rectifying and strengthening comprehensive universities". After the adjustment of colleges and departments, the number of colleges and universities in China decreased from 211 in 1952 to 183 in 1953. In 1993, the CPC Central Committee and the State Council made a decision to gradually promote the reform of the higher education system, put forward the eight character policy

slogan of “readjustment, restructuring, consolidation, and improvement”, and successively merged 637 colleges and universities into 70 multidisciplinary and comprehensive colleges and universities. The first adjustment of colleges and departments aimed at cultivating professional talents to promote the industrialization development in the early days of the founding of the People’s Republic of China. Therefore, the merger measures mainly focus on the merger of similar items: merge the same majors of colleges and universities into new professional colleges and universities. The second University Merger focuses on the establishment of comprehensive universities, which has new significance and value of the times.

The second wave of merger began in the 1990s and has a history of more than 30 years, which has a far-reaching impact on China’s higher education. Today, the comprehensive merger of colleges and universities is still the strategic choice of many colleges and universities. On this basis, it is necessary and important to explore and summarize the advantages, difficulties and experience of university merger.

Method

Starting with the second merger of colleges and universities, and based on the archives collected by the school history museum and archives of Jilin University, this paper attempts to use the methods of quantitative history and interdisciplinary history, take the common problems related to disciplines as the research object, and use multidisciplinary theories and methods to explore the experience provided by the merger of Chinese colleges and universities to the reform of world higher education. This paper analyzes the “system effect” brought about by the merger of colleges and universities, and provides suggestions and schemes for other countries in the world on such issues as China’s higher education reform cases.

This paper mainly adopts qualitative research on the merger strategy of colleges and universities. At the same time, it analyzes the merger of Jilin University by means of case investigation. The three researchers themselves are members of Jilin University. They can personally experience and understand the current development status of the research object, and describe, explain and analyze the research object through interpretive understanding. During the research process, the research team gradually felt the hardship, uncertainty and high anxiety of qualitative research. Although I am in Jilin University, I can’t equate my daily work with research, nor can I directly use my work experience to understand the subject of the research. That is to separate myself from “the role of a member under the school system”, otherwise I will not be able to experience the feelings and reactions of the subject of the research. Some viewpoints in this paper come from the research team’s research in Jilin University. Through interviewing students, teachers (working in six universities before the merger and working after the merger in 2000) and administrators, the research team have obtained a large amount of first-hand material. At the same time, the research team collected the relevant meeting summaries published by the University, the web news about the merger of Jilin University on the Internet, contacted the school history museum and archives to check the school development archives of the past years, and verified and analyzed this material. The team also searched the most discussed content about the merger of Jilin University on the network, and found the content most concerned by different groups through data statistics and analysis of the solution of various problems.

The research idea of this paper is: file investigation - refining problems - analyzing problems - countermeasures and suggestions. Through the time sequence of the merger development of Jilin University, this paper deeply reveals the overall logic of University Merger layer by layer by taking the strategies and their influence on Jilin University in different stages of merger and integration as variables. Then, the article summarizes and analyzes the research results of academic circles in terms of reasons, advantages, problems and solutions.

Reasons for the merger of colleges and universities

The educational resources are insufficient and the potential is difficult to fulfil.

First of all, in the 1990s, there were more than 1000 ordinary colleges and universities and nearly 1000 adult colleges and universities whose funds were fully borne by the government. In the face of such a large

scale of colleges and universities, it was really difficult for the government to invest enough school running resources [1]. Facing the lack of new educational resources and insufficient use of existing ones, the government was in an urgent need to implement resource sharing and improve the efficiency of running a school.

The “Project 211” and “Project 985”¹ in the 1990s were carried out against this background. In 1995, the “Project 211”² was officially launched. It is committed to greatly improving the educational quality, scientific research, management level and school running efficiency of about 100 colleges and universities and a number of key disciplines. In addition, they have made remarkable progress in the reform of higher education, especially the reform of management system, and have become a platform for cultivating high-level talents, solving major problems in economic construction and social development. On May 4, 1998, when celebrating the 100th anniversary of Peking University, on behalf of the Communist Party of China and the Central People’s Government of the People’s Republic of China, President Jiang Zemin announced to the whole society: “in order to realize modernization, China should have several first-class universities with world advanced level”. A total of 39 Universities under the “Project 985” were approved by the Ministry of Education and the Ministry of Finance. In this context, the merger of colleges and universities has become a solution to complement each other’s advantages, obtain financial support and improve the efficiency of running a school.

The professional structure of colleges and universities does not match the needs of the development at the time

After leading an education delegation to the United States in 1979, Liu Dan, President of Zhejiang University, proposed: “In 1952, with the adjustment of departments of national colleges and universities, some old universities with good foundation and colleges of liberal arts, science, engineering and agriculture were divided into universities of liberal arts and science, multidisciplinary industrial universities and some professional schools. As a result, there is no comprehensive university with complete colleges of liberal arts, science, engineering, agriculture, medicine, law and normal education in China. For a large country with a population of one billion, it is not commensurate, and it is also a major defect of China’s higher education. Because the general trend of the current development of science and technology is the mutual penetration of various disciplines and the continuous emergence of new marginal disciplines. Due to the collection of various talents and more complete books and instruments, it is easier for multidisciplinary comprehensive universities to attract and organize by means of cooperation in all aspects. Such higher education is conducive to breaking through the framework of traditional disciplines and effectively developing interdisciplinary scientific research and graduate teaching. Therefore, it can quickly adapt to the trend of world science and technology development. At the same time, teachers can teach better, the students can learn more flexibly and improve faster in such universities than in single discipline colleges and universities of liberal arts and sciences, which is more conducive to high quality talent” [4].

Indeed, on the one hand, the adjustment of colleges and departments in 1952 imitated the Soviet model, reformed the national college system, developed engineering colleges and split comprehensive universities, made the setting of colleges and universities basically meet the needs of national construction. For example, Nanjing University split in 1952, only retained the colleges of liberal arts and sciences, separated other colleges and departments, or established an independent system, or merged into other colleges and departments. For example, Nanjing Institute of Technology (now Southeast University) is established based on the Institute of Technology of Nanjing University; the Philosophy Department of the College of Arts of Nanjing University was adjusted and incorporated into the Department of Philosophy, Peking University. After adjustment, by the beginning of 1953, 215 majors had been set up in colleges and universities across the country. Later, after continuous specialization, 1039 majors had been set up in colleges and

¹ “Project 985” refers to the major decision made by the Communist Party of China and the State Council of the People’s Republic of China at the turn of the century to build first-class universities with world advanced level.

² “Project 211” refers to the construction project of about 100 key universities and a number of key disciplines facing the 21st century. It was officially launched after being approved by the State Council in November 1995.

universities across the country in 1980 [10]. The proportion of multidisciplinary comprehensive universities in colleges and universities decreased from 23.9% in 1949 to 10.9% in 1952. In 1986, this proportion fell to 4.3%. On the other hand, in the contemporary era, the development of science and technology has the characteristics of intersection and diversity, and the development trend of natural science and social science is becoming increasingly integrated. Against such a background of scientific development, only cultivating comprehensive and compound talents can meet the needs of the development of the times. Xue Tianxiang and Wang Peijun of East China Normal University pointed out that under the background of the transition of China's economic system from planned economy to market economy and the diversification of economic structure, the original school running mode of national investment segmentation, closed development and repeated construction formed under the planned economic system can no longer meet the needs of the development of the objective situation. In contrast, comprehensive universities have more advantages due to the collection of various disciplines and teaching resources [3]. Wang Guojun of Zhejiang University also pointed out that a significant advantage of a comprehensive multi campus university is that it has many disciplines and complete categories, promotes knowledge innovation and multidisciplinary or interdisciplinary research, so new knowledge, new disciplines and new categories will emerge one after another [11]. This trend can well meet the needs of the rapid development of China's social and economic construction, and truly make the university an "axis organization" in "post industrial society", as Bell said.

Requirements for the reform of government institutions and the change of management functions.

Xu Xiaozhou of Zhejiang University proposed that after the transformation from planned economy to market economy, the government's political system has been adjusted accordingly. One of the important measures is the streamlining of government departments and the transformation of functions, which also promotes the adjustment of the structure of colleges and universities to a certain extent [1].

Analysis on the advantages of University Merger

Theoretical research

Based on the necessity of university merger in the 1990s, the academic analysis and views on the advantages of university merger are similar in the existing research. The comprehensive summary is as follows.

1. Merger makes the discipline coverage of colleges and universities more extensive, which is conducive to the intersection and integration of disciplines. The merger of colleges and universities shortens the distance between different disciplines and is beneficial to the cross- and integrated development of multiple disciplines.

2. The merger makes the influence of the teaching staff of colleges and universities unprecedented and strong. On the one hand, the merger of colleges and universities is the aggregation of educational resources, which is reflected in the increase in the number of college teachers. On the other hand, the merger is conducive to the exchange and integration of high-level college teachers and the creation of a free, open, inclusive and equal competition academic and teaching environment. In this context, higher education can easily cultivate comprehensive talents, which is more in line with the requirements of the times.

3. The merger strategy strengthens the relationship between colleges and universities and society and attracts various funds. Colleges and universities can take the opportunity of merging to establish a mechanism for mutual adaptation and mutual promotion between colleges and universities and society, expand funding sources, and lay a foundation for colleges and universities to provide social services.

Case analysis

Based on the research process of qualitative research, this paper determines the research phenomenon as university merger, the research purpose is to explore the effect of University merger strategy, and constructs the research framework from four aspects: background exploration, cause analysis, effect analysis and problem analysis. In terms of specific research methods, this paper adopts the case investigation method in qualitative research. Firstly, the investigation team collects the original data of the respondents in many ways. At the same time, on the basis of data collection, the researchers set up an interpretation

framework from three aspects, and use specific data and examples to reasonably explain the phenomenon. At the same time, through the narrative method, the material is placed in the natural situation to describe and analyze the merger of Jilin University.

Firstly, this paper will describe and summarize the basic data of the merger results of Jilin University. Then, this paper will extract the problems easily to occurring in the merger from this case. After that, this paper will analyze these problems and put forward solutions.

In the tide of University Merger in China's second higher education system reform in the early 1990s, Jilin University, which was formed by the merger of six universities and colleges, is a typical case. On June 12, 2000, Jilin University was formed by the merger of the former Jilin University (under the Ministry of Education), Jilin University of Technology (under the Ministry of Education), Norman Bethune Medical University (under the Ministry of Public Health), Changchun University of Science and Technology (under the Ministry of Land and Resources) and Changchun Institute of Posts and Telecommunications (under the Ministry of Industry and Information Technology). On August 29, 2004, the Quartermaster University of the Chinese People's Liberation Army, formerly under the Logistics support department of the Central Military Commission PRC, was transferred to Jilin University³. Jilin University is one of 78 colleges and universities directly under the Ministry of Education. There are 47000 full-time students, including nearly 7000 doctoral and master's students. The campus covers an area of around 3.33 million square meters and the school building construction area is more than 2.5 million square meters. The library has a collection of 7.43 million books.

There have been many studies on the effectiveness of merger. Using those investigation methods for reference, combined with the latest data [4, 9], this paper provides a case analysis for the merger results of Jilin University from three aspects: academic construction, scientific research and talent training.

First, from the perspective of academic construction. Colleges and universities are the organizational units of academic construction. The number of national key disciplines, the authorization centers of master's and doctor's degrees and the construction of qualified teachers are all important indicators for colleges and universities. Through data statistics, it can be seen that the number of key disciplines of Jilin University has increased significantly, involving a wider range of disciplines, and the doctor's degree authorization centers and master's degree authorization centers have increased significantly. The disciplines of new Jilin University cover 11 disciplines such as philosophy, economics, law, pedagogy, literature, history, science, engineering, agronomy, medicine and management. There are 137 undergraduate majors, 12 first level discipline degree authorization centers, 192 master's degree authorization centers, 105 doctor's degree authorization centers and 15 postdoctoral research mobile stations. The number of postdoctoral research mobile stations of Jilin University increased from 15 in 2002 to 42 in 2021, with a net increase of 27. In 2000, Jilin University had 16 national key disciplines and 34 key disciplines in Jilin Province. There are 5 key research bases for humanities and social sciences of the Ministry of Education, 4 state key laboratories, 4 key laboratories of the Ministry of Education and 10 key laboratories of other ministries and commissions. From 2000 to 2019, the number of state key laboratories of Jilin University increased from 4 to 5; the number of humanities and social sciences research bases of the Ministry of Education increased from 5 to 6; the number of national basic science research and talent teaching bases increased from 7 to 9. From the perspective of teachers, the school has strong teaching staff after the merger, including 15620 teaching staff and 5600 teachers (among them 1072 professors, 1647 associate professors and 425 doctoral supervisors). Since 2000, the number of academicians of the Chinese Academy of Sciences and the Chinese Academy of Engineering owned by Jilin University has increased from 10 to 65 (including 54 external distinguished professors)⁴.

Secondly, from the perspective of scientific research. Colleges and universities are important scientific research institutions. Measuring the input of scientific research funds and the output of scientific

³ Data quoted from the Jilin University, "Historical Evolution", Available at: <https://www.jlu.edu.cn/xxgk/lsgk.htm>.

⁴ Data quoted from the Jilin University, "Statistical Information", Available at: <https://www.jlu.edu.cn/xxgk/tjzl.htm>.

Research and Development Projects of Jilin University (2009-2017)

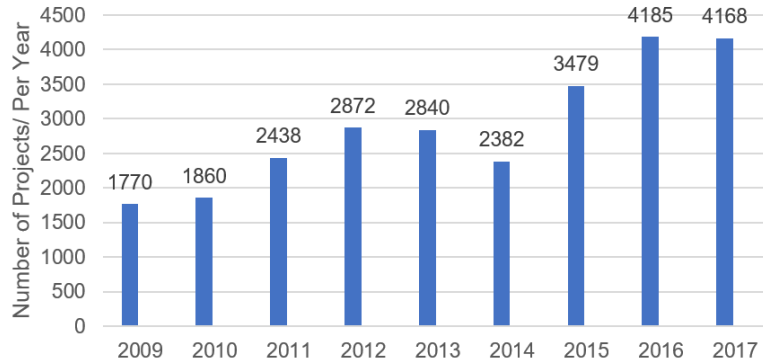

Fig. 1. Research and Development Projects of Jilin University (2009–2017)

Jilin University Science and Technology Funds Appropriation (2009-2017)

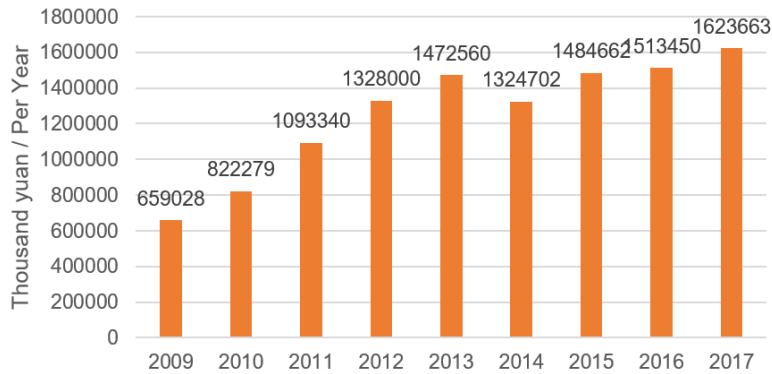

Fig. 2. Jilin University Science and Technology Funds Appropriation (2009–2017)

research achievements can roughly evaluate the scientific research level of colleges and universities. In the first eight years of the merger, Jilin University received a total of 1,108.54386 million yuan for humanities and social sciences research and 3,351.6 million yuan for natural sciences. In the field of philosophy and social sciences, Jilin University has obtained 1,636 scientific research projects of various levels and various types; in the field of natural sciences, it has obtained 7,648 scientific research projects of various levels and various types. During the “13th five year plan” period, the accumulated funds for the research projects of philosophy and social sciences of Jilin University amounted to 469 million, an increase of 35% over the “12th Five Year Plan” (347 million). In 2020, Jilin University won 682 research projects in philosophy and social sciences, with an annual payment of 101.6636 million yuan, breaking the 100 million yuan mark for the first time, realizing a historic leap⁵. According to the data of “Compilation of Statistics on Science and Technology of Higher Education Institutions” from 2009 to 2017, the number of science and technology allocated funds and research projects of Jilin University show an upward trend, as shown in Fig. 1 and Fig. 2.

Thirdly, the perspective of talent training. Colleges and universities are organizations that continuously supply labor force to the society. The evaluation of talent training quality in colleges and universities can also reflect the construction achievements of the University. The admission score line is an important indicator of the quality of undergraduate students. The study found that the merger of colleges and universities significantly reduced the minimum admission score of liberal arts and sciences and significantly improved the average admission score. From the enrollment situation in 2000 and 2001, the enrollment scores of undergraduate freshmen were significantly higher than those in previous years, and even increased significantly in many provinces. Generally speaking, the merger behavior makes the discipline system of colleges and universities better, the advantageous disciplines more prominent, improving comprehensive strength and the average admission score [8]. The employment rate is an important indicator to reflect the graduation destination of college students and the social demand for college graduates. Taking 2020 as an example, the initial employment rate of undergraduates in Jilin University exceeded 90%, reaching 90.03% [12]. Jilin University graduates have a high degree of social recognition. 97.87% of employers are satisfied or relatively satisfied with their graduates' work performance⁶.

Problems with the merger of colleges and universities

As a model of the development of colleges and universities, merger has its inherent advantages, and there are also problems of limited and uncertain effect in its application. Since the merger of colleges and universities in the 1990s, scholars in relevant fields have made a more comprehensive analysis of the problems existing in the merger of colleges and universities. The summary has the following two points. These problems can also be seen in the case of Jilin University.

First of all, in the choice of merger policy, decision makers are prone to blindly pursue scale expansion without understanding the merger policy, which results in differences of opinion among the schools, as well as between schools and the government on the development direction, positioning and objectives after the merger. First, because the school does not understand the complexity of the merger or because of the short preparation period of the merger, it is very difficult for the university to deal with the problems after the merger. This makes the internal parts of the school extremely uncoordinated, the apparent affinity and separation between disciplines, and the discipline integration is difficult to deepen. Such merger has weakened the original advantages and characteristics of each school before the merger, resulting in “ $1 + 1 < 2$ ”. For example, Liu Jirong of Zhejiang University proposed the “negative synergy” brought by the merger of colleges and universities [6]. He pointed out that synergy is a symbiotic and shared relationship between two or more schools participating in the merger. Once the synergy is excluded, the strength of disciplines will be more dispersed, and the merged universities will actually become a loose consortium. Moreover, against the background of a certain impact that the merger has on the vital interests of the original schools, the different objectives and the choices of the focus of development disciplines are prone to conflict and disharmony, which has a huge negative impact on the effect of the merger. Unlike Zhejiang University and Yanbian University, the new Jilin University has no historical origin before the merger, so it is more prone to problems. At the same time, coordinating the relationship between the government and schools is also very important for the positioning of colleges and universities.

Secondly, in the process of University merger, each university will also face complex management problems, which will not only test the educational experience and management level of university leaders, but also directly related to the effect of merger. These issues include issues in terms of internal system integration, teacher team adjustment, management system, multi-campus management and integration development, cultural inheritance, budget funding and other, which are directly related to the effect of the merger and the development of the school. Among them, Xue Tianxiang and others emphasized the importance of the integration of teachers [3]. It is recognized that the original concept, professional level, research direction, material treatment and work focus of teachers in each school are different. They pointed out that the merger does not necessarily lead to the improvement of education quality and the integration of teachers.

The integration of teachers and the integration and development of various disciplines is not easy. Data statistics show that a new breakthrough of scientific research brought by the integration of disciplines is difficult to produce in a short period and takes longer time [7]. In his speech, Liu Zhongshu, president of Jilin University, pointed out that after the merger, the discipline status of Jilin University is extensive, but not strong or refined, the development of discipline status and academic level is also unbalanced, and the phenomenon of discipline overlap is serious.

Solutions

On the basis of recognizing the limitation and uncertainty of the role of University merger, Xue Tianxiang and Wang Peijun put forward six basic conditions for University merger. First, universities should complement each other's advantages. Secondly, colleges and universities should determine the interest mechanism with the government and society, and make a reasonable positioning and scientific development plan for themselves. Thirdly, colleges and universities should speed up the reform of internal management system and improve management level. Fourthly, they should integrate teachers. Fifthly, they should inherit and carry forward the traditions and characteristics of the original colleges and universities. Sixthly, schools that are geographically close have an advantage in the merger [3].

Zhang Junsheng referred to four macro development elements in the analysis of the merger effect of Zhejiang University. The first element means that after the merger, we should put forward unified goals, inspire people's hearts and morale, and promote integration through development. Next, we need to timely adjust the discipline structure according to the law of discipline construction and development, formulate development plans and seriously organize the implementation. Furthermore, various policies need to be handled carefully, there can be no haste to ensure the stability of school order. And finally, continuous improvement of the school running conditions is required to ensure the rapid development of various undertakings of the school [4]. From the perspective of reviewing the history of university merger in Australia, Britain and the United States, Niu Fangyi et al. of China Education Research Center of Columbia University put forward the factors affecting the merger from three aspects: political factors, economic factors and organizational factors. They put forward relevant experience and measures on this basis, for example, the success of the merger needs the strong support of teachers and staff. Also, it points out that colleges and universities should continue to check and evaluate the merger situation and summarize the experience, which can be used for reference for the merger and development of domestic colleges and universities [5].

Combined with the problems prone to occur in the merger of colleges and universities and the specific measures of Jilin University, this paper puts forward the following suggestions from the perspective of different subjects.

First, the government needs to intervene actively in the process. The merger of colleges and universities is an important measure of China's higher education system reform, which needs the government's intervention from the perspective of macro strategic layout. However, relying mainly on the government and promoting merger from top to bottom, without macro-control, it is objectively easy to produce uncoordinated phenomenon. The government should make full feasibility demonstration and public opinion publicity on the premise of realizing the benefits of merger. The government can adopt intermediary means such as legislation, investment and evaluation, or impose certain administrative intervention measures to promote merger [2]. At the same time, the interest mechanism between colleges and universities, the government and society should also be established, and the differences between colleges and universities and the government in school running objectives should also be coordinated. These measures can promote the development of colleges and universities towards a more stable and prosperous direction. In addition, the government should also provide corresponding financial support for colleges and universities to avoid the problem of the rapid expansion of the scale of higher education and the disproportionate resources provided by the government in this process. For example, as early

as 2001, the Ministry of Education and Jilin Provincial People's Government (hereinafter referred to as Jilin Province) decided to sign an agreement on key joint construction of Jilin University. In 2005, the Ministry of Education and Jilin Provincial People's Government jointly issued "Decision on Continue to Focus on Jointly Building Jilin University", which more clearly pointed out that Jilin Province announced that it would continue to incorporate the reform and development of Jilin University into the overall planning of the province's overall construction and social development, and give corresponding policy support. The Ministry of Education also supports and encourages Jilin University to provide stronger education, scientific and technological support for the economic construction and social development of Jilin Province while serving the whole country⁷.

Secondly, the school should strive to improve their management ability and enhance synergy. First, each school needs to negotiate and determine the clear development objectives and development plans after the school merger, specify the development direction of the school after the merger, provide direction and guidance for the whole school staff to determine the objectives and forge ahead after the school merger, and promote the smooth operation and mild development of the whole school after the school merger. Secondly, the school should focus on building a new discipline construction model, promote the cross penetration of discipline resources, and truly give full play to the integration effect of discipline resources. Since the merger, Jilin University has attached great importance to discipline construction, always adhered to the strategy of using discipline development to promote school development, deeply explored the discipline platform system mode, actively integrated agricultural discipline resources, made effort to build a national scientific research platform, and gradually gave full play to the comprehensive advantages of disciplines⁸. As early as the beginning of the merger, Jilin University took the adjustment of disciplines and departments as the focus of the joint work. After investigation, the research team has formed the guiding ideology and integration scheme of discipline construction, namely: "based on the foundation, give play to the advantages; maintain the characteristics, highlight the application; optimize the allocation and share resources". Based on the guiding ideology, Jilin University has further formulated the basic ideas and countermeasures of discipline integration. Thirdly, the school should timely and carefully deal with many problems in the merger, such as personnel management, system differences, fund budget and so on, and also reform the management system and improve the management level. Jilin University is formed by the merger of six universities and colleges, with scattered campuses, a large number of students and faculties, and high school running cost. The merger produced Jilin University, which originally had tens of thousands of students, being the largest key comprehensive university directly under the Ministry of Education in China. Jilin University has improved the infrastructure, improved the treatment of all teaching staff to the original highest level, and increased teacher subsidies and reduced brain drain through loans. However, it also generated about 3 billion yuan of debt. In the end, Jilin University has achieved remarkable results by reducing operating costs through centralized school running and construction of intensive campuses. The bank loan of Jilin University reached 2.755 billion yuan at its peak, and it had been fully repaid by the end of 2015⁹. Since the merger, Jilin University has compiled and printed "Compilation of Job Responsibilities of Jilin University's Institutions and Directly Subordinate Units", which defines the post responsibilities of various functional departments and unifies the basic policies on personnel, distribution, teaching, scientific research, finance and so on. At the same time, Jilin University timely strengthened the information construction, formed a network information platform with advanced hardware equipment, strong technical force, wide network coverage and powerful function, greatly integrated the resources in

⁷ Data quoted from the Ministry of Education and the People's Government of Jilin Province, "Decision of the Ministry of Education and the People's Government of Jilin Province on continuing to focus on building Jilin University", Available at: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A14/A14_other/200508/t20050825_75738.html.

⁸ Data quoted from the Ministry of Education of the People's Republic of China, "Jilin university constructs a new discipline construction structure model, and the discipline resource integration effect is obvious", Available at: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s6192/s133/s161/201004/t20100420_86953.html.

⁹ Data quoted from the Xinhua Daily Telegraph, "Nearly 3 billion bank loans of Jilin University have been fully repaid", Available at: http://www.xinhuanet.com//mrdx/2016-06/22/c_135456482.htm.

the university and improved the work efficiency¹⁰. Fourth, for the issue of cultural inheritance, the merged universities need to specifically analyze the cultural and spiritual connotation and characteristics of the original schools, and on this basis, integrate, innovate and sublimate the culture of each school, reduce the cultural differences between schools, forge good interpersonal relations and enhance the identity of teachers and students for the merger. In 2011, in order to enhance the cohesion of campus culture, Jilin University launched the collection of its stories and the search for school history and culture. By mobilizing students to widely participate in the collection, sorting, processing and refining of campus culture and the stories of Jilin University, to stimulate the sense of honor and pride of teachers and students, promote the substantive and creative integration of school culture.

Finally, teachers and students should actively promote integration. The good result of discipline integration is not only in the macro-control of the government and schools, but also in the concerted efforts of teachers and students. Colleges and universities should actively provide opportunities to integrate teacher resources and build teacher teams. For example, in 2008, through major scientific research projects, Jilin University guided and supported academicians and other high-level teachers to lead the formation of interdisciplinary academic teams and scientific research groups¹¹. College teachers should also start from themselves, actively carry out academic exchanges with teachers in various schools, hold academic activities, promote discipline integration and enhance interpersonal relations. Students of all schools should also actively organize cross-campus learning and cultural activities to promote students' learning exchanges and promote innovative development.

Conclusion

Through the method of qualitative analysis and case analysis, this paper concludes that, generally speaking, under the current background, the university merger policy is a policy measure in line with the development trend of the time, but some problems still need to be paid attention to in the implementation process. This paper puts forward the corresponding solutions.

This article first analyzes the reasons for the merger of universities under the specific historical background. Then this article takes Jilin University as an example to summarize the benefits of the merger from both theoretical and empirical aspects. Afterwards, this article combines academic research to summarize the problems in the merger policy selection and merger process. Finally, in response to these problems, this article proposes solutions from the perspective of the government, universities, teachers and students, and integrates the corresponding solutions of Jilin University, hoping to provide experience for the practice of university mergers in the future.

Thus, this paper explores the reasons for the merger of colleges and universities against the specific historical background. "As one of the important ways of higher education management system reform, university merger is a form of reform with the greatest adjustment". To discuss the logic of the university merger, we must first investigate the higher education reform as the background [15]. First, against the realistic background of insufficient educational resources, the original system makes it difficult to achieve full potential of educational resources. Secondly, with the development trend of the integration of natural science and social science, the original single professional talent training method fails to meet up-to-date needs in development, and only by cultivating comprehensive and compound talents can we better promote the development of the country. Thirdly, the requirements of government departments to streamline institutions and transform functions also promote the structural adjustment of colleges and universities to a certain extent.

¹⁰ Data quoted from the Ministry of Education of the People's Republic of China, "Jilin University has achieved remarkable results in strengthening the construction of student work information platform", Available at: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s6192/s133/s161/201004/t201004-19_83986.html.

¹¹ Data quoted from the Ministry of Education of the People's Republic of China, "Jilin University carries forward the main melody of teaching work and explores new ideas for the construction of teaching staff", Available at: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s6192/s133/s161/201004/t20100419_83986.html.

Taking Jilin University as an example, this paper concludes that the merger model has its unique advantages both in theory and in practice. Theoretically speaking, for colleges and universities, merger makes their discipline coverage more extensive, which is conducive to the cross and integrated development of multiple disciplines. It can also strengthen the teaching staff, enhance the communication between teachers and enhance their influence. Furthermore, it can strengthen social ties and attract various funds. From a long-term perspective, the merger of colleges and universities promotes the exchange and integration between disciplines and teachers, and creates an inclusive, pioneering and innovative academic environment, which is of great help to the cultivation of high-level compound talents. In the empirical analysis of Jilin University, it can be seen that the merger of colleges and universities has a certain positive effect on its academic construction, scientific research and talent training.

Nevertheless, it can also be seen that the merger model is not a cure-all medicine, and its role has its limitations and uncertainty. The main case of this paper is the merger of Jilin University, which took place 20 years ago. Today, there is no way of giving a definite conclusion for each university for they have their own special attributes. Universities with a long history that have unique characteristics in school culture and discipline research tradition face special difficulties in the process of merger. In the choice of merger policy, colleges and universities are prone to blind pursuit of scale expansion, resulting in differences among the schools, as well as between the schools and the government on the development direction, positioning and objectives after merger, which may further cause conflicts within schools and affect the process of merger. During the implementation of the merger policy, there will be some complex management problems, such as the adjustment of teachers, management system, multi-campus management and so on, which are directly related to the effect of merger and the development of the school. Therefore, in the application of the model, it is not only difficult to give full play to the advantages of the merger model, but quite easy to produce counteraction, and lose the advantages and characteristics of the original schools. However, in terms of the scale of administrative personnel, according to the relevant experience of China and other countries in Europe and the United States, the merger of colleges and universities generally does not lead to the reduction of administrative personnel. After the merger of colleges and universities, more administrative resources will be needed to bring these institutions together, because different aspects of these institutions must be coordinated and controlled [14].

In view of the problems arising from the merger, this paper summarizes the merger experience of Jilin University, and provides measures from the perspectives of government, school and individual. The government needs to play an active role in intervention with respect to macro strategic layout and establish the interest mechanism among the government, universities and society. As for the colleges and universities, they need to clarify the development direction and objectives, strive to build a new discipline construction model, timely and carefully deal with many problems such as personnel management and so on, and carry out integrated development of each school's culture on the basis of specific analysis of the cultural and spiritual connotation and characteristics of the original schools. From the perspective of an individual, teachers and students need to communicate actively in daily teaching, scientific research and everyday life to promote integration.

In recent years, both Chinese and Russian universities have begun to pay attention to the ranking of major universities in the world. The competent education departments and universities in both countries have introduced a number of measures to improve the ranking (the "211", "985" and "double first-class" projects launched by the Ministry of education of China and the "5-100" plan issued by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation). Of course, improving the ranking is not the ultimate goal of universities. Universities mainly hope to obtain more development resources through the ranking to ensure the development of schools, teachers and students. As a method of educational reform, the merger of colleges and universities has become a measure jointly selected by the competent education departments of China and Russia. But as China's president Xi Jinping said, "advancing the cause of reform to hitherto unknown breadth and depth, the reform should be carried out throughout

the whole process and the overall situation should be traced”. In order to lead social development, education itself needs continuous reform and innovation. Therefore, the need for educational reform is constant, and the reform of higher education should also be perceived as a natural process to adapt to the new problems.

To sum up, in today’s society, where the development of science is cross cutting and natural science and social science are increasingly integrated, the merger of colleges and universities is a reform model to meet the needs of talent development. It is conducive to promoting the integration of disciplines and cultivating high-level compound talents. However, we also need to deal with various problems that may arise in the merger to give full play to the positive effect of the merger and promote further development of colleges and universities.

The project is funded by 2020 “Thirteenth Five-Year” Scientific Research Planning Project (Social Science Research Project) of the Education Department of Jilin Province: “Research on the Talent Training Path of International Organizations in Jilin Province Universities in the New Era” (JKH20201131SK), The 2019 General Higher Education Research Project of the Jilin Provincial Higher Education Association: “Sino-Russian University Cooperation Issues under the Background of the “One Belt and One Road” Initiative”.

REFERENCES

- [1] **X. Xu**, On the Advantages, Disadvantages and Development Strategies of the Merger of High-level Universities in China. *Educational Research*, 2002, Pp. 59–65. DOI: CNKI:SUN:JYYJ.0.2002-08-011
- [2] **G. Wang, L. Chen**, A Rational Analysis of the Historical Experience of the Two College Mergers after the Founding of New China. *Education Exploration*, 2006, Pp. 33–35. DOI: 10.3969/j.issn.1002-0845.2006.06.016
- [3] **T. Xue, P. Wang**, Rational Thinking on the Merger of Colleges and Universities. *Research in Educational Development*, 1995, Pp. 1–6. DOI: CNKI:SUN:SHGJ.0.1995-04-000
- [4] **J. Zhang**, On the University Mergence. *University*, 2009, Pp. 5–11. DOI: CNKI:SUN:DX-YP.0.2009-06-003
- [5] **F. Niu, M. Zeng, S. Li**, Research on the merger of colleges and universities in developed countries. *Research in Educational Development*, 2007, Pp. 1–9. DOI: 10.3969/j.issn.1008-3855.2007.11.002
- [6] **J. Liu**, Theoretical and Empirical Research on the Merger and Reorganization of Colleges and Universities. MA thesis. Zhejiang University, 2003.
- [7] **Y. Wang**, The Quantitative Research and Analysis on Validity of University Merging In China: Merger of 40 Colleges and Universities as an Example. MA thesis. Shanghai Jiao Tong University, 2009.
- [8] **J. Yang, Z. Zhang**, The Impact of the Merging of Universities on College Admission Scores: Take the “Project 985” and “Project 211” Universities in China as an Example. *China Economics of Education Review*, 2021, Pp. 71–101. DOI: 10.19512/j.cnki.issn2096-2088.2021.02.004
- [9] **J. Jiang**, Study on the Changes of Main School Running Indicators and Evaluation Ranking of Jilin University. *Modern Education Science*, 2011, Pp. 44–46. DOI: 10.13980/j.cnki.xdjyxx.gyj.2011.03.025
- [10] **Z. Lu**, A Comparative Study of the Two Mergers of Universities after the Founding of the People's Republic of China. *Tsinghua Journal of Education*, 2000, Pp. 77–80. DOI: 10.14138/j.1001-4519.20-00.02.018
- [11] **G. Wang**, Research on Multi-campus Universities in the United States and Its Enlightenment. *International and Comparative Education*, 2002, Pp. 43–47.
- [12] Editorial Committee of School History of Jilin University, *History of Jilin University*. Jilin University Press, 2016, Pp. 202–216.
- [13] **Z. He**, Jilin University with a debt of 3 billion. *China Newsweek*, 2007, Pp. 18–21.
- [14] **G. Curri**, Reality versus perception: restructuring tertiary education and institutional organisation change—a case study. *Higher education*, 2002, Pp. 133–151.
- [15] **M. Fullan**, Probing the depths of educational reform. Educational Science Publishing, 2004.
- [16] **X. Chen**, Qualitative research methods in Social Sciences. *Social Sciences in China*, 1996, Pp. 93–102.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Xu X.** On the Advantages, Disadvantages and Development Strategies of the Merger of High-level Universities in China. *Educational Research*, 2002, Pp. 59–65. DOI: CNKI:SUN:JYYJ.0.2002-08-011
2. **Wang G., Chen L.** A Rational Analysis of the Historical Experience of the Two College Mergers after the Founding of New China. *Education Exploration*, 2006, Pp. 33–35. DOI: 10.3969/j.issn.1002-0845.20-06.06.016
3. **Xue T., Wang P.** Rational Thinking on the Merger of Colleges and Universities. *Research in Educational Development*, 1995, Pp. 1–6. DOI: CNKI:SUN:SHGJ.0.1995-04-000
4. **Zhang J.** On the University Mergence. *University*, 2009, Pp. 5–11. DOI: CNKI:SUN:DXYP.0.2009-06-003
5. **Niu F., Zeng M., Li S.** Research on the merger of colleges and universities in developed countries. *Research in Educational Development*, 2007, Pp. 1–9. DOI: 10.3969/j.issn.1008-3855.2007.11.002
6. **Liu J.** Theoretical and Empirical Research on the Merger and Reorganization of Colleges and Universities. MA thesis. Zhejiang University, 2003.
7. **Wang Y.** The Quantitative Research and Analysis on Validity of University Merging In China: Merger of 40 Colleges and Universities as an Example. MA thesis. Shanghai Jiao Tong University, 2009.
8. **Yang J., Zhang Z.** The Impact of the Merging of Universities on College Admission Scores: Take the “Project 985” and “Project 211” Universities in China as an Example. *China Economics of Education Review*, 2021, Pp. 71–101. DOI: 10.19512/j.cnki.issn2096-2088.2021.02.004
9. **Jiang J.** Study on the Changes of Main School Running Indicators and Evaluation Ranking of Jilin University. *Modern Education Science*, 2011, Pp. 44–46. DOI: 10.13980/j.cnki.xdjy.kx.gyj.2011.03.025
10. **Lu Z.** A Comparative Study of the Two Mergers of Universities after the Founding of the People's Republic of China. *Tsinghua Journal of Education*, 2000, Pp. 77–80. DOI: 10.14138/j.1001-4519.2000.02.018
11. **Wang G.** Research on Multi-campus Universities in the United States and Its Enlightenment. *International and Comparative Education*, 2002, Pp. 43–47.
12. Editorial Committee of School History of Jilin University, *History of Jilin University*. Jilin University Press, 2016, Pp. 202–216.
13. **He Z.** Jilin University with a debt of 3 billion. *China Newsweek*, 2007, Pp. 18–21.
14. **Curri G.** reality versus perception: restructuring tertiary education and institutional organisation change—a case study. *Higher education*, 2002, Pp. 133–151.
15. **Fullan M.** Probing the depths of educational reform. Educational Science Publishing, 2004.
16. **Chen X.** Qualitative research methods in Social Sciences. *Social Sciences in China*, 1996, Pp. 93–102.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Li Menglong M.

Ли Мэнлун

E-mail: 244591055@qq.com

Bai Yajing Y.

Бай Яцзин

E-mail: baiyajing@jlu.edu.cn

Qin Benchuyue B.

Цинь Бенчюю

E-mail: qinbenchuyue@jlu.edu.cn

Статья поступила в редакцию 29.11.2021; одобрена после рецензирования 26.12.2021; принята к публикации 18.03.2022.

The article was submitted 29.11.2021; approved after reviewing 26.12.2021; accepted for publication 18.03.2022.

Научное издание

ОБЩЕСТВО. КОММУНИКАЦИЯ. ОБРАЗОВАНИЕ
SOCIETY. COMMUNICATION. EDUCATION

Том 13, № 1, 2022

Учредитель и издатель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-77377 от 25 декабря 2019 г.

Редакция журнала

д-р филол. наук, профессор *В.Е. Чернявская* – главный редактор
Г.А. Пышкина – ответственный секретарь

Телефон редакции 7(812)552-62-16

Сайт <http://human.spbstu.ru>

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка *А.А. Кононова*

Лицензия ЛР № 020593 от 07 августа 1997 г.

Подписано в печать 30.03.2022. Формат 60×84 1/8.

Санкт-Петербургский политехнический университета Петра Великого
Адрес: 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29